

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

СУН ДАНЬДАНЬ

**МЕМУАРНЫЙ ОБРАЗ КИТАЯ НАЧАЛА XX ВЕКА:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ Б. С. КОЛОКОЛОВА И С. А. ДАЛИНА)**

5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Копнина Галина Анатольевна,
доктор филологических наук, доцент

Красноярск – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МЕМУАРНОГО ОБРАЗА СТРАНЫ	
1.1. Языковой образ как лингвистическая категория	13
1.2. Образ страны как объект лингвоимагологических исследований	27
1.3. Текст как результат дискурсивной деятельности человека: исходные установки	38
1.4. Дискуссионные вопросы и основные аспекты лингвистических исследований мемуарных текстов	41
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	51
ГЛАВА 2. КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ, ТАКТИКИ И ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА КИТАЯ В МЕМУАРНЫХ ЗАПИСКАХ Б. С. КОЛОКОЛОВА	
2.1. Мемориально-информационная стратегия и ее субстратегии в мемуарных записках Б. С. Колоколова	53
2.2. Тактики номинативной стратегии репрезентации образа Китая	58
2.3. Тактики нарративной стратегии создания образа Китая	68
2.4. Тактики дескриптивной стратегии и особенности ее реализации	73
2.5. Тактики комментирования и их роль в создании образа Китая	84
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	90
ГЛАВА 3. КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ, ТАКТИКИ И ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА КИТАЯ В МЕМУАРАХ С. А. ДАЛИНА	
3.1. Имиджево-мемориальная стратегия и ее субстратегии в мемуарах С. А. Далина	93
3.2. Тактики номинативной стратегии в репрезентации образа Китая	98
3.3. Тактики нарративной стратегии создания образа Китая	103
3.4. Тактики дескриптивной стратегии и специфика ее реализации	110
3.5. Тактики рассуждения и их роль в создании образа Китая	130
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3	140
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	144
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	151
ПРИЛОЖЕНИЕ. ГРАФИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ТЕКСТОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЯЗЫКА PYTHON	174

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено выявлению специфики языкового (речевого) образа Китая начала XX века в русскоязычных мемуарах двух авторов и выполнено на пересечении активно развивающихся научных направлений современного языкознания – лингвистической имагологии и лингвистики дискурса. Первое направление в современном языкознании сформировалось благодаря становлению имагологии как гуманитарной науки, которая изучает образ «своего» и/или образ «чужого» – чужой страны, чужого народа и т. д. [Зеленин, 2013; Иванова, 2016; Камалова, 2020 и др.]; второе – развитию теории дискурса в системе наук о языке, который в нашем исследовании понимается как совокупность текстов, взятых с учетом экстралингвистических условий их создания [Дейк, 1989; Демьянков, 1995; Хурматуллин, 2009; Кушнерук, 2012 и др.]. Исследование соответствует п. 7 («Текст, дискурс, дискурсивные практики в русском языке и других языках России») и п. 11 («Филологический анализ памятников и текстов на русском языке, на другом языке России») паспорта специальности 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

В качестве отдельного направления Л. В. Калинина выделяет лингвистику образа, но отмечает, что оно выходит за рамки «чистой филологии». Лингвистика образа «изучает то, как с помощью единиц языка человек пытается передать свой интериоризированный, внутренний опыт, связанный как с непосредственным восприятием реальных фактов и событий, так и с представлением каких-либо фактов и событий в памяти и воображении и их интерпретацией» [Калинина, 2019, с. 342–343]. В ней можно выделить различные «зоны исследовательского интереса» [Там же, с. 342]. Так, целый ряд работ посвящен лингвистической интерпретации образа человека [Калинина, 2013; Наумова Н. Г., 2009; Чернова, 2011, Яковенко, 2007 и др.]; образа географического региона, в частности Кавказа [Таджибова, 2011], или образа страны, например России [Чупракова, 2018]; образа «чужого» [Рахимбергенова, 2008], «себя» и «другого» [Разумкова, 2018]; образа

отдельного географического места, например английского сада [Гончарова, 2014]; социального института, например университета [Свиркович, 2021], и многих других образов. Тем самым «лингвистика образа» является зонтичным термином, объединяющим междисциплинарные исследования образов различного типа.

Защищен целый ряд диссертаций, посвященных лингвистическому исследованию образов различных стран: Германии, России, Франции, Японии и других (например, [Коптякова, 2009; Морозова, 2018; Чупракова, 2018; Казанцева, 2021]), – но общепринятая методика лингвистического анализа образа страны в том или ином типе дискурса отсутствует. Это признается и в рамках лингвоимагологии (например, в работах: [Костина, 2011; Тупчий, 2018; Камалова, 2020]).

Несмотря на то что контакты между Россией и Китаем имеют длительную историю, образ Китая начала XX века до сих пор остается малоизученным в России (краткий обзор исторических работ по проблеме представлен, например, в публикациях: [Лукин, 2007; Титаренко, 2012]). Лингвисты образ Китая изучают на материале средств массовой информации (например, [Хуэйцинь Чжан, 2014; Карабулатова, 2021]), мемуарная же литература как материал исследования этого образа ими не привлекалась.

Таким образом, **актуальность** предпринятого нами исследования обусловлена: его ингерентно-междисциплинарным характером; усилением внимания языковедов к специфике отражения образов той или иной страны в различных типах дискурса, вызванным развитием информационных технологий; недостаточной разработанностью теоретико-методологических основ лингвистического исследования образа страны; недостаточной лингвистической изученностью образа Китая, несмотря на существование многолетней дружбы между Китаем и Россией, влияющей на языковое сознание народов.

Научная новизна работы определяется вовлечением в круг лингвистических исследований образа Китая мемуарных текстов, которые принадлежат двум важным политическим деятелям, в определенной степени

повлиявшим на развитие и характер отношений между странами, и которые представляют в силу этого культурно-историческую ценность.

Объектом исследования является языковой (речевой) образ Китая начала XX века, представленный в дискурсивном мире русскоязычных мемуаров двух авторов – Б. С. Колоколова и С. А. Далина; **предметом** – коммуникативные стратегии, тактики и характерные для них языковые и речевые средства, направленные на создание этого образа.

Цель исследования – охарактеризовать коммуникативные стратегии, тактики и реализующие их языковые и речевые средства, направленные на репрезентацию образов Китая в русскоязычных мемуарных текстах Б. С. Колоколова и С. А. Далина и создающие в совокупности дискурсивный мемуарный образ Китая начала XX века.

Реализация этой цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) рассмотреть проблему определения понятий «языковой образ» и «языковой (речевой) образ страны»;
- 2) охарактеризовать образ страны как объект лингвоимагологических исследований;
- 3) выявить и рассмотреть дискуссионные вопросы лингвистических исследований мемуарных текстов;
- 4) выявить и описать коммуникативно-речевые стратегии, тактики и характерные для них языковые/речевые средства, направленные на репрезентацию образа Китая в мемуарных записках Б. С. Колоколова;
- 5) выявить и описать коммуникативные стратегии, тактики и характерные для них языковые/речевые средства, направленные на репрезентацию образа Китая в мемуарах С. А. Далина;
- 6) сопоставить полученные результаты исследования образа Китая в мемуарных текстах названных авторов и дать обобщающую лингвистическую характеристику образа Китая начала XX века, представленного в дискурсивном мире русскоязычных мемуаров.

Материалом исследования послужили русскоязычные мемуары: «Б. С. Колоколов. Записки сына последнего российского императорского генерального консула в Мукдене» Бориса Сергеевича Колоколова и «Китайские мемуары 1921–1927» Сергея Алексеевича Далина. Общий объем проанализированных текстов составляет 21 печатный лист.

Борис Сергеевич Колоколов (1911–2001) родился в Харбине (Китай) в 1911 году. Он был сыном последнего российского императорского генерального консула в Мукдене (Шэньян). После кончины отца от болезни (1921) Б. С. Колоколов, его брат и сестра остались со своей матерью в Китае в качестве русских эмигрантов до 1954 года. В 1954 году, когда объявили репатриацию русских эмигрантов на целинные земли, он со своей семьей выехал в СССР. Мемуарные записки Б. С. Колоколова («Б. С. Колоколов. Записки сына последнего российского императорского генерального консула в Мукдене») были опубликованы Е. Б. Кузнецовой и М. Ю. Сорокиной в журнале «Диаспора. Новые материалы», который вышел в Париже в 2007 году. Оригинал рукописного текста Б. С. Колоколова (три толстые общие тетради) хранится у Е. Б. Кузнецовой, которая, как пишет М. Ю. Сорокина (автор предисловия), «...расшифровала и отредактировала рукопись, не меняя структуры и содержания текста, а также сохраняя характерные для автора мемуаров обороты, некоторую старомодность его изложения и т. п.» [Кузнецова, Сорокина, 2007, с. 14]. В мемуарах Б. С. Колоколов описывает свою жизнь в Китае с 1911 до 1925 год.

М. Ю. Сорокина отмечает, что воспоминания Б. С. Колоколова дают «уникальные сведения <...> о сложной и непредсказуемой жизни консульской семьи в китайской провинции на переломном этапе и китайской, и российской истории» [Там же, с. 11]. Она пишет также, что если «русский Харбин» и «русский Шанхай» достаточно хорошо изучены, то «судьба “региональных отрядов” российской эмиграции и вообще “русских в Китае”, уже более столетия интенсивно обживающих китайскую провинцию, остается на периферии научного интереса, хотя заслуживает ничуть не меньшего внимания, чем события и люди

Харбина или Шанхая» [Там же, с. 8], что свидетельствует об исторической ценности материала. Примечательно, что в записках создается мемуарный образ не только русских в Китае, российского консульского мира, но и образ самого Китая начала XX века.

Сергей Алексеевич Далин (1902–1985) несколько раз приезжал в Китай в 20-х годах XX века. Как представитель Коммунистической партии Советского Союза, он принимал участие в китайском революционном движении. Его мемуары повествуют о том, что он увидел и испытал в Китае с 1921 по 1927 год: о китайском обществе под влиянием иностранных держав и революционных волн, трудной жизни китайских трудящихся, их борьбе за свое освобождение, о контактах автора с демократическим революционером Сунь Ятсеном и руководителями Коммунистической партии Китая.

Таким образом, названные мемуарные тексты неслучайно выбраны в качестве материала исследования. Борис Сергеевич Колоколов родился в Китае и там прожил первую половину жизни, являясь сыном русских эмигрантов. Сергей Алексеевич Далин был советским коммунистом. Данным фактом определяется их разное отношение к Китаю, они обращают внимание на различные аспекты образа страны. Сопоставление и совмещение этих образов позволяет получить многоаспектный мемуарный образ Китая начала XX века, что обуславливает смысловую репрезентативность материала исследования и в конечном счете позволяет осмыслить коммуникативную ценность образа. О значимости научного осмысления субъективных образов пишет Б. М. Гаспаров: «Необходимо хотя бы прикоснуться к миру личностных образных представлений, во всей его субъективности, чтобы можно было поставить вопрос о том, как этот мир субъективных образов приобретает коммуникативную ценность, то есть приходит в соприкосновение с аналогичными мирами других личностей» [Гаспаров, 1996, с. 247].

В ходе нашего исследования использовались следующие **методы** и приемы: общий аналитико-описательный метод, включающий приемы наблюдения,

обобщения, интерпретации, классификации и позволяющий представить картину функционирования образа в мемуарном дискурсе; методы контекстуального (в широком смысле, включая биографический контекст) и количественного анализа (основанного на подсчете частотности тех или иных языковых/речевых единиц); стилистический анализ текста, позволяющий выявить изобразительно-выразительные и эмоционально-оценочные средства языка и речи, значимые для репрезентации образа страны; дискурсивный анализ, представляющий собой совокупность методов интерпретации текста как продукта речевой деятельности людей, осуществляемой в определенных обстоятельствах и условиях. Для определения и визуализации частотности слов в мемуарных текстах применялся статистический метод с использованием языка программирования Python и библиотек «NLTK» (Natural Language Toolkit – Инструментарий обработки естественного языка) и «WordCloud». С помощью NLTK произведён частотный анализ слов в текстах мемуаров, затем на его основе с помощью «WordCloud» созданы облака слов, визуализирующие результаты.

Теоретической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные прежде всего вопросам имагологии – как общей (Ж.-М. Карре, М. Ф. Гийяра, Хуго Дизеринк, Мэн Хуа, Чжао Ин, А. Р. Ощепков, О. Ю. Поляков, В. Б. Земсков, О. В. Томберг, Е. В. Папилова), так и лингвистической (Шамиль Хайров, М. А. Бойцов, К. В. Костина, Т. А. Кожевникова, Л. П. Иванова, А. В. Зеленин и др.); исследования в области лингвистики дискурса (Т. А. ван Дейк, Е. А. Петренко, Г. В. Редько, А. А. Еремеева и др.), семантики (И. А. Стернин, М. Я. Розенфельд, Е. А. Юрина и др.), стилистики (Э. С. Азнаурова, Г. Я. Солганик, А. П. Сковородников и др.) и риторики (Т. Г. Хазагеров).

Теоретическая значимость работы состоит в том, что она вносит вклад в развитие лингвоимагологических исследований (в русское имагологическое поле включаются научные работы китайских ученых, вводится понятие мемуарного образа страны) и лингвистики дискурса (предъявляет разработанную

методику дискурсивного анализа применительно к мемуарным текстам, характеризует специфику дискурсивной мемуарной практики в русском языке).

Практическая ценность полученных результатов заключается в том, что они могут использоваться в практике преподавания лингвоимагологии, теории жанроведения, дискурсивной лингвистики, а также истории русской мемуаристики.

Положения, выносимые на защиту

1. Мемуарный образ страны – это сформированное в сознании человека, группы людей или общества в целом устойчивое представление о той или иной стране, репрезентированное (объективированное) в мемуарном тексте/дискурсе с помощью определенных коммуникативных стратегий, тактик и характерных для них языковых и речевых средств. Этот образ является формой культурной памяти.

2. Мемуарный образ страны входит в сферу интересов лингвистической имагологии и лингвистики дискурса, что позволяет предложить адекватную объекту методику его междисциплинарного исследования, в основе которой – метод дискурсивного анализа, включающий определение общих коммуникативных стратегий текстов, связанных с реализацией коммуникативно-прагматических целей авторов текстов, и внутрижанровых коммуникативно-речевых стратегий, выделенных на основе функционально-стилистического анализа композиции текста.

3. Образ Китая начала XX века в исследованном мемуарном дискурсе на русском языке обусловлен эксплицитно выраженными в текстах глобальными коммуникативными стратегиями: мемориально-информационной – в мемуарных записках Б. С. Колоколова; имиджево-мемориальной – в мемуарах С. А. Далина. Интегральными для названных авторов внутрижанровыми коммуникативно-речевыми стратегиями являются номинативная, нарративная и дескриптивная стратегии; дифференциальными – стратегия комментирования, характерная для мемуарных записок Б. С. Колоколова, и стратегия рассуждения, представленная в мемуарах С. А. Далина.

4. Лингвистическое описание внутрижанровых коммуникативно-речевых стратегий с реализующими их тактиками и приемами позволяет комплексно охарактеризовать мемуарный образ Китая начала XX века, который предстает как сложный образ-схема, отражающий маршрут передвижений авторов (скитаний Б. С. Колоколова и командировок с политическими целями С. А. Далина), и образ-концепт, включающий в себя другие образы (географический образ страны, образ городов и малых поселений, образ народа, средств передвижения, образ политических деятелей и событий и др.). Различия в развертывании мемуарного образа обусловлены не только глобальной стратегией мемуарного текста как «места памяти», но и биографией авторов.

5. Китай в русскоязычных мемуарах начала XX века предстает как политически разрозненное государство, как страна с огромной территорией, развитыми городами и отсталыми сельскими районами, социальное неравенство в которой вынуждает народ, выполняющий низкооплачиваемый физический труд, активно участвовать в борьбе за свою свободу и улучшение условий жизни. Аксиологически в русском языке мемуарный образ Китая характеризуется лингвистическими средствами выражения сопричастности (в записках Б. С. Колоколова) и сочувствия, сострадания (в мемуарах как Б. С. Колоколова, так и С. А. Далина). В отличие от С. А. Далина, Б. С. Колоколов объективирует в тексте образ Китая как образ «другого», но «своего».

6. Коммуникативно-речевые стратегии создания образа в исследованных текстовых памятниках на русском языке определяют частотность функционирования в них лексических единиц, что подтверждается статистическим анализом.

Достоверность полученных результатов обеспечивается опорой на основополагающие отечественные и зарубежные труды в области лингвомагологии, лингвистики дискурса и теории памяти; использованием комплекса современных лингвистических методов исследования, включая статистический анализ текста с использованием языка программирования Python.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были представлены и обсуждались на конференциях различного уровня: IX Международных (XXIII Всероссийских) филологических чтениях памяти профессора Раисы Тихоновны Гриб «Человек и язык в коммуникативном пространстве» (30–31 марта 2018 г., Лесосибирск); Международной научно-практической конференции молодых исследователей «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» (24–25 апреля 2018 г., Красноярск); Всероссийском семинаре «Экология языка и современные коммуникативные практики» (23–24 апреля 2019 г., Красноярск); Международной научной конференции «Аксиологические аспекты современных филологических исследований» (15–17 октября 2019 г., Екатеринбург); XI Всекитайской научной конференции «Семантическое исследование» (6–7 ноября 2021 г., Цюйфу, Китай); Всекитайской научной конференции «Современное зарубежное литературоведение и взаимная оценка цивилизаций» (27–28 августа 2022 г., Шицзячжуан, Китай). По теме исследования опубликовано шесть научных статей, три из которых – в ведущих рецензируемых научных изданиях, входящих в список, рекомендованный ВАК РФ.

Результаты исследования были использованы в процессе работы над грантовым проектом «Образ Китая в русскоязычной мемуарной литературе конца XIX – начала XX века: история и культура» (Управление по философии и социальным наукам провинции Хэбэй, Китай, 2022 год, руководитель проекта – Сун Даньдань).

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

Во введении обосновывается актуальность исследования; определяются его объект и предмет, цель и задачи, научная новизна и использованные методы; характеризуется теоретическая и практическая ценность работы; приводятся данные об апробации исследования; описывается структура диссертации. В первой главе «Теоретико-методологические основы лингвистического

исследования мемуарного образа страны» рассматриваются: проблема определения понятий «языковой образ» и «образ страны»; дискуссионные вопросы лингвоимагологического исследования образа страны, а также лингвистических исследований мемуарных текстов. Во второй главе «Коммуникативно-речевые стратегии, тактики и приемы создания образа Китая в мемуарных записках Б. С. Колоколова» и третьей главе «Коммуникативно-речевые стратегии, тактики и приемы создания образа Китая в мемуарах С. А. Далина» в типологическом аспекте представлено описание коммуникативно-речевых стратегий, направленных на описание образа Китая, выявлены их тактики и реализующие их языковые/речевые средства. В заключении в сопоставительном аспекте представлены обобщающие выводы исследования. В список использованной литературы включено 209 источников, на которые имеются ссылки в тексте диссертационной работы. В приложении даны таблицы и рисунки, графически визуализирующие результаты анализа частотности слов с использованием языка программирования Python.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МЕМУАРНОГО ОБРАЗА СТРАНЫ

1.1. Языковой образ как лингвистическая категория

Трактовка понятия «языковой образ» в современном языкознании зависит от направления/аспекта лингвистических исследований. Представим **основные точки зрения на его определение.**

1. Образ как составляющая семантической структуры слова

Концепция образности как лексико-семантической категории, восходящая к работам А. А. Потебни и Ш. Балли, в отечественной лингвистике оформилась, как отмечает Е. А. Юрина, только в конце XX – начале XXI столетия [Юрина, 2004, с. 6]. В соответствии с этой концепцией, принятой в **семасиологии (лексической семантике)**, образный компонент значения слова связывают с двуплановостью его семантической структуры, где чувственное представление о реалии выступает вторым планом значения. «Эта попытка “примирить” понятие и представление осуществлена в рамках когнитивной лингвистики, изучающей концепт как комплексную мыслительную единицу, элементом которого <...> является чувственный образ» [Стернин, 2008, с. 17].

В семасиологии различают «первичные чувственные образы», или «образы памяти» (они связаны с предметно-понятийным содержанием лексической единицы), и более сложные образы – «образы воображения», которые образуются «путем комбинирования образов памяти» (например, в содержании слова *театр*) или путем переосмысления чувственно-наглядных образов (вторичный двуплановый образ метафорического – в широком смысле – характера) [Юрина, 2004, с. 9–12]. В работах представителей Томской лингвистической школы лингвистический образ предстает как «совмещенное видение двух картин» [Там же, с. 13], а образность – как «лексико-семантическая категория, обобщающая свойство единиц лексико-фразеологического уровня языка, проявляющееся в способности обозначить

определенное явление внеязыковой действительности (предмет, свойство, процесс, ситуацию) в ассоциативной связи с другим, не тождественным обозначаемому явлением на основе их реального или мнимого сходства посредством метафорической внутренней формы языковой единицы» [Там же, с. 19–20].

В современной семасиологии метафорический образ приравнивается к концепту. Он осмысливается как когнитивная структура, «обладающая несомненной психологической реальностью для носителя языка» [Илюхина, 2010, с. 5]. Другими словами, образ признается по своей природе когнитивной единицей. В проекции на лексический уровень он расценивается как «особый тип лексико-семантической парадигмы – *ассоциативно-семантическое поле*, соотносящееся с известными типами парадигм: лексико-семантической и тематической группами, лексико-семанти-ческим, деривационно-семантическим и ассоциативным полями» [Там же, с. 6].

Образный компонент значения слова вычленяется с помощью психолингвистического эксперимента, анализа словарных дефиниций в толковых словарях, анализа образного контекста (например, в работах [Розенфельд, 2007; Юрина, 2004]).

2. Образ как составляющая концепта

Постулат об образе как составляющей концепта представлен прежде всего в работах по **когнитивной лингвистике**. В них отмечается, что образ является структурным мегакомпонентом концепта, наряду с энциклопедическим и интерпретационным полем [Стернин, 2008, с. 158]. Концепт может состоять только из чувственного образа, но может включать и рефлексивные когнитивные признаки, имея в таком случае чувственно-рациональное содержание [Там же, с. 220]. Изучение образа осуществляется с использованием методики исследования концепта.

Подчеркивается и связь образа с семантикой слова: образ – это «чувственное начало концепта, которое лежит и в основе значения слова,

называющего концепт», «рациональное, рефлексивное “нарастает” на образы» [Стернин, 2008, с. 181]. В речевом процессе образ выступает «как чувственный компонент семантики слова, использованного для номинации концепта», то есть как «рациональное, обобщенное представление» [Там же, с. 222]. Следовательно, изучение образа предполагает анализ семантики единиц номинативного поля концепта.

Образ появляется из образных компонентов слов, используемых для его дефиниции, образов-прототипов, литературных источников [Там же, с. 186]. Образный компонент значения может быть актуализирован в речи. Основные методы изучения образа в значении и в концепте: анализ словарных дефиниций, анализ внутренней формы слова, анализ сочетаемости слова, анализ метафорических значений и употреблений слова.

Образ рассматривается и в психолингвистике, которая описывает чувственный образ как компонент концепта, единицу универсального предметного кода, выступающего инструментом мышления, как одну из форм невербальных ментальных репрезентаций действительности [Там же, с. 170].

3. Языковой образ, или образ-концепт, как отражение в языке знаний и представлений об окружающем мире

Понятием языкового образа оперирует **антропоцентристская семантика**, изучающая языковые репрезентации смысловых универсалий, представляющие в совокупности языковую картину миру. Языковой образ понимается не как «образ, возникающий в воображении при восприятии языкового знака», а как «отражение в языке знаний и представлений человека об окружающем мире» [Никитина, 2001, с. 97]. Антропоцентристская семантика рассматривает отображение в языке отдельного фрагмента мира (языковой образ человека, природы, любви и т. д.) или образ чего-либо (например, человека, природы) в языковой картине мира. Она движется «к языковым образам от концептов, смысловых универсалий» [Там же, с. 98], поэтому ключевым для нее является

термин «языковой образ-концепт». Целый ряд исследований в рамках этого направления посвящен моделированию языкового образа человека.

4. Образ как лингвокультурный типаж

В лингвокультурологии образ понимается как «узнаваемый вымышленный или реальный типизируемый персонаж, обладающий национально-культурной значимостью, стереотипизируемыми характеристиками, реализуемыми на лексическом и дискурсивном уровнях» [Гвоздева, 2009, с. 7]. Понятие лингвокультурного типажа было введено В. И. Карасиком в 2005 году [Карасик, Дмитриева, 2005] и активно используется в исследованиях, выполненных на стыке когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Описан уже целый ряд лингвокультурных образов, или типажей: врач [Рощина, 2011], учительница [Попова, 2012], эмигрант [Старцева, 2012], чиновник [Щеглова, 2010], друг [Глушкова, 2014] и многие другие.

5. Образ как «образный отклик» воспринимающего языковой материал и единица анализа текста

Такое понимание образа представлено в целом ряде **стилистических работ**: образ осмысливается как «наглядное представление о каком-либо факте действительности, такое неадекватное отражение явлений и предметов, в которых сознательно отобраны те их признаки, через которые возможно передать данное понятие в конкретно-изобразительной форме» [Азнаурова, 1973, с. 123]; как «образ, получающий объективацию в тексте с помощью языковых средств», «единица анализа и интерпретации смысла художественного текста» [Ронжина, 2009, с. 131]. Это понятие тесно связано со сложной стилистической категорией образности, имеющей различные интерпретации.

При узком подходе образность (как языковую, так и речевую) понимают прежде всего как наглядность (изобразительность), например: «образность есть стремление речи к усилению наглядности восприятий, а восприятие всегда вызывает не только мысль, но и чувство» (А. Н. Савченко, цит. по: [Михайлов, 2006, с. 50]); образность – это «свойство поэтической речи передавать не только

логическую, но и чувственно воспринимаемую информацию (ощущения, восприятия, представления) при помощи словесных образов» [Стилистика английского языка, 1984, с. 36]; «образность – это коммуникативное качество высказывания, проявляющееся в его способности порождать у слушателя или читателя образы – яркие наглядные чувственные, оценочные представления предметов изображения» [Шоков, 2017, с. 188]; языковая образность определяется как «свойство, способность определенных средств языка чувственно и наглядно изображать абстрактную сущность познания явлений, предметов окружающей нас действительности» [Макрова, 2003, с. 30].

При более широком подходе образность определяют как «такое эстетически значимое построение текста, которое посредством особого отбора и употребления языковых и речевых единиц порождает соответствующее авторскому заданию эстетическое переживание читателя/слушателя» [Сковородников, Копнина, 2012, с. 359]. В соответствии с этим подходом разграничивают тропеическую и нетропеическую образность.

Тропеической называют образность, основанную «на употреблении слов и выражений в переносном значении» [Сковородников, Копнина, 2011, с. 256], то есть «совмещенное видение двух картин» [Гак, 1966, с. 101]. Как утверждает А. П. Квятковский, художественный образ «выражается при помощи различных поэтических средств – сравнения, метафоры, эпитета, метонимии, синекдохи, гиперболы, параллелизма, уподобления и т. д., т. е. всего того, что характеризует металогию, отличающуюся от автологии» [Квятковский, 1966, с. 178]. Этой точки зрения придерживаются многие ученые.

Нетропеическая образность выражается различными речевыми средствами, соответствующими «авторскому эстетическому заданию» [Сковородников, Копнина, 2011, с. 256]. Эта точка зрения восходит к работам тех ученых, которые говорят о том, что в художественной речи все слова могут быть образными, прежде всего к теории «общей образности» А. М. Пешковского [Пешковский, 1930, с. 158], взглядам В. В. Виноградова и Г. О. Винокура. В. В. Виноградов утверждает, что

«в структуре литературного художественного произведения острые экспрессивно-образные функции могут выпасть даже на долю семантически нейтральных, совсем безобразных местоименных слов» [Виноградов, 1963, с. 125]. В качестве речевых средств создания образности, помимо лексики, выступают ритм, звукопись и синтаксическое строение предложения [Кожина, 1966, с. 103 и др.].

Есть мнение, что в художественной речи тропеическая и нетропеическая образность принципиально не различаются, поскольку в их основе лежит художественная деталь [Шоков, 2017, с. 188].

Некоторыми учеными образность – независимо от ее узкого или широкого понимания – связывается исключительно с художественной речью: она рассматривается как «основная черта художественной литературы, ориентированная на создание художественных образов» и как «стилевая черта художественной речи, связанная с употреблением слов в переносном значении: метафор, эпитетов, сравнений, гипербол и т. п.» [Жеребило, 2010, с. 226]. С. М. Мезенин считает, что языковые единицы (например, слова, словосочетания, предложения) как знаки не имеют образности, а становятся образными в конкретной ситуации или контексте. В качестве примера он приводит слово «заяц»: оно указывает на животное «заяц», но в определенных контекстах используется для создания образа трусливого человека. По мнению исследователя, семантика речевой образности включает в себя два вида отражения: «1) отражение действительности посредством слова; 2) отражение действительности художественными средствами». Речевую образность он определяет как «разновидность художественного отражения действительности языковыми средствами» [Мезенин, 1983, с. 50–51]. В настоящий момент стилистическая категория образности достаточно хорошо изучена на материале не только художественной речи [Мезенин, 1983; Стилистика английского языка, 1984 и др.], но и текстов других стилей: научного [Калмыкова, 1969; Кожина, 1996; Сеница, 2007; Булычева, 2010 и др.], разговорного [Яхина, 2007] и публицистического

[Михайлов, 2006]. Однако образность в документальной речи изучена в меньшей степени по сравнению с художественной и публицистической.

Образность считают «универсальной экспрессивно-стилистической категорией» [Халикова, 2004, с. 7], входящей в категорию более широкого порядка, а именно в категорию экспрессивности.

6. Образ как информационная модель

Медиалингвистика предлагает рассматривать образ не только как «результат отражения объекта в сознании человека под влиянием языковых средств медиадискурса» [Костина, 2011, с. 39], но и как «некоторую модель действительности», представляющую собой «сетку» категориальных схем, каждая из которых изучается отдельно [Сорокина, 2007, с. 59]. Такую модель, создаваемую средствами массовой информации, называют «информационной» [Там же].

Образ Китая как информационная модель уже достаточно хорошо изучен – например, на материале СМИ США. В рамках этой модели выделяются различные фрагменты (категориальные схемы) образа: «экономический рост Китая», «идеология Китая», «вооруженные силы», «нарушение прав человека» [Сорокина, 2007, 2010].

7. Образ как имидж / родовое понятие для имиджа

Исходя из того, что образ изучается в имагологии, а имидж – в имиджелогии [Почепцов, 2009], логично было бы предположить, что языковой/речевой образ является объектом исследования **лингвоимагологии**, языковой/речевой имидж – **лингвоимиджелогии**. Однако такое разграничение не всегда четко прослеживается, например: «Лингвоимагология изучает имидж (отсюда термин) – образ одного народа в глазах другого» [Иванова, 2014а, с. 9]. Поэтому кратко остановимся на соотношении понятий «образ» и «имидж», которые в некоторых исследованиях используются как взаимозаменяемые, синонимические (например, [Ван Синьцин, Камила Маля, 2015; Иванова, 2014а] и др.), хотя многие ученые пишут о необходимости их разграничения

[Катынская, 2015, с. 64–65; Гринберг, 2008; Сидорская, 2015, с. 66; Костина, 2011, с. 39; Семененко, 2008]. Особенно значимым разграничение этих понятий признается в лингвоимиджелогии как новом научном направлении языкознания, предметом исследования которого являются «языковые механизмы создания имиджа» [Щитова, 2014, с. 8].

Анализ научных публикаций, рассматривающих **вопрос об определении и/или соотношении понятий «образ» и «имидж»**, позволяет сформулировать следующие критерии их разграничения.

А. Критерий стихийности/целенаправленности формирования

Образ формируется стихийно, а имидж создается целенаправленно. Так, например, Т. Э. Гринберг пишет, что образ – это «субъективное воспринятое “отражение” чего-либо, представление о чем-либо», а имидж (в практике рекламы и паблик рилейшнз) – «именно целенаправленно создаваемый (на основе исследований потребностей и “идеалов” целевых аудиторий) образ» [Гринберг, 2008]. Этой точки зрения придерживается большинство исследователей. Приведем некоторые цитаты, в которых курсивом выделим критерий разграничения понятий: «Имиджем я называю впечатление, которое конструируется *целенаправленно и сознательно*, а образом – то, которое формируется *спонтанно*. Образ можно конструировать специально, и тогда он становится имиджем» [Леонтьев, 2000, с. 20]; образ – «это продукт *стихийно* сложившегося восприятия, к которому не применялись целенаправленные усилия, того или иного объекта <...>. Имидж же – это *сознательно* сконструированный образ...» [Сидорская, 2015, с. 66].

Б. Критерий хронологических рамок формирования

Образ отличается относительной стабильностью, если он сформирован в длинном историческом процессе; он отражает глубинную историческую память на основе различных историко-культурных текстов, его формирование проходит не одно десятилетие или даже столетие. Имидж может быть искусственно создан за короткое время с использованием разного рода PR-технологий [Костина, 2011,

с. 40–41], скорректирован в связи с изменением коммуникативных целей создателя имиджа (имиджмейкера) или потребностей и требований его заказчика.

В. Критерий характера отображаемого объекта

Если образ связывают с представлениями о любом объекте, то имидж – с представлениями о публичном объекте (компаний, политиков, продуктов и т. д.), то есть имидж существует только тогда, когда объект отображения является публичным [Катынская, 2015, с. 64–65]. Выделяют несколько видов образа: субъективный образ, или образ «себя» (представление о самом себе), объективный образ (представление в сознании других участников коммуникации), «идеальный» образ субъекта в сознании других субъектов и целенаправленно создаваемый образ, то есть имидж [Гринберг, 2008].

Г. Критерий степени объективности отображения объекта

Образ, по сравнению с имиджем, более объективно отражает характеристики объекта. Имидж в какой-то степени соответствует «прообразу», но вместе с тем идеализирует его: гипертрофирует выгодные черты или наделяет дополнительными ценностями (идеологическими, социальными, психологическими), поскольку ориентируется на ожидания тех, для кого предназначен [Там же]. Цель конструирования имиджа – представление объекта в лучшем свете, его успешное продвижение [Костина, 2011, с. 40]. Формирование негативного имиджа, о существовании которого пишут некоторые исследователи, рассматривается как исключение из правил [Бойко, 2006, с. 7].

Д. Критерий сферы использования

По мнению А. А. Гравера, «само слово “образ” в русском языке носит более культурологический, абстрактный характер, в отличие от утилитарно-практического имиджа», поэтому понятие «образ» обычно применяется в абстрактных (культурных, философских и художественных) «полях», а «имидж» – в таких практических областях, как реклама, СМИ и международные отношения [Гравер, 2012, с. 33].

Итак, образ формируется естественным путем в течение относительно длительного времени, а имидж представляет собой целенаправленно создаваемый образ, который может быть искусственно сформирован за короткое время; в отличие от образа, имидж реализуется только тогда, когда объект становится публичным; образ, как правило, более объективно отражает характеристики объекта, а имидж всегда направлен на улучшение объекта.

Подводя итоги параграфа, отметим, что понятие «образ» определяется по-разному в зависимости от того, в рамках какого направления или каких направлений (при междисциплинарном подходе) проводится то или иное исследование. Тем не менее общим для всех лингвистических исследований образа является то, что в них речь идет не об образе в целом (который, как доказали психолингвисты, может быть и невербальным [Стернин, 2008, с. 170]), а о языковой репрезентации образа, или языковом/речевом образе как образе, который отображается в языковых средствах и/или формируется с их помощью. Другими словами, языковой/речевой является результатом категоризации (концептуализации) мира с помощью языка/речи.

Учитывая междисциплинарный характер нашего исследования, определим **языковой (речевой) образ как тип образа – сформированное в сознании человека, группы людей или общества в целом устойчивое представление (ментальная сущность) о том или ином объекте, репрезентированное (объективированное) в конкретном тексте/дискурсе с помощью языковых и/или речевых средств.**

Исследователи предлагают различные **лингвистические типологии образов.**

Анализируя образные реакции респондентов, полученные в результате психолингвистического ассоциативного эксперимента, М. Я. Розенфельд строит типологию чувственного образа (перцептивной составляющей концепта) в двух аспектах: в содержательном аспекте и в аспекте объективации этого образа. Чувственный образ как компонент лексического значения подразделяется по ряду признаков:

- по перцептивному основанию (образы зрительные, слуховые, осязательные, обонятельные, вкусовые);
- степени схематичности представления (образы-картинки и образы-схемы);
- характеру отражения реальности (образы объекта и образы ситуации);
- степени динамичности (образы динамические и статические);
- обусловленности ситуацией эксперимента (ситуативные и внеситуативные).

По способу объективации чувственного мира различают эмоционально-оценочные образы и образы, лишенные эмоционально-оценочной окрашенности; детализированные и обобщенные образы [Стернин, 2008, с. 46–49].

И. А. Стернин разграничивает образ-факт (образ предмета или явления вне ситуации действия или процесса) и образ-эпизод (фрейм, сценарий, то есть образ последовательности некоторых действий) [Там же, с. 187]. Он пишет также об образах-прототипах (конкретных перцептивных образах, отражающих наглядный общеизвестный пример, который иллюстрирует концепт) [Там же, с. 189]; образах первичных (формирующихся в результате отражения окружающей действительности при помощи органов чувств) и вторичных (когнитивных, то есть «формирующихся на основе переосмысления первичных образов при познании других предметов и явлений») [Там же, с. 191]. Первичные перцептивные образы, в свою очередь, подразделяются на детализированные образы и образы обобщенные (создающие трудности в его вербальной экспликации), причем и те и другие могут представать как образы-признаки и образы-прототипы [Там же, с. 197–200].

Рассматривая языковой образ как перцептивную реакцию человека (возникающий у него образный отклик) на языковые единицы и выражения (а не содержание языкового знака или его часть, как в семантике), Б. М. Гаспаров выделяет типы образных реакций и соответствующие им компоненты образа:

- конкретный образ-картина как образный отклик на языковые единицы, обозначающие материальные предметы, имеющие характерный зрительный облик (например, *травка*) [Гаспаров, 1996, с. 249–250];

- косвенный образ как отклик на абстрактную единицу, не предполагающую зрительного и вообще какого-либо материального воплощения (например, *страх*), но погруженную «в языковую среду, в которой всегда присутствуют те или иные образно представимые компоненты и которая в силу этого получает, как целое, образное воплощение» [Там же, с. 250];

- иероглифический образ, представляющий собой «абстрагированный, мимолетно-схематический облик; он выглядит не как запомнившийся или воображаемый конкретный предмет, но скорее как намек на такой предмет» [Там же, с. 251]; возникает, например, при восприятии выражений со словами *скорость*, *быстрота*, *скорый*;

- кинетический образ, позволяющий «осуществить зрительное воплощение незрительных по своей сути явлений», связанных, например, с физической или символической идеей движения (отклики на слова *развитие*, *объяснить*, *указать* и т. п.) [Там же, с. 252]; кинетический аспект образа передает динамика речевого жеста;

- графический образ как «образ слова или целого выражения, воплощенный в письменных знаках», то есть буквенный образ слов и выражения, метаязыковой образ как результат «обучения и рефлексии по поводу языка» [Там же, с. 254].

Все перечисленные компоненты (их он называет также аспектами) «могут соучаствовать в создании той или иной образной проекции» [Там же, с. 263], причем в формировании языкового образа ведущая роль принадлежит зрительному представлению, обладающему свойствами множественности, воспроизводимости, различной степенью яркости и способностью перевоплощаться (пластичностью) [Там же, с. 265–271].

В вопросе о типологии образов, на наш взгляд, необходимо отметить важное для лингвоимагологии разграничение образов «своего», «чужого», «другого», «иноного», связанное с выделением и осмыслением оппозиции «мы – они» («свои – чужие»), которая признается культурной универсалией: имеющей

«фундаментальное значение для раскрытия специфики любой культуры»: «Если “Чужой” находится как бы за внешней границей круга интересов сообщества, то “Другой”» может быть фактически своим, но обладание определенными качествами или знаниями делает его культурно “Иным”, социально “Чужим”, или маргиналом. И в то же время “Другой” по национальной принадлежности может быть “Своим” по культурно-нравственным приоритетам» [Репина, 2012, с. 16]. Образ «другого» в настоящее время приобрел особую актуальность в различных гуманитарных исследованиях, о чем свидетельствует, например, выход монографии «Образ Другого в текстах культуры» [Шапинская, 2012].

Образ страны формируется на основе объекта исследования и определяется учеными как совокупность представлений о какой-либо стране в сознании группы людей в результате ее восприятия – прямого (например, в случае посещения) или косвенного (чтения текстов или знаний, полученных от других людей) [Зверева, 2013, с. 28 и др.].

Типы представлений, составляющих образ страны, выделяются на основе факторов, влияющие на формирование образа. Так, Тан Гуанхун полагает, что образ страны является всеобъемлющей национальной силой суверенного государства, которая включает в себя как природную, физическую, так и социальную, духовную составляющие [Тан Гуанхун, 2004, с. 19]. Гуань Вэньху также считает, что на формирование образа страны влияют факторы материальные (природные и артефактные), институциональные (экономическая система государства, система правопорядка, культурная система и т. д.) и духовные (национальное культурное самосознание и общественное сознание). Образ страны, как отмечает Гуань Вэньху, является всеобъемлющим отражением одного или нескольких из этих факторов [Гуань Вэньху, 2000]. Неотъемлемыми частями образа страны, по мнению Лю Шанчао, выступают образ правительства и образ народа, который, в свою очередь, включает экономическую, культурную, военную и другие составляющие [Лю Шанчао, 2015, с. 28]. Китайские ученые отмечают, что образ страны должен включать и образ языка или языков этой

страны как главный символ национального духа и средство для улучшения имиджа этой страны [Ян Сюмин, Ляо Янминь, Цзя Лицзюнь, 2014, с. 82]. В качестве важной части образа страны изучение образа языка включает следующие четыре аспекта: онтологию образа языка, его статус, международное позиционирование и стратегию международного распространения [Там же, с. 82]. Таким образом, образ страны представляет собой систему образных представлений о ней, возникающих при восприятии языкового и неязыкового материала.

Приведем рабочее определение лингвистического (языкового/речевого) образа страны: лингвистический образ страны – это совокупность более или менее устойчивых представлений о той или иной стране, сформированных в сознании индивида, группы людей или общества в целом и репрезентированных (объективированных) в тексте/дискурсе с помощью языковых и/или речевых средств.

Возможна типология лингвистических образов на основе типов дискурса. Следовательно, **мемуарный образ страны определим как тип лингвистического образа, представляющий собой совокупность более или менее устойчивых представлений о той или иной стране, сформированных в сознании индивида, группы людей или общества в целом и репрезентированных (объективированных) в мемуарном дискурсе с помощью определенных коммуникативных стратегий, тактик и реализующих их языковых и речевых средств.**

Мемуарный образ является формой культурной памяти («культурная память» – термин Ю. М. Лотмана), поскольку содержательное наполнение памяти, сроки его хранения определяются в очень большой степени «не внутренней вместимостью и контролем, а внешними, т. е. социальными и культурными рамками» [Ассман Я., 2004, с. 19], к которым относится биография авторов мемуаров, их идентификация с социальными группами («мы»-группами [Ассман А., 2014, с. 17]) и другие ограничительные факторы. В культурной памяти прошлое сворачивается в символические фигуры (например, образ родного гнезда у

Б. С. Колоколова), к которым «прикрепляется воспоминание» [Ассман Я., 2004, с. 54].

Если мемуарную прозу считать равноправной с другими «пластом словесного искусства» [Кознова, 2011, с. 7], то можно говорить о лингвистике мемуарного образа как отдельном направлении языковедческих исследований.

1.2. Образ страны как объект лингвоимагологических исследований*

Не претендуя на исчерпывающий аналитический обзор работ по филологической имагологии, считаем важным обозначить основные **истоки имагологических исследований и направления ее развития** с опорой на труды прежде всего российских и китайских ученых. Чтобы не выйти за рамки лингвистической проблематики, не будем останавливаться также на вопросах так называемого восточного страноведения, или ориентализма [Саид, 2006, с. 9], хотя признаем его важность для осмысления имагологических вопросов, в том числе роли описания «другого» в различных типах дискурса.

В самом широком понимании имагология – «знание об образах самого разного свойства» [Бойцов, 2010, с. 7], поэтому имагологию выделяют в качестве раздела в разных областях научных знаний (истории, социологии, философии, имиджелогии и др.), в том числе филологии. Ее филологические истоки, как пишут ученые, следует искать во французском сравнительно-историческом литературоведении 1950-х годов [Ощепков, 2010, с. 251]. Первопроходцами этого направления научных исследований многие считают французского ученого Ж.-М. Карре и его ученика и коллегу М. Ф. Гийяра [Там же; Мэн Хуа, 2001; Сун Хутан, 2016; Ян Найцяо, 2006].

В монографии «Французские писатели и немецкий мираж: 1800–1940» (1947) Ж.-М. Карре утверждал, что при изучении международных литературных

* В основе параграфа публикации: Сун Даньдань. Филологическая имагология в Китае: научно-исследовательский обзор // Филологические науки. Серия: Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 319–326; Сун Даньдань. Лингвистическая имагология как направление современных научных исследований: обзор литературы // Человек и язык в коммуникативном пространстве : сб. науч. ст. 2018. № 9. С. 387–393.

отношений необходимо сосредоточиться на взаимопонимании между писателями, на их взглядах и контактах друг с другом, а также на представлениях людей о других народах (по [Мэн Хуа, 2001, с. 2]). Вслед за Ж.-М. Карре, М.-Ф. Гийяр в книге «Сравнительное литературоведение» (1951) пишет, что при изучении литературы «нужно попытаться понять, как формируются и существуют в индивидуальном или коллективном сознании великие мифы о других народах и нациях...» [Цит. по: Ощепков, 2010, с. 252]. Другими словами, внимание исследователей должно быть перенесено с проблемы литературных влияний на проблему рецепции «другого» [Там же].

Имагология быстро развивалась в Европе, особенно во Франции и Германии. Многие ученые Франции писали о теоретических и практических возможностях применения имагологии. Среди них наиболее известны Д.-А. Пажо и Ж.-М. Мура. Основным вкладом Д.-А. Пажо в имагологию является определение термина «образ “другого”», данное в статье «От культурного образа к коллективному воображению» [Пажо, 1989]. В переводе на китайский язык она опубликована Мэн Хуа в монографии «Имагология сравнительного литературоведения» [Мэн Хуа, 2001]. Образ «другого» в этой статье определяется как совокупность представлений о другой стране, складывающихся в процессе литературных, культурных и социальных контактов с инациональной культурой [Цит. по: Мэн Хуа, 2001, с. 120]. Позже, в книге «Общая литература и сравнительная литература» (1994), Д.-А. Пажо дал дополнительное объяснение образу «другого»: «...образом является литературное или нелитературное выражение и описание разрыва между двумя разными культурными реальностями» [Цит. по переводу Мэн Хуа, 1998, с. 79].

Статья «Об истории исследований литературной имагологии и ее методологии» [Mouga, 1992], написанная Ж.-М. Мура (ученик Д.-А. Пажо), является наиболее полным обзором работ по современной имагологии. В этой книге автор излагает историю развития имагологии как научного направления и перечисляет ученых в области имагологии, в том числе уделяет особое

внимание анализу определения образа «другого» и методов исследования, предложенных Д.-А. Пажо. Согласно взглядам Д.-А. Пажо, образ «другого» – это не просто описание реальности, он формируется на основе ощущения противоположной связи между «мною» и «другим», «местным» и «экзотическим». Поэтому при изучении образа «другого» внимание должно быть уделено роли субъекта (писателя), восприятие которого в чужой стране неотделимо от национальных и социальных коллективов и неразрывно связано с конкретными социальными, культурными и историческими контекстами [Цит. по переводу Мэн Хуа, 2001, с. 4]. Д.-А. Пажо такое восприятие называет «общественным коллективным воображением». Таким образом, изучение образа «другого» во Франции развилось во взаимосвязи филологии, истории и культуры.

Ярким представителем имагологических исследований в Германии является Хуго Дизеринк. В 1966 году он опубликовал статью «К проблеме “образов” и “миражей” и их исследования в рамках сравнительного литературоведения», которую называют «теоретическим манифестом» и «новой методологией» имагологии [Ощепков, 2010, с. 252; Поляков, 2013а, с. 121]. В этой статье Хуго Дизеринк подчеркнул, что при изучении образа другой страны исследователям необходимо использовать подходы и методы пограничных наук; нужно изучать, как литературный образ другой страны оказывает влияние на внелитературную ситуацию, как реципиент влияет на общественное сознание и идеологию страны [Ван Сяююй, 2021].

В России вопросы имагологии рассматриваются в целом ряде работ, характеризующихся многообразием дефиниций термина «имагология». Следуя французской традиции, некоторые исследователи рассматривают имагологию как направление литературоведения, изучающее образ «чужого/другого» (другой страны, культуры или другого народа). Например, О. В. Томберг считает, что имагология – это раздел литературоведения, который изучает «образы “чужого”, способы и особенности их репрезентации и анализа» [Томберг, 2015, с. 255]. В. А. Хорев пишет, что «первостепенным предметом имагологии остается все же

происхождение, структура и функции национальных образов, мифов и стереотипов, бытующих в текстах культуры» [Хорев, 2012, с. 8]. Имагологией называют также «учение о возможности передачи литературных образов при переводе с одного языка на другой», а также языковых стереотипов [Там же, с. 4–5]. По источникам и материалу исследования разграничивают имагологию историческую (изучаются «материалы национальной истории, архивные документы, мемуары, из которых можно почерпнуть сведения о том, как формировались и трансформировались представления одного народа о другом в ходе истории), фольклорную (источниками для анализа служат все жанры народного творчества: пословицы, поговорки, исторические песни, сказки, былины, анекдоты, частушки и др.), художественную (изучается образ «другого» в художественных произведениях) и другие [Папилова, 2011, с. 31–32].

Есть мнение, что задачей имагологии является не только исследование образа «чужого/другого» (гетерообраза), но и рассмотрение образа «своего» (аутообраза) [Поляков, 2013б; Камалова, 2020, с. 9 и др.], поскольку отправной точкой в восприятии и оценке «другого/чужого» является «свое», собственные представления о нормах и ценностях [Папилова, 2011, с. 32; На переломе: образ России, 2011, с. 8].

В Китае современная имагология предстает не как исследование «другого», «чужого» на фоне «своего», а как постижение себя в «зеркале другого». Кратко изложим предпосылки развития филологической имагологии в этой стране.

Отметим, что внимание к чужим странам и народам уделяется на разных этапах развития Китая, особенно во времена правления династии Мин и династии Цин (конец XIV века – первая половина XIX века). Фрагментарные описания «чужих» встречаются в дневниках, записках и путевых заметках, но большинство из них являются конкретными описаниями западных торговцев, прибывавших в Китай для ведения бизнеса в прибрежных районах [Мэн Хуа, 2001, с. 15]. Однако исследования образов в Китае начались только в начале XX века, причем на материале западной литературы. В 1930-х годах Чэнь Шоуи опубликовал

серию статей, посвященных образу Китая, в журнале «Линнань сюебао» («Вестник университета имени Линнань»): «“Сирота Чжао” в европейской литературе XVIII века» («Сирота Чжао» – это китайская драма, которая была создана Цзи Цзюньсян в династии Юань); «Китайская точка зрения в романе “Робинзон Крузо”»; «Китайский сад в Европе XVIII века». В 1937 году писатель Цянь Чжуншу во время учебы в Оксфордском университете написал обширную статью «Образ Китая в английской литературе в XVII и XVIII веках» [Дэн Фаньжун, Чжун Фань, 2012, с. 196]. На наш взгляд, эти исследования в первую очередь посвящены изучению конкретных литературных произведений.

Развитию имагологических исследований в Китае в 1990-х годах способствовал процесс перевода многих западных научных источников на китайский язык. В 1999 году Юе Дайюнь и Чжан Хуань выступили редакторами сборника «Передача культуры общения и литературный образ», в который вошли научные статьи китайских и зарубежных ученых. В третью главу «Литературный образ и литературный перевод» этого сборника включено девять статей, иллюстрирующих теоретическое и практическое развитие филологической имагологии в Китае и за рубежом [Юе Дайюнь, Чжан Хуань, 1999].

Большой вклад в развитие филологической имагологии в своей стране внес профессор Пекинского университета Мэн Хуа. С 1993 года она перевела целый ряд научных работ, выполненных в области западной имагологической теории: «Об истории исследований и методологии литературной имагологии» французского ученого Ж.-М. Моура; «Зарубежные страны в восприятии людей» – книга основателя имагологии, французского ученого Ж.-М. Карре; «От культурного образа к коллективному воображению» и «Воображение» Д.-А. Пажо и другие [Мэн Хуа, 2001]. Именно Мэн Хуа впервые перевела термин «имагология» с французского языка на китайский язык как «синсян сюе» (кит. *Xingxiang xue*) – «дисциплина об образе». Она отметила, что имагология изучает процесс формирования или описания образа «чужого» (чужой страны, чужого народа) в литературных произведениях той или иной страны [Там же, с. 2]. В

статье «Анализ жизненного цикла стереотипов» Мэн Хуа поставила под сомнение теорию «стереотипа» французского ученого Д. А. Пажо, согласно которой стереотипы могут использоваться вечно. Вслед за Д. А. Пажо она рассматривает стереотип как минимальную единицу образа, сгущающую общее представление одной нации о чужой стране, но считает, что стереотипы существуют только в течение определенного исторического периода, доказывая это путем анализа истории возникновения, развития и исчезновения стереотипов «просвещенные императоры», «желтая катастрофа» и «Ян Гуйзи» (так китайцы называли иностранцев в период опиумной войны и до 1950-х годов, чтобы выразить к ним свое презрение и ненависть). Ученый приходит к выводу, что стереотипы проходят процессы производства, развития и вымирания, которые часто связаны с изменением представления о другой стране, а также с изменением экономических, военных и политических отношений между странами [Мэн Хуа, 1999].

Благодаря исследованиям Мэн Хуа и ее влиянию на молодых ученых, имагология в Китае начинает активно развиваться. Появляются новые работы, среди которых назовем следующие: «Размышления о имагологии сравнительного литературоведения» [Лю Хунтао, 1999]; «Современные исследования имагологии в Китае и за рубежом» [Дэн Фаньжун, Чжун Фань, 2012]; «Возникновение, развитие и перспективы имагологии в Китае» [У Илань, 2009]; «Исследование образа Китая на Западе – диалог о имагологии и её исследовательской парадигме» [Чжоу Нин, Сун Бинхуй, 2005]; «Несколько вопросов о практике имагологии» [Инь Дэсян, 2005].

Китайские ученые пишут, что образ страны, отображенный в литературе, долго сохраняется в сознании, отличается стабильностью и даже вечностью и вызывает большее доверие по сравнению с тем образом, который формируется в СМИ для достижения той или иной цели и зависит от конкретной ситуации [Цзян Чжицин, 2015, с. 63]; «Даже великий политический поступок и поведение СМИ скоро станут смогом, но, как только появится великий художественный образ, он будет длиться вечно» [Чжан Фа, 2008, с. 29]. Мысль о стабильности литературного

образа другой страны содержится в целом ряде работ: «Образ США в путевых заметках китайских писателей в новый период» [Чэнь Гочжань, 2018], «Образ Японии в современной китайской литературе» [Су Юнциан, 2015], «Изучение образа Франции в романах Ба Цзиня» [Су Хуа, 1993], «Образ Великобритании в современной гонконгской литературе» [Чжао Сяоци, Тань Фэнфан, 2017] и других.

Характеризуя исследования китайских ученых в целом, отметим, что развитие имагологии в них в основном следует западной традиции, однако существуют и некоторые особенности исследований образов в современном Китае.

Образы других стран в китайской лингвокультуре изучаются «не для понимания чужой страны, а для понимания себя» [Чэнь Гочжань, 2018, с. 58]. Эта мысль прослеживается в целом ряде работ (например, [Чжан Юэ, 2002, с. 110, 112; Чжан Сяюнь, 2010, с. 2]). Как сказал Хуго Дизеринк, «формирование образа “другого” сопровождается формированием образа “своего”» (Цит. по [Цзян Лю, 2015, с. 99]). Образ Китая как «другого» в текстах на иностранных языках рассматривается для того, чтобы критически оценивать себя и принимать меры по формированию положительного образа (имиджа) Китая. В образе другой страны, как в зеркале, отражаются «мнения и отношения других народов к нам, через изучение этих мнений и отношений мы можем размышлять о себе...» [Чжао Ин, 2014, с. 113]. Такой подход соответствует главной функции описания «другого», о которой говорил еще Э. В. Саид в работе «Ориентализм» (1978) и которая связана с поиском собственной идентичности [Саид, 2006].

Современная имагология в Китае сосредоточена в большей степени на изучении «своего образа у другого», о чем свидетельствует целый ряд работ, выполненных на материале литературы разных стран и народов (например, [Оуян Юй, 2000; Вэй Цзиньби, 2002; Цзян Чжицин, 2015; Сун Вэйцзе, 2003; Цуй И, 2002; Яо Цзинмин, 2005; Чжан Йию, 2006]).

Можно сказать, что имагология в Китае изучает «образ чужой страны и образ своей нации как “создателя” образа “другого”» [У Илань, 2009, с. 156].

Причем она вышла за рамки сравнительно-исторического литературоведения: «От первоначального обсуждения образа “другого” в литературных текстах китайские исследователи постепенно обращались к изучению других жанровых текстов...» [Дэн Фаньжун, Чжун Фань, 2012, с. 196]. Исследовательский материал имагологии не ограничивается традиционными литературными текстами, а включают в себя тексты всех жанров о других странах, в том числе путевые заметки, дневники, мемуары, отчеты о дипломатических миссиях, рекламные тексты, художественные фильмы и т. д. Появляется термин «межкультурная имагология» – направление, объектом изучения которого является культурная идентичность определенной нации на фоне отношений между «своим» и «чужим» [Чжоу Нин, Ли Юн, 2013, с. 5–6].

Значительный вклад в изучение образа Китая внес профессор Чжоу Нин. Сосредоточиваясь на «китайских проблемах» межкультурной имагологии, Чжоу Нин опубликовал две книги: «Образ Китая: западные доктрины и легенды» [Чжоу Нин, 2004] и «Далекое Тяньчао – исследования образа Китая на Западе» [Чжоу Нин, 2006]. (Тяньчао – Поднебесная страна; великая династия или страна; в древности Китай другие страны называли «Тяньчао» за его богатство и могущество.) Эти книги рассказывают об эволюции образа Китая в западной культуре за последние семь столетий. Чжоу Нин намечает новую область имагологических исследований, задача которой – путем изучения образа Китая на Западе критически оценивать процесс национальной самоидентификации, своего развития, восстанавливать утраченное культурное наследие [Чжоу Нин, 2010]. Если образ Китая на Западе для китайских ученых является «зеркалом», то обобщенный образ Китая, формируемый в разных странах, является «многогранным зеркалом», которое влияет на самоидентификацию современного Китая [Чжоу Нин, 2008, с. 10].

Признается, что конструирование образа страны в значительной степени осуществляется с помощью языка и речи [Лян Сяобо, 2013, с. 114]. Язык играет незаменимую роль в формировании образа страны, информацию о которой не

всегда можно получить путем ее посещения. Даже если информацию о той или иной стране мы получаем посредством картин или видео, передаем мы ее обычно с помощью языка, следовательно, язык – это важное звено в процессе формирования образа страны [Там же]. Поэтому в последние годы некоторые ученые в Китае анализируют язык массмедиа, который участвует в формировании образа страны, что можно считать развитием лингвоимагологии в этой стране. В качестве материала исследования выступают газетные статьи или телепередачи о той или иной стране, реклама туризма в этой стране и т. д. Отдельное внимание уделяется различным стилистическим, риторическим приемам создания образа. Так, Лян Сяобо анализировал роль концептуальной метафоры в формировании образа Китая в текстах газеты «Таймс всего мира» (Global Times) и «Новости» (Reference News) [Лян Сяобо, 2013].

Вслед за Лян Сяобо Линь Хай также указывает, что образ страны, по существу, вербален, это часть объективной реальности, которая отражается в дискурсе. В статье он указал, что при изучении образа страны исследователи должны прояснить следующие проблемы: какая часть объективной реальности отражается дискурсом, как она отражается дискурсом, какие языковые способы или приемы используются для формирования образа страны [Линь Хай, 2015, с. 13]. Шэнь Ин и У Ган проанализировали лексику российских СМИ и отметили, что для обозначения Китая в «Областной газете» и журнале «Деловой квартал» широко используются такие слова и сочетания слов, как *Поднебесная, китайский дракон, самая населенная страна, институты Конфуция, Великая Китайская стена*. В то же время при описании Китая встречаются и отрицательные слова, такие как *экспансия, плагиат, угроза* и т. д. [Шэнь Ин, У Ган, 2013, с. 19]. В статье «Как улучшить образ страны с помощью использования медиаязыка» Лю Шанчао сформулировал принципы, которым должны следовать журналисты при формировании образа страны: газетная статья должна основываться на фактах, соответствовать логическим правилам, чрезмерно не хвалить или критиковать то или иное явление или событие страны [Лю Шанчао, 2015, с. 29].

Таким образом, в Китае имагология является одним из активно развивающихся междисциплинарных направлений, имеющим истоки в западной имагологии сравнительного литературоведения. Большинство имагологических исследований в Китае выполнено в рамках филологии, но термин «лингвистическая имагология» не используется, хотя существует как перевод «синсян сюе» (имагология, кит. *Xingxiang xue*) – «дисциплина об образе». Изучение вербального образа страны в Китае осуществляются по двум направлениям: исследование образа другой страны и исследование образа своей страны в разных лингвокультурах. Больше внимание в Китае уделяется изучению образа своей страны, причем его исследования имеют практико-ориентированный характер: они осуществляются с целью дальнейшего поиска путей и способов улучшения ее имиджа, особенно за рубежом. Учеными признается важная роль языка в формировании образа страны, однако собственно лингвистические исследования по-прежнему немногочисленны. Одна из возможных причин – отсутствие специально разработанной для этого методики лингвистического исследования образа страны.

Из отмеченного выше об истоках и развитии имагологии в разных странах следуют два вывода: 1) истоками имагологических исследований выступает компаративное литературоведение; 2) эти исследования характеризуются разным пониманием объекта (образ «своего», «чужого/другого», «своего» и «чужого/другого»), предмета и цели, однако их объединяет общий взгляд на необходимость междисциплинарного подхода в исследовании того или иного языкового (речевого) образа.

Несмотря на активное развитие лингвистической имагологии, ее **дисциплинарный статус** определяется по-разному:

- **раздел имагологии** – общей или филологической [Томберг, 2015, с. 226];
- **часть имиджелогии** [Кожевникова, 2016, с. 56], занимающейся – при широком понимании термина – исследованием технологий формирования любого образа, в том числе публичного, или имиджа [Почепцов, 2009];

▪ **направление, формирующееся на стыке нескольких гуманитарных дисциплин** («лингвокультурологии, этнолингвистики, этнологии, этносемиотики, культурной семантики, лингвопедагогики, теории дискурса, лингвоаксиологии» [Зеленин, 2013, с. 63]);

▪ «маргинальное» **лингвистическое направление**, принадлежащее прежде всего теории коммуникации и когнитивной лингвистике [Иванова, 2013, с. 471], или «направление языкознания в рамках теории коммуникации» [Иванова, 2016, с. 148].

По-разному определяется и **объект лингвоимагологии**. Им называют:

▪ **оценки того или иного языка**, их связь с внеязыковыми стереотипами и установками: «Объектом лингвистической имагологии являются всевозможные оценки того или иного языка или его элементов как извне, так и самими носителями» [Хайров, 2017, с. 293];

▪ **языковые стереотипы**: «...лингвистическая имагология призвана изучать стереотипы, с которыми носители одного языка относятся к другому языку или же к “чужим” формам языка собственного» [Бойцов, 2010, с. 5–6];

▪ **образ страны/государства в конкретном дискурсе**: «Лингвистическая имагология – раздел науки об образе, изучающий языковые особенности формирования и функционирования образа того или иного государства в конкретном дискурсе» [Костина, 2011, с. 28];

▪ **образ или имидж «чужого/другого» (страны, народа, этноса, культуры)**: «Предметом лингвистической имагологии является изучение образа *другой* культуры, *другого* народа, этноса, что закреплено в языковой форме (в литературе, драматургии, поэзии, эссеистике, путевых заметках и т. п.) и отражает коллективные (в форме мифов, стереотипов), групповые или индивидуальные представления» [Зеленин, 2013, с. 63]; лингвоимагология изучает «вербальное воплощение образа народа или страны в языковом сознании представителей *другого* народа или страны» [Иванова, 2014б, с. 182]; «образ, имидж <...> одного народа или страны в языковом сознании другого народа» [Иванова, 2016, с. 148].

С. Д. Камалова отмечает, что изучение языкового аспекта в репрезентации образа *чужого* и *иного* проходит на основе сопоставления с образом *своих* [Камалова, 2020, с. 29].

Образ страны является объектом диссертационных лингвистических исследований, выполненных в разных аспектах, о чем свидетельствуют их названия: «Лингвопрагматические средства создания современного политического образа России в прессе Германии» [Новикова, 2003]; «Метафорическое моделирование образа России в американских СМИ и образа США в российских СМИ» [Моисеева, 2007]; «Образ Германии в российской и американской медиакартинах мира: стереотипы и метафоры» [Коптякова, 2009]; «Способы языкового выражения образов России и русских: на материале пьес Тома Стоппарда» [Решетняк, 2011]; «Метафорические образы России, Америки и Германии в политическом дискурсе немецких СМИ» [Орлова, 2012] и другие. Лингвоимагологический аспект в этих работах не заявлен, поэтому возникает вопрос не только об объекте, но и о предмете лингвоимагологии. Эксплицитно о нем пишет Л. П. Иванова: «...лингвистическое исследование ориентируется прежде всего на вербализацию оценки, поэтому предметом анализа является оценка, стереотип, ритуал, мифологемы, паралингвистическая ситуация, прецедентность» [Иванова, 2016, с. 148–149].

Таким образом, в России представления о лингвистической имагологии характеризуются наличием многообразия дефиниций данного термина, что связано с дискуссией о ее статусе, объекте и предмете исследования.

1.3. Текст как результат дискурсивной деятельности человека: исходные установки

В современной лингвистике текст рассматривается как «речевое произведение, возникающее в результате дискурсивной (коммуникативно-речевой) деятельности человека», и анализ актуализированных (эксплицированных) в нем определенных параметров дискурса «может иметь

большую объяснительную силу, чем традиционный анализ текста» [Петренко 2011, с. 11]. При этом большая роль отводится таким параметрам дискурса, как коммуникативные стратегии и тактики, составляющие коммуникативно-смысловую структуру текста наряду с другими ее компонентами (адресантом и адресатом с их намерениями, прагматическими и коммуникативными целями; условиями и обстоятельствами коммуникации; социо- и психолингвистическими особенностями порождения и понимания текстов; характеристиками текста как речевого произведения [Там же]).

Литература, посвященная определению понятий «коммуникативная стратегия» и «коммуникативная тактика» и проблеме их классификации, достаточно обширна (в качестве примера можно назвать следующие работы: [Дейк, 1989; Ключев, 1998; Янко, 2001; Иссерс, 2003; Павлов, 2006; Редько, Еремеева 2017]). Не давая ее аналитический обзор, в нашем исследовании будем понимать **коммуникативную стратегию** (вслед за Е. А. Петренко и др.) как «осознанно избранный автором принцип порождения текста, <...> воплощающийся в выборе субъектом высказывания специфической жанровой формы и типичного набора текстовых и разноуровневых языковых средств» [Петренко, 2011, с. 13]. Установлено, что смена коммуникативных стратегий автора «маркирует границы коммуникативно-смысловых частей (блоков) текста» [Там же, с. 14].

В соответствии с одной из классификаций исследователи выделяют коммуникативные стратегии двух типов: глобальную коммуникативную стратегию, определяющую жанровую принадлежность текста [Кучинская, 2008, с. 134] и внутрижанровые коммуникативные стратегии.

Глобальная (общая) коммуникативная стратегия текста связана с реализацией сверхзадачи (коммуникативно-прагматической цели), эксплицитно или имплицитно сформулированной автором, и определяет выбор жанра; **внутрижанровые коммуникативные стратегии** выделяются на основе

функционально-стилистического анализа композиции текста и с учетом концептуальной природы образа.

Известно, что «композиция текста организуется «образом автора» (В. В. Виноградов), его подвижной позицией во времени и пространстве по отношению к представляемому миру» [Золотова, 1996, с. 284]. Перемещение «наблюдательного пункта» автора по уровню дистанцированности, абстрагированности от событий «знаменует переключение регистра, границу между соединяющимися, чередующимися фрагментами композиции» [Там же].

Элементами композиции являются композиты (композиционные блоки), понимаемые как структурные компоненты текста, связанные тематически и объединенные функционально [Михайловская, Тортунова, 2015, с. 111], соответствующие в мемуарах одному или нескольким воспоминаниям и выделенные графически [Орлова, 2004, с. 19]. Их компонентами являются композитивы как речевые единицы, являющиеся носителями определенных коммуникативно-регистровых функций [Золотова, 1996]. Таким образом, композит – это структурный элемент текста, выделенный на тематической, содержательной и функциональной основе и состоящий из речевых единиц одинаковых или разных коммуникативно-регистровых функций. При этом выбором и комбинацией языковых и речевых средств для текста руководят коммуникативные стратегия и тактики автора [Там же]. Анализ композитов позволяет выделить коммуникативно-речевые тактики, понимаемые как речевые действия, соответствующие тому или иному этапу в реализации коммуникативно-речевой стратегии [Сковородников, 2014, с. 229].

По мнению Н. А. Орловой, основная часть мемуарных текстов состоит из нескольких мемуарных композитов, к которым относятся: констатирующие сообщения о фактах (фактологический композит); нарративы, включающие яркое воспоминание об одном событии (композит-воспоминание); дескриптивные (описательные) контексты; контексты, описывающие узуальные действия [Орлова, 2004, с. 20–21].

С учетом названных выше теоретических положений и осуществляется во второй главе анализ мемуарного дискурса.

1.4. Дискуссионные вопросы и основные аспекты лингвистических исследований мемуарных текстов

В XX и начале XXI века интенсивное развитие мемуаристики, являющейся неотъемлемой частью национальной культуры, не могло не привлечь внимания лингвистов, и в настоящий момент накоплен определенный опыт ее изучения, который, по мнению ученых, необходимо обобщить и аналитически осмыслить. Однако исследования различных мемуарных жанров характеризуются неравномерностью и наличием множества лакун [Мажарина, 2011, с. 199], целый ряд вопросов в изучении мемуаров остается дискуссионным. Анализ литературы, представляющей результаты лингвистического изучения мемуарных текстов показывает, что исследования мемуаров наиболее активно проводятся начиная с 2000-х годов и направлены на решение следующих основных научных проблем: систематизацию жанровых признаков мемуаров и определение их жанрового статуса, классификацию мемуарных текстов, выявление новых аспектов их исследования.

Существует более или менее общепринятое определение мемуаров как произведения, которое в форме записок от лица автора повествует о реальных событиях прошлого, участником или свидетелем которых он был. В тех или иных вариациях подобное определение мемуаров представлено в толковых словарях, энциклопедиях, учебных пособиях, монографиях, диссертациях и многих научных статьях. Приведем примеры из разных работ: «мемуары – публицистический жанр, предметом исследования в котором выступает личность автора, повествующего об индивидуальной неповторимости фактов, лиц, событий, явлений, за которыми раскрываются общие жизненные закономерности» [Там же, с. 200]; «Мемуары (от фр. *memoirs*) – это письменные произведения, в которых в разных формах закреплены воспоминания написавших их авторов о далеком

и близком прошлом. Эти воспоминания от лица участника, автора рассказывают о произошедших событиях, очевидцем которых он был или которые ему стали известны из тех или иных источников. Они отражают знания о событиях и людях по описанию или по непосредственному знакомству с ними в прошлом» [Болотова, 2019, с. 15]; «разновидность документальной литературы и в то же время один из видов так называемой исповедальной прозы. Они представляют собой повествование участника или свидетеля общественно-политической, социальной, литературно-художественной жизни о событиях, свидетелем или действующим лицом которых он был, а также о людях, с которыми он общался» [Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2001, с. 524].

Приведенные выше дефиниции свидетельствуют и о том, что **жанровый статус мемуаров** определяется по-разному. Особенно остро этот вопрос встает тогда, когда на первый план выходит проблема не содержания текста, а того, «как именно написано» [Машнина, 2008, с. 17], то есть типа письма.

В зависимости от соотношения в тексте документальности и художественности мемуары относят к документальным [Костюкова, Сайни, 2015, с. 243], документально-художественным (художественно-документальным) [Симонова, 2002; Тарасова, 2003] или документально-публицистическим текстам/произведениям [Журавлева, 2012]. Есть мнение, что они занимают пограничное положение между деловыми документами, историческими исследованиями и художественными произведениями, поэтому их вводят «в пределы публицистики», считая самостоятельным публицистическим жанром [Мажарина, 2011, с.199].

Основополагающими **жанровыми признаками мемуаров**, выявленными на основе их сопоставления с художественно-документальными (историческая проза, переписка, автобиография, дневник, записки) жанрами, считают:

- **отражение внешнего мира** (основным объектом повествования являются внешние исторические события, которым сопутствует линия автора, однако критерии отбора событий, как правило, «затушеваны»);

- **документальность** (опора на живые авторские свидетельства, документы как средство характеристики персонажей или обстановки; документальность типизации);

- **ретроспективность** (повествование о прошлом как исторически значимом в форме первого лица; удаленность во времени создает завершенную картину прошлого с помощью как отдельных замечаний и зарисовок, так и развернутых портретов людей);

- **субъективность** (откровенное проявление личностного начала; основным способом воссоздания прошлого является воспоминание) [Сурина 2007, с. 20; Тарасова, 2003, с. 11].

В литературоведческих работах обращается внимание на такую жанровообразующую доминанту мемуаров, как «память», которая, наряду с «субъективностью», отражается и преобразуется в художественном слове [Кознова, 2009, с. 137]. Мемуары – это «**место памяти**» во всех трех выделяемых Пьером Нора смыслах: материальном (хранение в печатной или электронной форме), символическом (являются объектом своего рода ритуала, который совершают политики, писатели, чувствующие уход очевидцев из жизни, разрыв времени) и функциональном (переплетение с историей, желание донести ее: «игра памяти и истории формирует места памяти» [Проблематика мест памяти, 1999, с. 44]).

К жанрообразующим признакам мемуаров относят не только **мемориальность** как стремление осмыслить, упорядочить известные обстоятельства, как отражение событий для памяти современников и потомков автора, но и **эстетизацию** на уровне содержания текста (отражение неповторимости и объективной общественной значимости воссоздаваемого образа, сюжетная организация) и его стиля [Симонова, 2002, с. 16–27].

Признаками мемуаров как самостоятельного публицистического жанра, помимо документальности, ретроспективности, субъективности, считают: **диалогичность** (присутствие гипотетического собеседника; направленность на

широкую заинтересованную аудиторию); **имиджевость**, или величину авторского «я» (презентация себя аудитории, воссоздание собственного образа, выраженное стремление к самосознанию); возникновение в границах определенного социально-исторического контекста [Мажарина, 2011, с. 201–204]. О диалогичности мемуаров как публицистического жанра пишет также Р. К. Пирмагомедова, анализируя книгу Н. С. Леонова «Лихолетье» [Пирмагомедова, 2005, с. 40–57].

Таким образом, жанровый статус мемуарного текста определяется по-разному (документальный, документально-художественный, документально-публицистический, собственно публицистический жанр) в зависимости от выделяемых в нем жанрообразующих признаков, соотношения документальности, художественности и публицистичности.

Разные состав и осмысление основных выделяемых жанрообразующих признаков обуславливают и разное видение границ мемуарных жанров. Например, ретроспективность понимают и как воспоминание давно или совсем недавно минувшего, и тогда к мемуарам относят дневник, письмо, путевую заметку, отличающиеся репортажностью [Мажарина, 2011, с. 201]; и как отраженное в воспоминании прошлое, но сопряженное с настоящим, и тогда, например, письмо, ограниченное рамками сиюминутного обращения, не относят к мемуарным текстам, однако отмечают: это не означает, что оно не может в них использоваться, поскольку разные типы текстов могут взаимодействовать [Симонова, 2002, с. 23]. Мемуарные тексты, объединяющие в себе субжанры (в частности, собственно мемуары, дневники, письма, образующие композиционное единство), называют «мемуарами монтажного типа». Таковыми являются, например, «Бегущая строка памяти» А. С. Демидовой и «Театр моей памяти» В. Б. Смехова [Белова, 2011, с. 5]. Отмечается тенденция к пересечению субжанров «жанрового семейства» автобиографической прозы как обладающих общими конститутивными признаками [Там же, с. 6].

С учетом авторства в отдельную группу выделяют литературные мемуары (вторичные, как считает Н. А. Орлова [Орлова, 2004, с. 38]) – их авторами являются профессиональные писатели. Литературные мемуары на основе объема повествовательной формы, соотношения документированного и беллетризованного письма и степени автобиографичности подразделяются на такие жанровые разновидности, как мемуары-хроника, мемуары-роман, мемуары-повесть, мемуары-очерк, мемуары-портрет, мемуары-зарисовка, мемуары-миниатюра, мемуары-эссе [Симонова, 2002, с. 35]. Их исследованию посвящено немало литературоведческих работ (например, «Былое и думы» А. И. Герцена, «На берегах Невы» И. В. Одоевцевой, «Воспоминания» И. А. Бунина и т. д.), анализ которых не входит в наши задачи.

Используется полевой подход к описанию «жанрового семейства» мемуаров и отмечается тенденция считать термин «мемуары» неким общим наименованием для нескольких жанровых форм (именно в этом значении мы используем термин «мемуары» в данном исследовании). В соответствии с полевым подходом в мемуаристике выделяются: а) ядро, которое образуют жанры собственно мемуаров и автобиографии; б) близкая к ядру часть, в которой находятся дневники и записные книжки; в) периферийная область, которую составляют письма и литературный портрет [Белова, 2011, с. 39].

Н. А. Орлова, также рассматривающая вопрос о внутренней дифференциации мемуарных жанров, пишет, что воспоминания (мемуары в широком смысле как субъективированное повествование, созданное человеком, пережившим или наблюдавшим изображаемые события) подразделяются на объектно ориентированные (собственно мемуары, записки), то есть «воссоздающие объект авторского внимания (окружающей действительности, событий, людей)», и субъектно ориентированные, или автобиографические (прерванная и эпическая автобиографии) [Орлова, 2004, с. 58].

Таким образом, существование различных классификаций мемуарных текстов обусловлено разным объемом понятия «мемуары», в широком смысле осмысляемом как «семейство» разных жанровых форм.

Нас интересует образ Китая определенного исторического периода, который воссоздается в мемуарных текстах.

В 1920-е годы как в эмиграции, так и в Советской России наблюдается актуализация биографических жанров, что обусловлено переломным моментом в русской истории. С началом Октябрьской революции в России был свергнут старый режим, возникло серьезное идеологическое противостояние в российском обществе – как политическое, военное, так и культурное. Это привело к одному из крупных миграционных движений в истории России. Чжан Цзяньхуа, китайский специалист по истории России, пишет: «После Октябрьской революции, почти в одночасье, на земле появилось две России: Советская Россия и Россия эмиграционная; красная Россия и белая Россия. Россия эмиграционная, или белая Россия, была “невидимой”, состоящей из более чем двух миллионов русских, рассеянных по всему миру. Они плавают во всех уголках мира, как дрейфующие сорняки во время бури» [Чжан Цзяньхуа, 2010, с. 64]. Многие люди оказались в культурных и социально-политических контекстах, отличных от российского, что привело к появлению большого количества биографических и мемуарных произведений и, соответственно, к потребности в создании мемуарного образа страны в этот период – как *своей*, так и *другой*.

В Китае в 1920-е годы проживало более 100 000 русских, включая дворян, интеллигенцию и солдат, бежавших из России, а также советских политиков и военных, которые занимались политической и военной деятельностью. За последнее столетие русские авторы, оказавшиеся в этот период в Китае, опубликовали большое количество мемуаров, описывающих жизнь в Китае в 1920-е годы. В качестве примера приведем следующие: «Пересекая границы. Революционная Россия – Китай – Америка» [Якобсон, 2004], «Записки о китайской революции 1925–1927 гг.» [Благодатов, 1979], «Два года в восставшем

Китае, 1925–1927. Воспоминания» [Вишнякова-Акимова, 1980], «Записки волонтера. Гражданская война в Китае» [Примаков, 1967]. Наше исследование на данном этапе ограничено двумя мемуарными текстами.

Мемуарные тексты «давно и успешно» изучаются в двух направлениях – историческом и литературоведческом [Машнина, 2008, с. 17], но мы, в соответствии с поставленной задачей, остановимся на лингвистическом. При этом считаем важным различать работы, направленные на изучение жанра мемуаров, и работы, в которых мемуары привлекаются в качестве материала исследования.

Как показывает анализ работ, многие исследования мемуаров являются **междисциплинарными**. Так, диссертационное исследование Н. А. Орловой, посвященное реализации жанра «мемуары» в текстах носителей разных типов речевой культуры, выполнено в рамках **жанроведения**, но в то же время оно попадает, как отмечает и сам автор, в ряд работ по **лингвоперсонологии** [Орлова, 2004, с. 4–5]. В нем рассматриваются лексико-семантический, временной, субъектный и структурный уровни организации жанра мемуаров, восходящие, по мнению автора, к первичному речевому жанру «воспоминания» и по-разному реализующиеся в текстах носителей первичного (диалектного и просторечного) и вторичного (элитарного) типов речевой культуры. Исследователь приходит к выводу, что мемуары носителей первичного типа речевой культуры в большой степени приближены к реализации воспоминания как первичного жанра и в то же время структурно их можно соотнести с автобиографией как жанром официально-деловой речи; мемуары же носителей вторичного типа культуры тяготеют к художественной речи [Там же, с. 5–6, 9–10].

На стыке **лингвогендерологии** и **лингвокультурологии** исследует мемуары Н. В. Вязигина. Ею выявлено, что мужские тексты-воспоминания старожилов г. Барнаула отличаются линейностью повествования, категоричностью изложения, тенденцией к дословной передаче своей и чужой речи, избытком диалогов, художественностью оформления и склонностью к использованию аббревиатур; тексты женщин – нелинейной

последовательностью событий с многочисленными ретроспективными и проспективными элементами, категоричностью, стилистической нейтральностью, преобладанием просторечной лексики и активным использованием суффиксов субъективной оценки [Вязигина, 2017, с. 13, 108–111].

В отдельную группу выделим **лингвокультурологические** работы П. П. Банман и А. А. Леглер, посвященные образу Германии и образу России в мемуарах Э. Э. Двингера, военнопленного Первой мировой войны. На основе анализа прежде всего лексических единиц (топонимов, этнохоронимов, наименований реалий быта и др.), контекстов с топонимом *Сибирь*, речевых фрагментов описания природы, русской зимы делается вывод о контрастном противопоставлении в мемуарах «светлого» образа Германии и «темного» образа России [Банман, Леглер, 2016а], пропагандировании стереотипного представления о России как образе враждебной, нецивилизованной, отсталой страны, страны произвола [Банман, 2016б; Банман, 2017, с. 17].

Мемуары выступали в качестве материала **лингвопрагматических** исследований речевого поведения военнослужащих [Игнатова, 2005; Моисеенко, 2000], политических деятелей Германии XX века [Селиверстова, 2004], президентов США (Дж. Кеннеди, Р. Рейган, Б. Клинтон, Б. Обама) [Журавлева, 2012], премьер-министра Великобритании У. Черчилля [Зубакина, 2014]. Однако, учитывая материал, эти исследования можно поставить в один ряд с другими работами, имеющими отношение к **политической лингвистике**. Русскоязычные мемуарные тексты политических лидеров постсоветской эпохи в аспекте **политической метафорологии** охарактеризованы А. В. Суриной. Исследователь приходит к выводу, что эти тексты отличаются ярко выраженной прагматической направленностью (они нацелены на создание авторского имиджа), доступностью изложения, возможным коллективным автором (мемуарный текст может создаваться несколькими специалистами, хотя ответственность за авторство берет на себя политический лидер), представлением фактов биографии в контексте политических событий и характеризуются частотным использованием метафор с

исходными понятийными сферами «Неживая природа», «Война» и «Механизм» [Сурина, 2007, с. 7–9, 20, 39–41, 86–100].

Как материал для **лингвоперсонологического** исследования мемуары привлекались для изучения специфики отдельных языковых личностей (политиков или писателей): особенностей коммуникативного поведения Л. Н. Толстого [Наумова Т. С., 2009] (хотя автор называет свою работу лингвопрагматической, она вносит определенный вклад и в лингвоперсонологию); способов языковой репрезентации категории пространства в индивидуально-авторской картине мира Н. А. Дуровой [Ивыгина, 2012]; индивидуально-авторской концептуализации пространства и времени (хронотопе) в дневнике писателя и ученого Мирчи Элиаде [Романова, 2011], функционирования фразеологизмов в мемуарных текстах Г. Иванова [Попкова, 2008].

Понятие языковой личности актуализируется, как пишет Д. Н. Рамазанова, в процессе анализа когнитивных композитов в мемуарных произведениях, в ее работе – в художественно-публицистических мемуарах И. М. Майского «Воспоминания советского дипломата» [Рамазанова, 2008, с. 17]. Когнитивными композитами исследователь называет «лингвистические единицы познания» [Там же, с. 338], обладающие эмоционально-экспрессивными и оценочно-модальными смыслами и используемые в тексте как средства речевого влияния на адресата [Там же, с. 5]. Доказывается, что в мемуарах они помогают понять личностную позицию автора, идею воспоминаний [Там же, с. 12, 71], а организация «механизмов трансляции их содержания» определяет целостность мемуарного текста [Там же, с. 14, 47].

На основе анализа синтаксических особенностей мемуаров создаются фрагменты речевых портретов писателей русского зарубежья (Н. Берберовая, Г. Иванов, И. Одоевцева) и советских писателей (Л. Гинзбург, Вл. Пяста, Л. Чуковская), путем их сопоставления выявляется специфика коллективной языковой личности русского зарубежья [Голубева, 2002]. С помощью прагмалингвистического анализа стратегий скрытого воздействия на адресата

(эмотивно-ориентированной, конативно-направленной стратегий, стратегии «вероятностного оценивания автором речевого события как реального/нереального») характеризуются особенностями речевого портрета авторов военных немецких мемуаров [Моисеенко, 2000].

Мемуары становятся объектом **лингвистической экспертизы переводного текста**. Сошлемся на публикацию С. В. Серебряковой и П. П. Банман, в которой описаны ошибки при передаче когнитивной и эмоциональной информации, выявленные путем сопоставления англоязычного мемуарно-автобиографического текста Х. Э. Верольме, повествующего о жизни в концентрационных лагерях, и его перевода на немецкий язык, который выполнен М. Пресслер [Серебрякова, Банман, 2020].

В аспекте **грамматики текста** мемуары характеризуются О. И. Тарасовой. Ею описаны грамматические средства реализации текстовых категорий темпоральности и локальности в немецкоязычных текстах трех типов документально-художественного повествования, в том числе мемуарных [Тарасова, 2003].

Мемуары являются **источником исследования** различных языковых/речевых единиц в **функционально-стилистическом аспекте**: иранской лексики [Абдалтаджедини, 2015], экзотизмов немецкого происхождения [Ванина, 2001], фразеологизмов [Редькина, 2008] и других.

Как видим, лингвистически жанр мемуаров в наибольшей степени изучается в прагматическом, культурологическом и персонологическом аспектах, в меньшей – в гендерологическом и экспертно-переводческом. Нельзя этот жанр считать достаточно хорошо изученным в аспекте стилистики текста и его грамматики, поскольку лингвистическое описание получили лишь отдельные текстовые категории и стилистические средства их реализации.

Перспективы исследований мемуарных текстов ученые видят в изучении категорий образа автора, пространства и времени на материале мемуаров интересующих их авторов [Ивыгина, 2012, с. 21], характерных для них концептов и

способов их языковой репрезентации, особенностей идиостиля того или иного мемуариста [Попкова, 2008, с. 230], в изучении мемуаров в психолингвистическом и аксиологическом аспектах [Рамазанова, 2008, с. 22] и в их комплексной общежанровой характеристике.

Полагаем, что перспективу исследований может также составить изучение мемуаров в лингвоимагологическом аспекте, черты которого просматриваются в работах П. П. Банман и А. А. Леглер. Этот аспект предполагает изучение образа другой страны в дискурсах различного типа, способствует выявлению индивидуальных и стереотипных представлений о другой стране, ее народе и культуре, их осмыслению, значимому для эффективности межкультурной коммуникации в эпоху обострившегося информационного противоборства между отдельными странами.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Анализ научной литературы, направленной на выявление и описание теоретико-методологических основ исследования образа страны, позволяет сделать следующие выводы.

1. В современном языкознании понятие *«языковой образ»* определяется по-разному в зависимости от направления исследования: как составляющая семантической структуры слова (в семасиологии) или концепта (в когнитивной лингвистике); отражение в языке знаний и представлений об окружающем мире (в антропоцентристской семантике); лингвокультурный типаж (в лингвокультурологии); «образный отклик» воспринимающего языковой материал и единица анализа текста (в стилистике); информационная модель (в медиалингвистике); имидж / родовое понятие для имиджа (в лингвоимиджелогии). В нашем исследовании лингвистический, или языковой (речевой), образ определяется как тип образа, представляющий собой сформированное в сознании человека, группы людей или общества в целом устойчивое представление (ментальная сущность) о том или ином объекте, репрезентированное

(объективированное) в конкретном тексте/дискурсе с помощью языковых и/или речевых средств.

2. Лингвистическая имагология (как раздел общей или филологической имагологии) изучает вербальное воплощение образа «своего» и/или «чужого/другого» (страны, народа, культуры и т. п.). Ее методологический инструментарий нельзя считать достаточно разработанным, поэтому в исследовании образа другой страны в мемуарных текстах считаем целесообразным привлекать методы и приемы, разработанные в лингвистике дискурса. Для изучения образа другой страны используется метод дискурсивного анализа, который включает определение глобальной (общей) коммуникативной стратегии текста, связанной с реализацией коммуникативно-прагматической цели, и внутрижанровых коммуникативных стратегий, выделенных на основе функционально-стилистического анализа композиции текста.

3. Современное языкознание характеризуется пристальным вниманием к мемуарному тексту/дискурсу, о чем свидетельствует наметившаяся с 2000-х годов активизация исследований мемуарных произведений или их привлечение в качестве источника для изучения функционирования языковых/речевых единиц в тексте или дискурсе.

Решение дискуссионных вопросов о жанровом статусе мемуаров (документальный, документально-художественный, документально-публицистический или собственно публицистический жанр), определении их основных жанрообразующих признаков и классификации зависит от стилевой характеристики конкретного текста, соотношения в нем документальности, публицистичности и художественности.

В современном языкознании мемуарные тексты изучаются в различных аспектах, прежде всего лингвопрагматическом и лингвоперсонологическом. Внимание лингвистов сосредоточено преимущественно на исследовании мемуаров известных писателей, политических деятелей и военнослужащих разных стран. Перспективно исследование мемуарных текстов в лингвоимагологическом аспекте.

ГЛАВА 2. КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ, ТАКТИКИ И ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА КИТАЯ В МЕМУАРНЫХ ЗАПИСКАХ Б. С. КОЛОКОЛОВА*

2.1. Мемориально-информационная стратегия и ее субстратегии в мемуарных записках Б. С. Колоколова

Глобальная (общая) коммуникативная стратегия текста связана с реализацией сверхзадачи (коммуникативно-прагматической цели), эксплицитно сформулированной автором: *«оставить след на бумаге» «о жизни нашей семьи в Китае и о том, как дальше сложилась судьба дорогих и близких мне людей»***.

Глобальную стратегию в мемуарах Б. С. Колоколова можно определить как **мемориально-информационную**, связанную с намерением автора оставить в памяти человечества (путем запечатления на бумаге) информацию о жизни его семьи в Китае, о судьбе дорогих и близких ему людей. Этой стратегией объясняется достаточно высокая частотность слов *мама, папа, семья, дом* (см. таблицу 1 и облако слов в приложении). Стратегия обусловила выбор жанра, который автор определил как «мемуарные записки».

Записки Б. С. Колоколова строятся **на основе ассоциативно-хронологического принципа**, при котором «построение текста мотивируется не последовательностью биографии автора, а последовательностью воспоминаний» [Орлова, 2004, с. 21], что обуславливает наличие внесюжетных вставок справочного характера (сообщений о фактах), авторских комментариев, разного рода описательных контекстов и отступлений, являющихся композитами текста, направленными на реализацию внутрижанровых стратегий и тактик. Текст

* В основе главы публикация: Сун Даньдань. Композиционно-речевые стратегии и приемы создания образа Китая в мемуарных записках Б. С. Колоколова // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2 (87). С. 459–465.

** Здесь и далее страницы указываются по изданию: Кузнецова Е. Б., Сорокина М. Ю. Б. С. Колоколов. Записки сына последнего российского императорского генерального консула в Мукдене // Диаспора. Новые материалы. 2007. № 9. С. 7–94. В цитатах сохранены особенности орфографии и пунктуации данного источника.

мемуаров Б. С. Колоколова не имеет заключения, поскольку, обрываясь на одном из воспоминаний, является незавершенным.

Общая коммуникативная стратегия реализуется с помощью **четырёх внутрижанровых коммуникативно-речевых стратегий (субстратегий)**, имеющих отношение к дальнейшему развертыванию текста и образа Китая и определяющих выбор языковых и речевых средств. Стратегии следующие:

- 1) номинативная стратегия – стратегия выбора способа именования элемента внеязыковой действительности и, следовательно, создаваемого образа;
- 2) нарративная стратегия – стратегия последовательного изложения событий, совокупность повествовательных контекстов, расположенных в соответствии с линией передвижения главного героя по стране;
- 3) дескриптивная стратегия – стратегия описания увиденного;
- 4) стратегия комментирования – стратегия пояснения излагаемых фактов, событий.

Термин «**номинативная стратегия**» встречается в целом ряде работ (например, [Кашкина, 2005; Сбитнев, 2008; Языковые средства конструирования, 2009; Артамонова, 2016]) и понимается нами как выбор способа именования элемента внеязыковой действительности, связанного с создаваемым/репрезентируемым образом. Б. С. Колоколов использует как прямое наименование (топоним *Китай*), так и перифрастические наименования, о которых речь пойдет в следующем параграфе.

В рамках **нарративной стратегии** в повествовательной части текста выделяются две тактики: констатирующего нарратива и оценочного нарратива. Их взаимодействие прослеживается уже в четвертом абзаце мемуарных записок Б. С. Колоколова, в котором дается общая топонимическая характеристика образа Китая:

Итак, я родился в Китае, в семье российского генерального консула в Мукдене, в центре обширного края, известного в Китае как «три северо-вос-точные провинции», или кратко Дунбэй. Для нас же тогда, как и впоследствии, земля эта была известна по своему географическому названию – Маньчжурия. На полях и

*просторах южной части этого края **разыгрывались** драматические события несчастной для России Русско-японской войны 1904–1905 годов. Слившись душевно с народом этой гостеприимной земли, иногда **задаюсь** вопросом, чем **компенсировали** ему невероятный экономический ущерб схватившиеся друг с другом соперники, превратившие Маньчжурию в арену боевых действий. И после конца войны, зализывая раны, они остались еще здесь, поделив страну на сферы своего влияния, северную и южную, с опорой на железную дорогу, теперь уже разделенную надвое: северную – Китайско-восточную (КВЖД) и южную – Южно-маньчжурскую (ЮМЖД). За Россией осталась КВЖД с веткой от Харбина на юг до Куанченцзы, где она **стыковалась** с отошедшей к Японии Южно-маньчжурской. Объективно эксплуатация этих железных дорог **способствовала** развитию края, зарождению торговли и промышленности и тем самым **залечивала** раны, нанесенные разыгравшейся на его территории войной. Вдоль линии дороги, в так называемой полосе отчуждения, **возникали** новые поселки и города, появился приток населения как из других частей Китая, так и из числа обслуживавших дорогу рабочих и служащих из России и Японии. Потянулся в Маньчжурию и торговый люд (с. 15–16).*

Преобладание в этом композите глаголов несовершенного вида в прошедшем времени создает информационный регистр в повествовании и формирует описательно-статический фон, дающий общую характеристику географического образа Китая, разделенного по сферам влияния на две части железной дорогой. Глагол в настоящем времени *задаюсь* вводится для вкрапления рационально-негативной оценки того, что произошло в этой стране (*невероятный экономический ущерб*), и выражения сочувственного отношения к ней и ее народу (*слившись душевно с народом этой гостеприимной земли*). Как видим, повествование с элементами рассуждения ведется от автора (*я родился*) и субъективировано (пронизано авторской эмоциональной оценкой).

Дескриптивная (описательная) стратегия развертывания текста, значимая для создания образа Китая, представлена целым рядом описательных

контекстов, рассматриваемых нами вслед за Н. А. Орловой [Орлов, 2004, с. 20–21] в качестве разновидности мемуарных композитов и включающих речевые единицы репродуктивных и информационных регистров, которые могут следовать друг за другом. Эти контексты, создающие так называемые «образы-кадры», реализуются преимущественно нетропеически, исключение составляют описания крупных городов Китая, поразивших автора величием.

Тактики дескриптивной стратегии определим с опорой на риторические труды, в которых выделяются разные «графии», систематизированные как описания (наглядные изображения) тех или иных объектов (их называют дескрипциями, энаргиями или гипотипозисами/гипотипозами) и как описания тех или иных чувств (так называемые донизисы). К гипотипозисам относятся: анемография (описание ветра), астротезия (описание звезд), география (описания земель), гидрография (описание рек, морей, озер и т. п., то есть водной стихии), дендрография (описание растительного мира), прагматография («живое описание» действия или события), просопография («живое описание» лица), топография (описание мест), топотесия (описание несуществующих мест), характеризм (описание внешнего вида человека), хорография (описание народов и их обычаев), хронография (описание времен, эпох), экфразис (описание произведений искусства) и этопозия (описание естественных побуждений, манер, качеств персонажа речи) [Хазагеров, 2009, с. 288–311; Горте, 2007, с. 60–61]. Перечень возможных описаний может быть продолжен и даже приближен к реалиям современной действительности, однако «такой системы в настоящее время нет» [Хазагеров, 2009, с. 300]. Это связано с тем, что учение о типах описаний не получило, в отличие от учения о тропах и фигурах, развития в стилистике и риторике – вероятно, ввиду отсутствия видения его теоретической значимости; в современной лингвистике описание рассматривается преимущественно традиционно как функционально-смысловой (коммуникативный) тип текста. Что касается донизисов, то в риторической традиции термины описания или выражения негативных чувств: раздражения, недовольства или озлобленности (аганактесис), ненависти (бделигма, или

абоминация) [Там же, с. 289]. Исключение составляет описание чувства изумления или восхищения (так называемый таумасмос [Там же, с. 304]).

Для записок Б. С. Колоколова не характерны описания природы: мы не встретим астротезии, а короткие (представленные в рамках одного предложения) дендрографические упоминания не выполняют в тексте роли композитов, а используются для описания расположения какого-либо объекта, например: *Находился он [колледж] на тихой улочке, прижавшейся к склону горы с обильной растительностью вокруг* (с. 83); *На склонах, окружавших эту «счастливую долину», было много тропической растительности, вокруг вилась дорога со сравнительно небольшим движением, и воздух был чистый и живительный. Где-то среди растительности было и кладбище* (с. 86); *Как-то, бродя там среди густо разросшихся посадок <...>, я находил на некоторых старых деревьях вырезанные ножом русские имена и фамилии* (с. 44–45) – используется гипероним *растительность* и *посадки* в сочетании с эпитетами вместо наименования гипонимов. В тексте существует только одно описание ветра (анемография): *...слушая шум ветра, то приближающегося, то отдаляющегося, я находил...* (с. 44–45). Нет в тексте и топотесии (описание несуществующих мест), если не признавать таковой придуманную автором «страну Ралию». В целом мемуарный образ Китая оказывается лишенным яркой пейзажной составляющей, что, наряду с другими фактами, свидетельствует о преобладании документализма над художественностью изображения.

Б. С. Колоколов вводит описательные контексты, посвященные, казалось бы, незначительным объектам, таким как пачки сигарет, флаги, монеты, эмблемы на товарных вагонах, могилы и т. д. Однако они выступают связующим звеном для перехода к комментариям автора, реализующим уже другую стратегию, например: *Непонятным образом мои мысли переключались на японское консульство за прудом в Мукдене, которое занимало с целым рядом одноэтажных пристроек, почти не выглядывавших из-за высокого забора, целый квартал. Говорили, что в одной такой пристройке, а скорее отдельной казарме, содержались пленники из числа*

корейских патриотов-националистов, боровшихся за отделение Кореи от Японии (с. 55) – после описания вводится исторический комментарий.

Стратегия комментирования представлена двумя типами: историко-фактологическим комментированием, характеризующим политическую составляющую образа Китая, и лингвистическим, передающим языковой облик народа.

Представим совокупность коммуникативно-речевых стратегий и тактик, выделенных нами в мемуарных записках Б. С. Колоколова, схематически (см. схему на рис. 1).

Перейдем к лингвистическому описанию внутрижанровых коммуникативных стратегий, реализуемых в мемуарных записках Б. С. Колоколова.

2.2. Тактики номинативной стратегии репрезентации образа Китая

Номинативная стратегия репрезентации образа реализуется с помощью двух тактик: тактики именованного ключевого образа-концепта и тактики именованного объектов с использованием единиц, производных от слова *Китай*. Эти тактики формируют у адресата заданное автором восприятие образа.

1. Тактика именованного ключевого образа-концепта

Топонимическое наименование *Китай*, являющееся ключевым номинатом образа-концепта Китай, используется в тексте мемуарных записок 54 раза (данные о его частотности в мемуарных записках Б. С. Колоколова на фоне других слов представлены в приложении в таблице 1), в то время как перифрастические наименования в тексте единичны. При этом различные примеры сочетаемости лексемы *Китай* с причастиями, прилагательными и глаголами позволяют говорить о ее метонимическом употреблении, а также вывести признаки образа «Китай», наиболее важные для автора воспоминаний.

**ГЛОБАЛЬНАЯ КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ –
МЕМОРИАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ**
(Коммуникативно-прагматическая цель –
запечатлеть на бумаге информацию о жизни семьи автора в Китае,
судьбе дорогих и близких ему людей)

ВНУТРИЖАНРОВЫЕ КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ
(реализуют разные коммуникативные задачи)

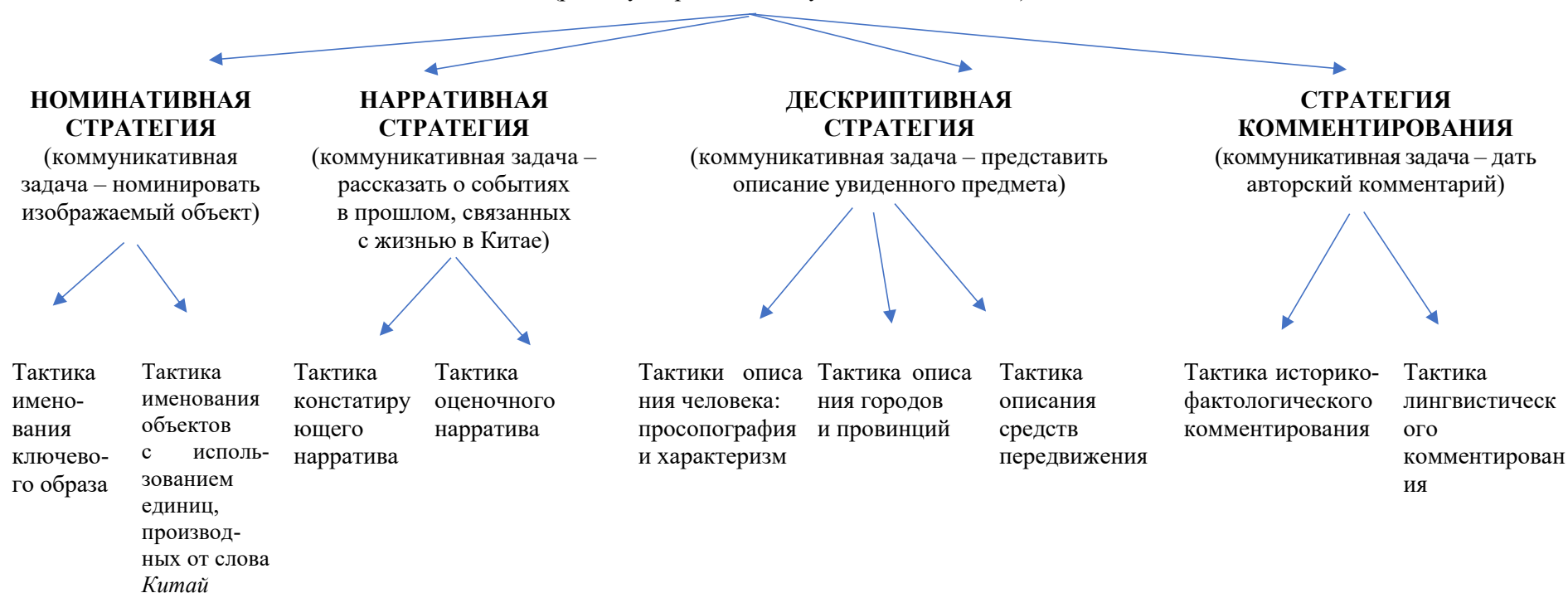

Рис. 1. Коммуникативно-речевые стратегии и тактики в мемуарных записках Б. С. Колоколова

Лексико-семантическое поле образа в номинативной стратегии

Лексема *Китай* используется в сочетании с глагольными формами *добился*, *сумел отвергнуть*, *вступил (в войну)*, *не признавал*, *признал*, контекстуально репрезентирующими признак «активности действий»: *Китай добился возвращения себе Циндао* (с. 43); ...*Китай*, учитывая относительно высокое значение европейских держав, *сумел ее притязания вежливо отвергнуть* (с. 44); *Китай* много позже *вступил в войну*... (с. 27); ...с 1920 года *Китай* уже не признавал за ним легитимного статуса представительства соседней страны (с. 40); К тому же *Китай признал СССР*... (с. 70); В противоположность Китаю, долго сохранявшему нейтралитет в схватке держав в Европе, Япония не замедлила объявить Германии войну... (с. 44). Создается персонифицированный образ Китая как государства, способного отстаивать свои интересы.

Признак «активность в военных действиях» содержится в перифрастическом наименовании участник Первой мировой войны, выступающем в роли предиката: *Китай как участник Первой мировой войны уже потребовал уравнивания себя в правах с другими победившими державами* (с. 43).

Приведенные выше сочетания со словом *Китай* характеризуют Китай как государство, ведущее активную политику, направленную на отстаивание своих интересов. Однако атрибутивные сочетания, в которых *Китай* является зависимым словом, а в роли главного выступает причастие *навязанные*, позволяют извлечь смысловой признак «неуспешности» (*навязанные* от *навязать* в значении «заставить, принудить принять что-л. против желания, против воли» [Большой толковый словарь русского языка, 2000, с. 574]): По *навязанным Китаю* после неудачных войн несправедливым договорам плавание по внутренним водам было предоставлено всем судоходным компаниям... (с. 54); Это и *навязанные Китаю* неравноправные договора. (с. 87). Несмотря на этот факт Китай оценивается положительно с помощью атрибутивного словосочетания *независимое государство*, обозначающего его статус и использующегося на международной арене в начале XX века в контексте о неуспешности деятельности

этого государства, которое стремится подчинить своей воле Япония: ...японцы предложили китайскому правительству унизительные 21 требование, существенно нарушавшие свободу и суверенность Китая как **независимого государства** (с. 51).

Широко используются нейтральные существительные тематической группы «Страна и ее территория»: *побережье, провинция, города, окраины, части, север, юг, граница, артерии* (в значении «путь сообщения»), – употребляющиеся в сочетаниях с ключевым словом-номинатом образа. Например: *То было время дележа опорных пунктов на **побережье Китая*** (с. 43); *Дальше было назначение консулом в 1909 в Фучжоу (приморская **провинция Китая**)...* (с. 17); *В северных **провинциях Китая** грызлись между собой милитаристы, содержавшие свои вооруженные силы* (с. 90); *Но теперь уже бывшие русские консулы в различных **городах Китая** чувствовали общность своей судьбы...* (с. 30); *На таком языке общались на бытовом уровне с китайским населением не только в Шанхае, но и в других портовых **городах Китая*** (с. 58); *Из состава этих «хунхузных» шаяк со временем выделился один из главарей, ставший жестким вершителем судеб этой **окраины Китая**, Чжан Цзолин* (с. 18); *Между тем, именно в этой **части Китая** нарастали первые признаки антиимпериалистического движения* (с. 80); *Вдоль линии дороги, в так называемой полосе отчуждения, возникали новые поселки и города, появился приток населения как из других **частей Китая**...* (с. 15); *В быту на **севере Китая** приезжие иностранцы называли этих сверчков цикадами...* (с. 48–49); *Где-то на **юге Китая** понадобилось наладить работу, и Франку пришлось распрощаться с Шанхаем* (с. 75); *Город не из важных, на самой **границе Китая** с Кореей* (с. 60); *В те далекие времена на внутренних **водных артериях Китая**, где находились открытые для иностранцев города, ходили еще иностранные канонерки, в основном английские* (с. 79). Выделенные словосочетания характеризуют пространство, в котором происходят описываемые события, и реализуют тем самым признак его обширности. На то, что это «пространство с богатыми водными ресурсами и выходом в море», указывают прилагательные *приморская, водных*. Детальный образ этого обширного

пространства создается благодаря имеющейся в детстве у автора мемуаров возможности совершать путешествия по стране, которые он оценочно именуется «скитаниями»: *...я стал готовиться в шестой класс, потеряв за годы **скитаний по Китаю** целый год, к величайшей моей досаде* (с. 94).

Можно выделить немногочисленные речевые отрезки с негативной характеристикой: *Как память об этом периоде жизни нашей семьи у меня сохранилась книга на французском языке о перспективах роста **экономического благополучия Китая**...* (с. 16–17); *В запутанной денежной системе **Китая** тех лет наряду с местными денежными знаками курсировали общегосударственные «юани»...* (с. 93).

Лексико-грамматическое поле вербализации образа в номинативной стратегии

Определенную роль в наполнении номинативного поля образа Китая играют конструкции с предлогом, в основном – с предлогом «в». Другие предлоги используются реже, например: *Как сейчас помню адрес, по которому отправлялись наши **письма бабушке из Китая*** (с. 23); *Появление отличных от китайских названий произошло в пору **первых знакомств** иностранных путешественников с **Китаем*** (с. 59) – актуализируют локальный признак («место, территория»); *...в Каулуне была станция железной дороги в Кантон, проходившей по **арендованной у Китая территории** на материке, так и называвшейся «New Territories»* (с. 81); *...банк располагал облигациями китайского займа, произведенного китайским правительством в погашение контрибуции, **наложенной на Китай** из-за боксерского восстания 1900-х годов* (с. 45–46) – актуализируют признак «страна».

Доминирующими при репрезентации образа Китая являются именительный, родительный и предложный падежи соответствующего имени. Редко используется дательный и винительный падежи: *Если **устранения экстерриториальности для всех Китаю** таки **достичь и не удалось**, то для побежденных она стала возможной* (с. 43); *...Японии пришлось отказаться от своих требований или хотя бы **смягчить их и, более того, вернуть Китаю порт***

Циндао (с. 51); *Плавание должно было завершиться в порту Аньдун устье реки Ялу, разделявшей Китай и Корею* (с. 59).

Предложный падеж характеризует местоположение, пространственную ориентацию действий, состояний, называемых глагольными формами: *Мукден был историческим центром Циньской империи, последнего царствующего дома в Китае, овладевшей тронном Поднебесной в середине XVII века* (с. 36); *Как в иных местах проводили петушиные бои, так в Китае господствовали среди подрастающего поколения бои сверчков* (с. 47–48).

В конструкциях с предлогом «в» Китай выступает как страна, интересная для других держав, отправляющих туда своих представителей и инвестирующих в ее развитие (признак «страна инвестиций»): *Еще Крейн, американский посол в Китае...* (с. 46); *Блонский был старожилом Мукдена и помощником военного агента России в Китае* (с. 46); *Сам Шишман был вроде бы директором ВАТ, табачной фабрики, и руководящих работников этой организации тоже часто переводили с места на место в этой разветвленной кампании с иностранным капиталом в Китае* (с. 36); *...по планам отца, нам предстояло обосноваться прочно на родине после долгих лет службы его в Китае* (с. 22). В периферию номинативного поля анализируемого образа входят существительные, обозначающие субъектов, работающих в Китае (*посол, агент*), исполнение ими профессиональных обязанностей (*служба*), самовозрастающую стоимость (*капитал*).

Нельзя не обратить внимание и на словосочетания, в которых существительным *Китай* управляют глаголы активного действия, реализующие признак «миграция населения» (*родился, въезжали, попадали, хлынули, откомандировали, растекались* в значении «разъезжались»): *Итак, я родился в Китае, в семье русского генерального консула в Мукдене, в центре обширного края, известного в Китае как «три северо-восточные провинции», или кратко Дунбэй* (с. 15); *Кончились маньчжурские просторы, мы въезжали в собственно Китай, его основные 18 провинций («шиба шэн»), как иногда называли свою родину китайцы* (с. 51); *Всюду, куда они попадали в Китае, они старались*

воссоздать привычную для себя обстановку (с. 57); *В Китай хлынули разбитые белые части и даже, как говорили в городе, якобы привезли с собой тело убитого генерала Каппеля, одного из сподвижников Колчака...* (с. 66); *Франка откомандировали обратно в Центральный Китай...* (с. 73); *К тому времени уже много русских из первой волны массовой эмиграции из России растекались по всему Китаю* (с. 73–74). Китай предстает как страна, на территорию которой въезжает большое количество иностранцев, преследующих разные цели.

Признак «активности» общественной деятельности в стране («внутренняя политика») передается контекстуально синонимическими сочетаниями *антиимпериалистическое движение* и *событие: В городе все было спокойно, несмотря на повторявшиеся все время сообщения о нарастании антиимпериалистического движения в Китае* (с. 90); *...их ждала мать Франка, обеспокоенная событиями* (антиимпериалистическое движение) *в Китае* (с. 87).

О значимости речевого образа Китая в мемуарных записках свидетельствуют номинаты, являющиеся контекстуальными синонимами (косвенными номинатами) слова *Китай* и образующие синонимическое поле ключевого слова Китая: образное метафорическое наименование *Поднебесная*, позитивно-оценочные атрибутивные словосочетания *гостеприимная земля* (метонимия), *Китайская империя* используются в тексте однократно, однако оказывают значимое влияние на ассоциативное развертывание образа Китая.

Топоним *Поднебесная*, выступающий как номинат образа Китая, используется для обозначения географической территории, находящейся под властью китайского императора, то есть актуализирует значение «управляемость территорией». В древние времена китайцы считали императора сыном небес, а территория под небом принадлежала императору, поэтому они называли свою родину «Тянь Ся» (под небом, или весь мир). В настоящее время слово *Поднебесная* вместо *Китай* часто встречается в текстах массмедиа, художественных произведениях. В мемуарных текстах синонимическое слово-номинат используется в контексте об истории Китая, то есть в исторической справке, и обозначает территорию: *Мукден был историческим центром*

Циньской империи, последнего царствующего дома в Китае, овладевшей трон Поднебесной в середине XVII века (с. 36). Таким образом, слово-эпитет *Поднебесная* содержит основное значение «географическая территория» и дополнительное образное значение «управляемая с небес».

Перифраза *гостеприимная земля* актуализирует значение «территория, на которой живет гостеприимный народ»: *Слившись душевно с народом этой гостеприимной земли...* (с. 15).

Китайская империя – общее название объединенных династий в эпоху диктатуры китайских монархов. В мемуарных записках *Китайская империя* как *Поднебесная* используется в исторической справке и обозначает китайскую территорию: *...образовалось свое правительство из состава руководителей Гоминдана, «народной партии», организованной еще Сунь Ятсеном в годы борьбы с бывшей в начале века династией Цинов, правившей китайской империей* (с. 90).

Итак, слово-номинал *Китай* и его синонимические наименования имеют: основное значение – «географическое название страны (территория)» (*Китай, гостеприимная земля, Поднебесная*); дополнительные значения – визуальная характеристика «находящаяся под небом, управляемая с небес» (*Поднебесная*) и оценочное значение «гостеприимная» (*гостеприимная земля*).

2. Тактика именования объектов с использованием единиц, производных от слова *Китай*

Образ Китая представлен в тексте производными от топонима *Китай* словообразовательными единицами: *китайский* – встречается в мемуарах 105 раз, используется для обозначения того, что относится к Китаю как к стране и государству, к китайцам; *китаец* (53) и *китаянка* (5) – обозначают народ, образующий основное население Китая.

Выявить признаки образа Китая помогают коллокации, в которые вступает имя прилагательное *китайский(-ая, -ие)*. Они актуализируют признак «относящийся к Китаю как к государству или стране» (ниже пункты 1–7) и «принадлежащий китайскому народу» (пункты 9–11). Прилагательное

китайский(-ая, -ие) используется с существительными определенных тематических групп, образующих в тексте ассоциативно-смысловые цепочки:

1) «власть и ее представители»: *китайская администрация, китайские власти, китайское правительство, китайские чиновники, китайская(ие) таможня(и), китайские солдаты, китайская полиция, китайский суд, Китайская империя, китайские богдыханы* (императоры);

2) «символ государства»: *китайский флаг*;

3) «компании, организации»: *китайские пароходства, китайская почта, китайское почтовое ведомство, Китайское торговое мореходство; китайская компания, китайское общество «China Merchants»*;

4) «пространственно-территориальные объекты»: *китайская дорога, китайские деревушки, китайский Далянь, китайский город, китайская провинция, китайская глубинка, китайские улицы, китайский парк, китайская земля, китайские открытые порта, китайские лавочки, китайские постройки, китайское поселение*;

5) «природные объекты»: *китайская река, китайская вода*;

6) «средства передвижения»: *китайские джонки, китайские шаланды*;

7) «деньги и финансовые операции»: *китайский заем, китайский серебряный юаню, китайский торговый мир*;

8) «люди, народ»: *китайские поставщики, китайская невеста, китайские дети, китайские мальчишки, китайские ребята, китайская детвора, китайская прислуга, китайские зрители, китайский носильщик, китайские купцы, китайские служащие, китайская толпа*;

9) «язык/речь и письменность»: *китайские иероглифы, китайский язык, китайские слова, китайская фраза, китайская речь, китайские азбуки, китайское «гуанхуа»* (культурная речь), *китайские ругательства, китайские названия*.

10) «религиозные объекты»: *китайский Будда, китайские храмы, китайская кумирня*;

11) «культурные артефакты»: *китайская картина, китайский фольклор, китайский гроб, Великая Китайская стена.*

Первые две тематические группы создают образ государства, управляемого из единого центра и имеющего символику; третья, четвертая и пятая группы существительных создают пространственный образ территории страны; шестая и седьмая группы – образ средств передвижения этой страны и ее экономический образ; восьмая и девятая группы – образ народа, говорящего на своем уникальном языке; десятая и одиннадцатая – ментальный образ внутреннего мира китайского народа, имеющего свои религиозные верования и собственную культуру.

Б. С. Колоколов в сочетании со словом *китайский* использует и экзотизмы: название денежной единицы – *китайский серебряный юаню*; название императоров – *китайские богдыханы*; название средства передвижения – *китайские джонки*; название религиозных объектов – *китайский Будда, китайская кумирня*. Эти экзотизмы передают национальный колорит Китая как восточной страны, описывают характер жизни китайского народа. Их использование свидетельствует о том, что автор мемуаров Б. С. Колоколов хорошо знаком с культурой и бытом Китая.

В разнообразии тематических групп с прилагательным *китайский* выражено стремление автора мемуаров к многоаспектному и детальному описанию этой значимой для него страны.

Таким образом, высокая номинативная плотность концепта (ключевое слово-номинат *Китай* встречается в мемуарных записках 54 раза, его контекстуальные синонимы *Поднебесная, гостеприимная земля, Китайская империя* – по одному разу, производные единицы *китайский* – 105 раз, *китаец* – 53 раз, *китаянка* – 5 раз) свидетельствует о его детальном осмыслении, является показателем актуальности, ценностной значимости Китая для автора мемуаров, его коммуникативной релевантности, то есть необходимости обсуждать его.

2.3. Тактики нарративной стратегии создания образа Китая

Нарративная (повествовательная) стратегия развертывания образа Китая реализуется Б. С. Колоколовым с помощью тактики констатирующего нарратива (тактика указания на значимые объекты в процессе изложения событий) и тактики оценочного нарратива (тактика выражения отношения к увиденному в процессе изложения событий).

1. Тактика констатирующего нарратива. Топонимические единицы как связующее звено образа-схемы

В основе тактики констатирующего нарратива лежит последовательность композитов-воспоминаний, расположенных по пространственно-временному параметру – в соответствии с передвижением автора, его семьи в Китае. Б. С. Колоколов провел в Мукдене свое детство (до 10 лет). После смерти отца в 1921 году Б. С. Колоколов вместе со своим братом и матерью стал жить с сестрой Катей и ее семьей. Из-за постоянной смены места службы в таможне мужа Кати Б. С. Колоколов покинул свой родной дом в Мукдене и начал скитаться по Китаю. Большую роль в развертывании образа скитаний играет ассоциативно-смысловая цепочка, включающая топонимические единицы.

Топонимы, как отмечает Цуй Ливэй, переносят читателей в новый мир, новое пространство [Цуй Ливэй, 2016, с. 113]. Вокруг топонимов развивается сюжет [Данильченко, 1991, с. 20]. Анализ текста с опорой на эту идею, основанный на выделении хоронимов, позволяет определить четыре линии передвижения (маршрута) автора (муж Кати (сестра Б. С. Колоколова) четыре раза менял место службы в таможне):

- 1) Харбин ==> **Мукден** ==> Тяньцзин ==> Пукоу ==> Нанкин ==> **Чжэньцзян**;
- 2) **Чжэньцзян** ==> Шанхай ==> Чифу (Янтай) ==> Аньдун ==> Мукден ==> Чанчун ==> **Харбин**;
- 3) **Харбин** ==> Дайрен ==> Циндао ==> **Шанхай** ==> Гонконг ==> **Учжоу**;
- 4) **Учжоу** ==> Гонконг ==> Шанхай ==> Дайрен ==> **Мукден**.

Схематически линии показаны на карте (см. рис. 2).

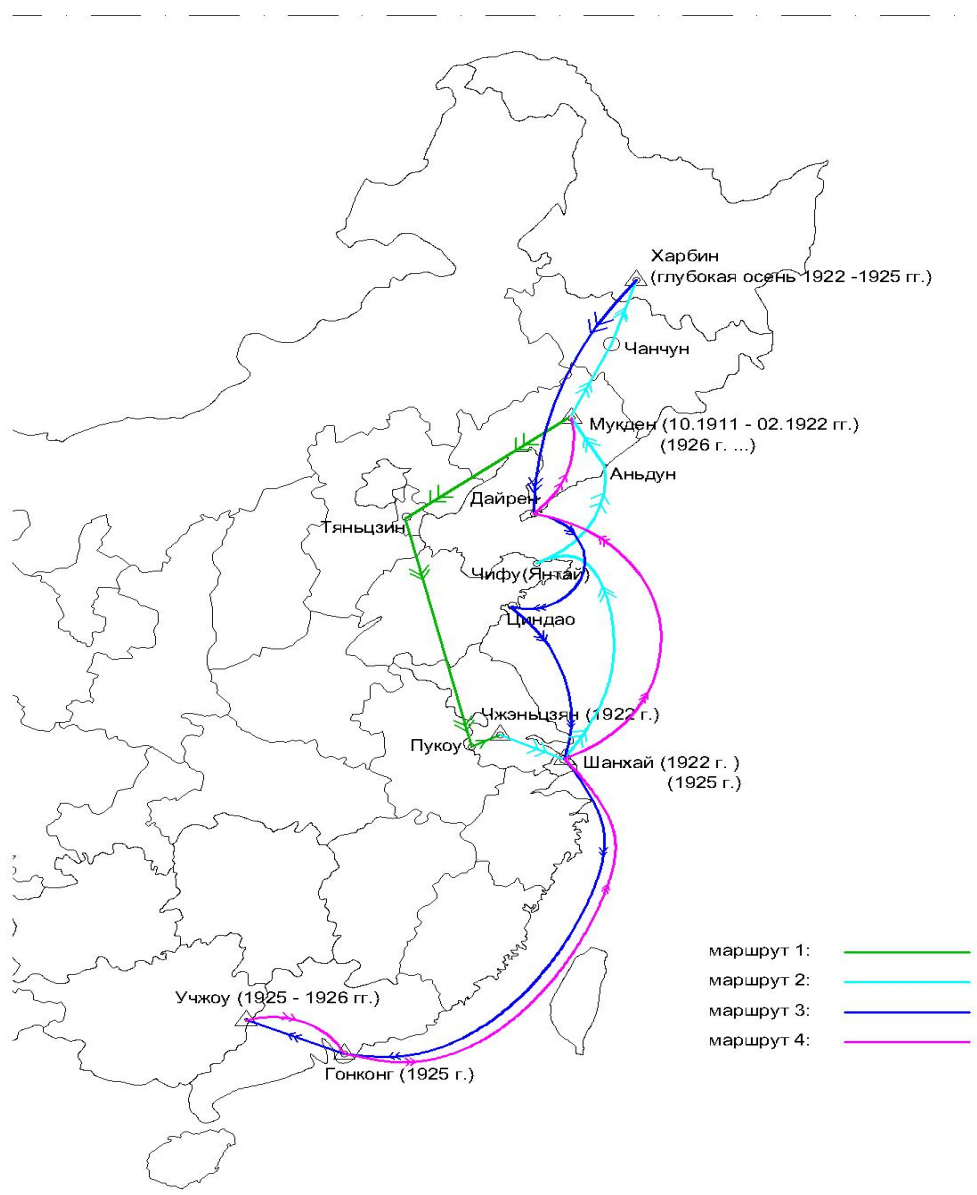

Рис. 2. Географический образ-схема передвижения («скитания») по Китаю Б. С. Колоколова

Географическое расположение топонимов на карте демонстрирует ограниченность передвижений автора восточной частью Китая, особенно восточным прибрежным районом. Внимание Б. С. Колоколова сосредоточено на восточных регионах Китая неслучайно: он был проездом или жил какое-то время в этих местах. Развитие восточных и западных регионов Китая было неравномерным, и политические, экономические и культурные центры были расположены на востоке. В начале XX века именно на этой территории особенно ощущалось влияние на Китай иностранных держав. Соответственно, в мемуарных

записках Б. С. Колоколова формируется образ восточной части Китая начала XX века.

Динамический характер повествования, передающий непрерывное передвижение автора по Китаю, создается с помощью лексико-семантических средств. К числу таких средств относятся прежде всего глаголы движения и образуемые от них существительные (*ехать, поехать, переехать, въезжать, уходить, плыть, подплывать, плавание, отплытие, прибытие, пересадка* и др.), например: *Теперь мы в поезде. Едем с Катей к ней в Чжэньцзян* (с. 50); *Переезд из Аньдуна в Мукден был не особенно долгим, и поезд подали на отдельную от других платформу* (с. 60); *Опять предстояло плыть морем до Гонконга, а оттуда на речном пароходе вверх по реке до этого Учжоу* (с. 77).

Используются также существительные *путь, дорога*. М. М. Бахтин замечает важную роль названных существительных в повествовательном тексте: «Это точка завязывания и место свершения событий. Здесь время как бы вливается в пространство и течет по нему (образуя дороги), отсюда и такая богатая метафоризация пути-дороги: “жизненный путь”, “вступить на новую дорогу”, “исторический путь” и проч., метафоризация дороги разнообразна и многопланова, но основной стержень – течение времени» [Бахтин, 2012, с. 491]. Передвижения автора в Китае, изменившие и его жизненный путь, описаны в мемуарах с использованием существительных *дорога* и *путь*, что способствует развитию сюжета в повествовании: *...Катя с Франком и Виллардом отправлялись на Пограничную, а нам с мамой предстояла дорога в Харбин* (с. 58); *Путь наш был в Тяньцзин* (с. 43).

Наречия *опять* и *снова*, сочетаясь с глаголами движения и существительными *путь* и *дорога*, контекстуально создают образ непрерывности пути, например: *Но все хорошее быстро кончается. Франку опять вышел перевод по службе в таможене. <...> Опять дорога, собираться в путь* (с. 55); *Снова в поезде, который довезет нас до Мукдена* (с. 60); *Путь в Шанхай лежал наш через Дайрен. <...> мы не задерживались и вскоре уже опять плыли на японском*

пароходе в Шанхай, с заходом по пути в порт Циндао на Шаньдунском полуострове (с. 74).

Указание на хронологию передвижения, с одной стороны, способствует развитию сюжетной линии повествования, с другой – свидетельствует о точности географической составляющей образа Китая в воспоминаниях: *Итак, в начале февраля 1922 года ехали мы с мамой на поезде – давнишняя моя мечта – начинать новую жизнь у Кати в маленький городок на Янцзы – Чжэньцзян (с. 47). Первая остановка была в Чифу. <...> Была уже глубокая осень, шел год 1922-ой... (с. 59–60).* Одновременно указанные даты организуют временный диапазон (1911–1926) воспоминаний Б. С. Колоколова, определяя исторический фон образа Китая в мемуарных записках.

Констатирующий нарратив вводится языковыми единицами, свидетельствующими о воспоминаниях Б. С. Колоколова. Это предикаты, входящие в семантическое поле «память» (*вспоминать, вспомнить, вспомниться, вспоминаться, помнить, помниться, запомниться*), и существительные *воспоминание* и *память*: *И тогда начинаю настойчиво вспоминать, стараясь вызвать образы прошлого (с. 14); Хочу вспомнить ребят, с которыми дружил помимо того Володи, который ввел меня в таинство филателии (с. 72); И тут вспомнился эпизод: по лестнице со второго этажа в нашем доме как-то спускался один из слуг... (с. 55); Поступил ли он тогда в гимназию или много позже, я теперь не помню, только два или три года спустя, помнится, у нас появился уже другой репетитор, который взялся также готовить и меня, – Николай Иванович Изотов (с. 25); Один такой случай мне запомнился (с. 28); Теперь, по прошествии более семидесяти лет, я нахожу, что в моей памяти не сохранилось никаких впечатлений от этого нового крутого виража в нашей с мамой судьбе (с. 77); К этому периоду сохранились у меня воспоминания о старшем брате Всеволоде (с. 19).*

Все эти единицы характеризуют ретроспективную направленность текста, служат его сверхзадаче зафиксировать на бумаге воспоминания о жизни в Китае и судьбах близких людей, а также определяют жанр текста – мемуарные записки.

2. Тактика оценочного нарратива и ее роль в оппозиции «свой – чужой»

Образу «непрерывно нужен смысл» [Арутюнова, 1999, с. 317], и этот смысл особенно явно прослеживается в реализации ценностной оппозиции «свой – чужой», которая как бы «пронизывает» повествовательные и описательные контексты, служит их «скрепой». Так, в мемуарах используются перифрастические обороты «мальчишка из чужой страны», «представитель незнакомого народа», которые логически контрастируют с фразой из текста: *Среди китайской толпы я не чувствовал себя чужим, хотя, естественно, обращал на себя внимание* (с. 79).

Рождение в Китае и многолетний жизненный опыт в этой стране позволяют автору мемуаров не чувствовать себя чужим. Он даже метафорично называет свой дом в Китае «родным гнездом» (символическая фигура, являющаяся доказательством того, что воссоздаваемый образ Китая является культурной памятью как «передачей смыслов» [Ассман Я., 2004, с. 20]): *...наконец, выехали из дома, многие годы служившего нам родным гнездом* (с. 43). Слово *родной* имеет значение «свой по рождению, по духу, по привычкам» [Ожегов, 2004, с. 891]; слово *гнездо* используется в переносном значении («наследственное, родовое жилье, обиталище» [Ушаков, 2017, с. 123]). Их употребление в тексте отражает теплое отношение автора к китайскому народу, о котором он пишет в мемуарных записках: *после переезда в Манчжурию мама познакомилась с еще одним народом – китайцами, с которыми установились самые теплые отношения взаимопонимания на долгие годы* (с. 24).

Чувство сопричастности Б. С. Колоколова Мукдену и Харбину, китайскому народу, его любовь к этой гостеприимной земле выражены эксплицитно с помощью эмотивных конструкций: *На Стрелковой улице мы стали жить по укладу, более или менее напоминавшему старый наш Мукден* (с. 71); *Жаль было прощаться с Харбином, где все было так мило и близко душе* (с. 73); *Слившись душевно с народом этой гостеприимной земли...* (с. 15). Автор испытывает чувство гордости, что его судьба связана с Китаем; Россия характеризуется с помощью эпитетов *далекий и непонятный*: *Вот так бы и мне гордиться своей*

страной, далекой и непонятной, пережившей грозную смену власти и общественных отношений (с. 90). Метафора и контекстуальная антитеза придают Китаю как объекту изображения ценностный смысл, создавая его целостный образ.

Таким образом, в мемуарных записках используются определенные группы языковых единиц для реализации нарративной стратегии: топонимы, группа лексических единиц с семантикой движения и воспоминания, воплощающие образ Китая как образ-схему передвижения автора по стране и передающих идею «скитания»; числительные, указывающие на точные даты событий, что позволяет осмыслить исторический контекст образа; эмотивные конструкции, в том числе метафорического типа, и другие средства, создающие образ Китая как образ своей (родной), а не чужой страны, в отличие от России – тоже своей (русской), но далекой и непонятной, то есть другой.

2.4. Тактики дескриптивной стратегии и особенности ее реализации

Для мемуарных записок Б. С. Колоколова наиболее характерны следующие дескриптивные тактики: тактики описания человека (просопография и характеризм), тактика описания городов и провинций и тактика описания средств передвижения.

1. Тактики описания человека: просопография и характеризм

Нельзя не заметить, что в записках дается более или менее подробное описание близких автору людей и иностранцев (встречается и просопография, и характеризм), однако развернутые описательные контексты, посвященные представителям китайского народа, единичны. О жизни китайцев читатель составляет представление из упоминаний их профессий, того, кем приходилось им работать. В тексте эти упоминания представляют собой включения информационно-описательного регистра: *Наряду с этим из-за примитивности быта маме приходилось заниматься и хозяйственными вопросами, хотя, конечно, была, видимо, и прислуга, но поскольку она состояла из людей коренного населения, то была совершенно не знакома с требованиями жизни на*

иностранный лад. Называла она их сартами (с. 24) – вводное слово видимо свидетельствует о ментальном способе познания; *В этом мной предводительствовал племянник нашего слуги – «боя», как тогда в Китае называли старшего из нашей китайской прислуги. Его звали Вэй Цзы, и был он всего на несколько лет старше меня. Научился я от него и отборным китайским ругательствам* (с. 26). Приведем также фрагмент из описания гостиницы: *В ванной стоял большой керамический чан, в который наливалась вода, когда постоялец заказывал себе ванну. Вода в ведрах заносилась опять же женщинами-китайками, на коромыслах* (с. 82).

В мемуарных записках Б. С. Колоколова часто встречаются составные существительные, состоящие из слов двух лексико-семантических групп – наименований лиц по национальности и наименований лиц по профессии. Их анализ показывает, что большинство существительных – это наименования низкооплачиваемых профессий, связанных с физическим трудом: *рабочие-китайцы; машинист-китаец; китаянка-«ама» (няня); китаец-бой (слуга); китайцы-помощники (секретари); китаец-рикша; китайцы-носильщики; китайцы-грузчики; повара-китайцы* и т. д. Автор обращает внимание читателя на то, что в начале XX века китайцы обычно занимались физической работой. Конечно, были богатые и образованные китайцы (например, *китаец-сяньшэн* (деревенские шэньши), *состоятельные китайцы, учитель-китаец*), однако они были в меньшинстве (упомянуты автором в мемуарных записках в единичных случаях) по сравнению с бедными людьми. Показано, что китайцы обладают низким социальным статусом по сравнению с живущими или работающими в Китае иностранцами (*американские миссионеры, директор-американец, англичане-инженеры, врач-англичанин, офицеры-индусы, еврей-предприниматель*), у которых имеется высокооплачиваемая престижная работа: *Катя получила первые уроки у англичан-миссионеров...* (с. 25); *В Мукдене на электростанции был директор-американец...* (с. 35); *Здесь все строилось под ранжир английских железных дорог, на руководящих должностях все еще были англичане-инженеры и путейцы, которые, конечно, внедрили свои порядки* (с. 51); *Должно*

*быть, болело горло, я плохо говорил и приходил **врач-англичанин** Ламли (с. 54); Командовал пароходом **капитан-англичанин** по фамилии Спинк (с. 78); Там жили, например, **офицеры-индусы** из расквартированных в Каулуне воинских частей с солдатами из Индии (Пенджабис) (с. 81); В то же время существовал и магазин Фукса, **еврея-предпринимателя** (с. 92).*

Бедность китайского народа передается также с помощью описания их внешнего вида по дороге в Чжэньцзян: *По этому направлению, на юг, к Тяньцзину нет на дороге крупных населенных пунктов, и, следовательно, среди сходящих или садящихся в поезд на остановках нет иностранцев. **Густая толпа китайцев, одетых в ватники, однообразных, суеющих, толкающих друг друга и что-то кричащих за окнами вагона.** Тут же на перроне переносные лотки со всякой снедью, дымящейся на морозе. **Стоят продавцы в широких толстых войлочных туфлях с горбинкой спереди и толстой теплой прокладкой, чтобы не мерзли пальцы. Все очень бедно одеты** (с. 50).* Здесь, как и в других используемых автором типах гипотипозиса, присутствует преимущественно лексика зрительного восприятия, фиксирующая в данном случае форму (*одетых в ватники*), объем (*широких войлочных туфлях с горбинкой*), положение в пространстве (*с горбинкой спереди, густая толпа, кричащих за окнами* и др.). Преобладание лексики, передающей зрительное восприятие, объясняется тем, что это восприятие комплексно и является «основным источником образов» [Арутюнова, 1999, с. 315]. Лексика, отражающая слуховое восприятие, встречается в описании городов (Шанхай с его шумным движением), транспорта (например, *громыхавшие коваными колесами, гудки издавали резиновые груши*).

Автор мемуарных записок показывает низкий социальный статус китайцев по сравнению с иностранцами, живущими в Китае: в кинотеатре есть специальные места для китайцев, причем эти места хуже, чем те, которые предоставляются иностранцам: *В зале были мостки позади, повыше мест в партере, обычно занимаемые китайскими зрителями <...>. Европейские зрители получали места на мостках – широком помосте сзади...* (с. 58). Он пишет: *От пребывания в Чжэньцзяне на фоне спора с американским мальчиком о*

положении негров и отделения для китайцев специальных мест в кинотеатре у меня осталось в душе неприятное ощущение – я открыл для себя существование неравенства людей, какого-то превосходства одних над другими (с. 58). Так автор дает негативную оценку происходящему, в том числе с помощью эпитета *неприятное*.

Несмотря на тяжелый труд, китайцы, по мнению Б. С. Колоколова, здоровы как физически, так и духовно, готовы учиться. Такой образ народа создается с помощью эпитетов – прилагательных, наречий и существительных: *Китайские носильщики бодро* шагали в гору, *изредка* останавливаясь для отдыха (с. 57); *Здоровые* китаянки заносили на чердак по черной лестнице два ведра воды и наполняли там большой чан (с. 80); ...ее [маму] на плечах внес в вагон *здоровяк* китайский носильщик (с. 43). В следующих высказываниях фразеологизм *душа компании*, эпитет-наречие *старательно* и слово *борец* создают позитивный образ китайцев, которые стремятся к прогрессу и осмеливаются бороться с империализмом: *Китаец-студент великоленно говорил по-русски*, в обращении был прост, а когда надевал форменный сюртук с блестящими регалиями, был *душой компании* (с. 71); *Раз* меня заметил один молодой китаец, возможно студент, и стал разговаривать со мной по-английски, не очень правильно строя фразы. Делал это, видимо, для практики, *старательно* изучая язык (с. 80); *толпы китайцев-борцов* против империализма итурмовали островок в Кантоне <...> *Трудно* было представить, что китайские студенты <...> способны были на враждебные действия (с. 87).

2. Тактика описания городов и провинций

Пристальное внимание в записках Б. С. Колоколова уделяется описанию городов и провинций, большинство из которых расположено в восточной части Китая: *Далянь* (или по-русски *Дальний*; или по-японски *Дайрен*), *Харбин*, *Мукден*, *Цицикар*, *Чаньчунь*, *Сунфэньхэ*, *Аньдун*, *Маньчжурия* относятся к северо-восточной части Китая; *Шаньдун*, *Шанхай*, *Кантон*, *Вэйхайвэй*, *Янтай (Чифу)*, *Тяньцзин*, *Нанкин*, *Чжэньцзян*, *Фучжоу*, *Учжоу*, *Гонконг*, *Макао* – к восточному прибрежному региону Китая.

Образ городов (назовем тактику астионимическим гипотипозисом), которые произвели на Б. С. Колоколова сильное впечатление, создается тропеически: *К Гонконгу мы приближались ночью, и какое же это было феерическое зрелище! Гора, усеянная огоньками, как рождественская елка огнями!* (с. 81) – эпитет (*феерическое зрелище*), метафорическое сравнение (второе предложение) передают восхищение городом, создавая его праздничный образ; *Мне было жаль уезжать из Шанхая. За короткое время я как-то полюбил этот город, этот колоссальный муравейник с его небывалым шумным движением. В ходу были звуковые сигналы, свистки полицейских – регулировщиков движения* (с. 75) – зооморфная метафора (*колоссальный муравейник*) и гипербола (*небывалым... движением*) способствуют созданию образа большого, многолюдного, шумного города, который, по словам автора, «ошеломил» его. Другими словами, эти описания городов отражают внутренний мир героя и поэтому сочетаются с донизисами (описания чувств).

В описании Харбина часто используется прилагательное *русский*. В связи со строительством Китайско-восточной железной дороги и революционным движением в России, в начале XX века в Харбин прибыло большое количество русских эмигрантов, они составляли основное население этого города. Поэтому Харбин в сознании автора мемуарных записок является русским городом, находящимся на территории Китая. Харбин – *город, построенный русскими на месте двух или трех скромных китайских деревушек, приткнувшихся к берегам реки Сунгари* (с. 16); в Харбине *всюду русские лица, везде русские названия улиц, есть русская школа, русская гимназия, русские магазины, база русской медицинской службы и русский говор*. В Харбине, как пишет Б. С. Колоколов, *держался русский дух, были женский монастырь и бесчисленное количество церквей*, которые символизируют религиозные верования русских. Такая комбинированная русско-китайская культура (русский город, находящийся на территории Китая) поддерживает чувство сопричастности к русским, живущим в Китае.

Большинство астионимических гипотипозисов включает краткую характеристику географического места, на котором построен город, например: *Мы даже ходили с мамой провожать их на речной пароход с причала в Фудзядяне, китайском городе, части Харбина, расположенной на берегу реки...* (с. 72); *Вот и прибыл наш «Чусан» в Аньдун. Ни берега, ни причала. Остановились на внешнем рейде. Город не из важных, на самой границе Китая с Кореей...* (с. 60); *Сам город [Учжоу] нависал темной массой над рекой где-то вдали. Он был расположен на карте по линии прохождения северного тропика, в жаркой полосе, без морозов зимой, и это нашло отклик в градостроительстве. Не было тесных кварталов одноэтажного жилья, а высились трех- и четырехэтажные дома, прижатые друг к другу, с узкими коридорами-улицами между ними* (с. 78). Из тропов – лишь метаморфоза (*темной массой навис*) и эпитет (*коридорами-улицами*).

Используя астионимический гипотипозис, Б. С. Колоколов тщательно характеризует улицы, магистрали и застройку города – различного рода здания: магазины, гостиницы, вокзалы и порты, школы и училища, банки, храмы и т. д. В описаниях употребляются топонимические наименования на иностранном языке, которые зрительной наглядности не придают, но способствуют документальной точности в изображении внутреннего пространства города, ярко отражают социокультурные характеристики Китая начала XX века, например: *Шанхай гудел и шумел. Это был огромный город. Я был уже достаточно большой, чтобы постепенно с ним знакомиться. Освоил маршрут трамвая № 1, конечная остановка которого была недалеко от нас возле **Honckew Park'a**, там он делал петлю и снова шел к центру по **Hart Road** (на пиджсин-инглиш – **Хата-лу**). Дальше **Bubblin Well** со своим ипподромом. И, наконец, самая важная торговая магистраль – **Nankin Road** с ее знаменитыми универсальными магазинами «**Синсир Уинг-он**» и «**Вайтевай-Лейдлоу**». В городе уже было большое русское население, в основном перекочевавшие сюда беженцы из России* (с. 75). Обратим внимание также на то, что описание города дается не отстраненно, а через восприятие автора, который эксплицитно выражает свое я

рассказчика (*Я был достаточно большой, чтобы постепенно с ним знакомиться* (с. 75)). Такого рода объективированные описания, функция которых «документальное, точное воспроизведения обстановки, такой, как увидел ее автор» [Солганик, 1997, с. 140], придают тексту публицистичность.

Встречается целый ряд описаний домов, в которых жили иностранцы, с использованием оценочных эпитетов, например: *У него [директора электростанции в Мукдене – американца по фамилии Поплер] был роскошный, великолепно обставленный дом в районе Сяохэянь, где находилась и электростанция, снабжавшая электроэнергией город. Во дворе был даже бассейн для плавания, и, как рисовало мне мое воображение, должна была быть и лодка* (с. 35); *В некотором отдалении находился белоснежный дом для работников американской фирмы «Standart Oil», имевшей и здесь свой филиал* (с. 78). Эти гипотипозисы составляют контраст с описанием примитивности быта семьи автора записок в Мукдене, которое дается в начале воспоминаний с помощью конструкций с отрицанием: *В этом большом двухэтажном доме, построенном китайцами и сдававшимся в аренду под жилье российскому представительству, не было современных удобств, и даже когда к нему была сделана под руководством отца пристройка, то и тогда, в более поздние годы, не было в нем ни водопровода, ни канализации* (с. 18).

Представлено описание зданий бельгийского, английского, французского консульств, контор и заведений. Логически оценочные комментарии автора позволяют составить представление об уровне жизни иностранцев в Китае, например: *Иностранный квартал состоял лишь из нескольких улочек, прибранных и ухоженных, с деревьями вдоль тротуаров и очень небольшим движением. Тут были и рикши, хотя и расстояния совсем небольшие, и несколько автомашин у обочины перед иностранными конторами* (с. 54). Изобразительности текста способствует подбор ярких деталей (деревья вдоль тротуаров; наличие рикш, несмотря на маленькое расстояние, и автомашин).

Б. С. Колоколов создает не только внешний, но и внутренний пространственный образ дома. Вот, например, как он описывает дом в Харбине:

Дом с отведенной нам квартирой на втором этаже был по Железнодорожному проспекту, почти напротив здания Управления дороги с большими венецианскими окнами, в два этажа, на углу другой, поперечной улицы. Открывая с улицы входную дверь, надо было подняться по лестнице на второй этаж. Наверху была небольшая прихожая, столовая и жилые комнаты, на задах кухня и ванная с туалетом (с. 62). Как и во многих других контекстах объективированного описания, используется так называемая общая образность: в приведенном описании благодаря лексике с предметным значением и пространственным, реализующим прием монтажа, адресат видит высоту дома и его расположение сначала с внешней стороны, затем изнутри – взгляд скользит вверх по лестнице на второй этаж, где читатель может оценить пространственное расположение комнат. Преобладание определений, передающих зрительное восприятие (*с большими венецианскими окнами, поперечной улицы, входную дверь, небольшая прихожая и т. д.*), способствует документальности, точности изображения.

3. Тактика описания средств передвижения

Большое внимание Б. С. Колоколов уделяет описанию средств передвижения. Этот нетерминированный вид гипотипозиса, который назовем порейонимическим (от *порейонимы* – существительные, служащие наименованием транспорта), используется, например, в описании города Мукдена, сопровождаясь оценочными комментариями автора. Приведем это описание с некоторым сокращением: *В том старом Мукдене, в котором мы жили, основным транспортом были **рикши**, их было великое множество. Рикша – это коляска на одного пассажира с возницей, впрягшимся впереди в оглобли. За весьма умеренную плату он вез бегом седока по заявленному маршруту. <...> Кроме рикши на резиновом, мягком ходу, были «**фудутунки**», запряженные в одну лошадь, с крытым верхом и стенами с трех сторон, и со входом, прикрытым пологом, громыхавшие коваными колесами по обычной каменной мостовой по улицам города и мягкой, пыльной проселочной дороге за его пределами. На подобных **двухколесных арбах** с большим днищем для перевозки грузов осуществлялся гужевой транспорт на лошадях и выносливых мулах. <...> Более престижными*

были **кареты** с откидными ступеньками и открывающимися и закрывающимися дверями. На сидениях внутри могли разместиться двое пассажиров, и два на откидных перед ними. По бокам были фонари, и высоко на козлах восседал кучер, также безжалостно погонявший лошадей.

И совсем экзотическим видом транспорта были **паланкины**, переносившиеся на плечах, – их несли четверо, два спереди и двое позади с запасной палкой-опорой, на которую клались брусья паланкина, когда носильщики переносили груз с одного плеча на другое, предупреждая товарищей спереди или сзади о проводимой операции. <...> По улицам города сновали **велосипеды**, этот вид транспорта становился все более популярным, и в более позднее время появился **гибрид его с рикшей** – позади к раме велосипеда крепилась повозка для пассажира.

Автомобили в Мукдене появились довольно поздно, лишь к началу 20-х годов. Их было немного, были у них и номера, и мне доставляло удовольствие поглядеть на них, когда раздавались гудки проезжавших мимо дома машин. Гудки издавали резиновые груши. Марки машин были различные, и окрашены они были в разные цвета, и я быстро научился различать их по гудкам, запоминая их порядковые номера, не превышавшие цифру 10. Таково, наверное, и было все количество машин, курсировавших по городу от железнодорожной станции до центра китайского города. <...>

В довершение рассказа о городском транспорте надо упомянуть о **конке** на конной тяге, по преданию привезенной из Сан-Франциско, где такой вид транспорта существовал на рубеже веков. Маршрут был один – от станции Мукден-пассажирская ЮМЖД до центра Китайского города... (с. 34–36). В тексте используются различные порейонимы: *рикша*, *фудутунка*, *арб*, *карета*, *паланкин*, *велосипед*, *автомобиль*, *конка*. Перечисляются составные части каждого транспортного средства – это прием построения так называемого предметного описания [Коньков, Неупокоева, 2011, с. 34].

Порейонимический гипотипозис помогает отразить специфику городов Китая: [о Харбине] *Были и двухколесные «драндулеты» на два сидения – одно*

для возницы, другое для седока. Автомобилей в городе было мало, **такси – маршрутные**: Пристань – Модягоу с остановкой в Новом городе возле магазина Чурина. Все это замечалось и постепенно запоминалось. Появились, и как говорили, незадолго до нашего приезда, **автобусы «Магирусы»** на твердом ходу, посадки в которые производились сзади по маленькой приступочке из двух или трех ступенек. Они отчаянно грохотали по булыжной мостовой (с. 64); Островная часть Гонконга была по существу самим городом, а Каулун – только пригород. Сообщение между ними поддерживалось **паромом** или **морским трамваем**. Два-три таких парома курсировали между островом и материком, и называлось это «**Star Ferry**». На двух палубах размещались сидячие места, и все удовольствие обходилось в 10 центов – мелкой английской монеты с изображением королевы Виктории, – с интервалом между отправлениями в 15 минут (с. 82).

Подробно описан не только наземный, но и водный транспорт, например: Были и менее крупные китайские пароходства, а между близлежащими маленькими городками вдоль реки перевозки грузов и пассажиров осуществлялись небольшими **катерами**. Вместо парусных **китайских джонок** на реке пользовались **баржами**, буксируемыми катерами. Непостоянство ветров и изогнутая траектория реки не располагали к использованию парусов (с. 54). Неоднократно в воспоминаниях Б. С. Колоколов описывает пароходы и суда, приводя названия и подчеркивая их принадлежность, например: *Пароход был каботажного плавания, «Chusan» под английским флагом и принадлежал пароходству «Butterfield & Squire».* Плавание должно было завершиться в порту Аньдун в устье реки Ялу, разделявшей Китай и Корею. На пароходе было только несколько кают для случайных пассажиров, основное назначение его было для перевозки грузов. <...> *Что меня особенно порадовало и воодушевило, так это русский пароход, стоявший на якоре недалеко от нашего «Chusan» во время краткой стоянки. Развеваящийся на корме российский триколор вызвал во мне взрыв патриотических чувств. Я прочел и название парохода – «Индигирка», и порт приписки – Владивосток (с. 59).*

Автор демонстрирует многообразие водного транспорта: читатель узнает о старом колесном пароходе «Иванов», плавающем по реке Сунгари; пароходе Dardanus линии Blue Funnel; японском пароходе Katori Maru общества Nippon Yusen; американской канонерке Pampranga; судне под китайским флагом, похожем на мореходную яхту, и других. Даются названия иностранных компаний: «Батерфилд энд Сквайр» (Butterfield & Squire), владевшая судами и для каботажного плавания; английская кампания «Жордан энд Матесон» (Jardin & Matheson); японская «Ницин»; китайская компания China Merchants. Называются признаки, по которым можно определить принадлежность транспорта, например: *Проход между островом и этим берегом был не судоходен для крупных судов и им приходилось делать большой крюк, обходя остров с другой его стороны. К таким судам относились морские пароходы, поднимавшиеся по глубоководной Чанцзян [Янцзы] до самого Ханькоу. Среди них – большие сухогрузы линии «Blue Funnel», имевшие окрашенные в голубой цвет дымовые трубы. Имена их черпались из древней греческой мифологии* (с. 54).

Описания водного транспорта, включающие указания на их принадлежность, выполняют аргументативную функцию в комментариях автора, в которых выдвигается тезис о навязывании Китаю невыгодных для него договоров, например: *...по навязанным Китаю после неудачных войн несправедливым договорам плавание по внутренним водам было предоставлено всем судоходным компаниям, которые, конечно, располагали более солидным тоннажем и участвовали беспрепятственно во внутренних перевозках, оттесняя тем самым и отечественную китайскую «China Merchants» (Китайское торговое мореходство)* (с. 54).

Таким образом, в мемуарных записках с помощью астионимического гипотипозиса и реализующих его средств (метафор, лексических повторов, эмотивов) Б. С. Колоколов создает образ Китая, восточные регионы которого в начале XX века отличаются быстрым темпом жизни, процветанием городов, интеграцией иностранной (в частности, русской) и китайской культур. Эта интеграция передана также с помощью тактики описания транспорта

(с использованием разнообразных порейонимов, приема предметного описания), в том числе водного, принадлежащего американским, английским, японским компаниям. В то же время с помощью тактики описания человека, для которой характерно использование лексики зрительного восприятия, наименований профессий, эпитетов и других средств, автор создает образ китайцев – преимущественно бедных людей, занимающихся физической работой, имеющих низкий статус по сравнению с иностранцами, но трудолюбивых, здоровых как физически, так и духовно.

2.5. Тактики комментирования и их роль в создании образа Китая

Стратегию комментирования реализуют две коммуникативно-речевые тактики: тактика историко-фактологического и тактика лингвистического комментирования.

1. Тактика историко-фактологического комментирования

Тактика историко-фактологического комментирования реализуется с использованием характерных для публицистических текстов метонимических оборотов, в которых Китай предстает как субъект активной внешней политики, например: *Шел уже 1922 год; это был год Вашингтонской конференции, где **Китай** как участник Первой мировой войны уже **потребовал** уравнивания себя в правах с другими победившими державами. Если устранения экстерриториальности для всех **Китаю** таки **достичь и не удалось**, то для побежденных она стала возможной. Более того, **Китай** добился возвращения себе Циндао <...>. Даже Италия не хотела остаться в стороне и тоже выдвинула какое-то требование, но **Китай**, учитывая относительно высокое значение европейских держав, сумел ее **притязания вежливо отвергнуть*** (с. 44) – эпитет *вежливо*, включенный в предикативную конструкцию *сумел отвергнуть*, выражает мнение автора, создавая положительный образ Китая как государства.

Китай также предстает как субъект пассивной внешней политики. Описывая последствия войн, автор мемуаров выражает негативное отношение к действиям

противоборствующей стороны, из-за которых Китай попал в экономически невыгодное положение, о чем свидетельствует негативно-оценочная лексика: *навязанным Китаю несправедливым договорам: По навязанным Китаю после неудачных войн несправедливым договорам* плавание по внутренним водам было предоставлено всем судоходным компаниям, которые, конечно, располагали более солидным тоннажем и участвовали беспрепятственно во внутренних перевозках, оттесняя тем самым и отечественную китайскую «China Merchants» (с. 54);

Используя стратегию историко-фактологического комментирования, Б. С. Колоколов обсуждает также политическую обстановку в Китае: *В северных провинциях Китая грызлись между собой милитаристы, содержавшие свои вооруженные силы* (с. 90) – в сознании автора китайские милитаристы ассоциируются с животными (используется метафорическая модель «Милитаристы – это звери»), которые борются за разделение территории; языковая метафора *грызлись*, содержащая негативную коннотацию (перен. значение «грубо и злобно ссориться» [Ожегов, Шведова, 1999, с. 148]), передает отсутствие единства у китайской власти в начале XX века, ее неспособность влиять на политическую ситуацию в стране.

В мемуарном тексте встречаются также антропонимы («любое собственное имя, которое может иметь человек (или группа людей), в том числе личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним, криптоним, кличка» [Подольская, 1978, с. 30–31]), являющиеся именами и фамилиями китайских политиков. Непокойная политическая, социальная обстановка в Китае начала XX века характеризуется с использованием имен китайских политиков: *Чжан Цзолин, Юань Шикай, Пу И, Сунь Ятсен*. Имена этих четырех человек представляют четыре разные политические силы в Китае.

1. *Власть набирали генералы, еще не забылась попытка Юань Шикая восстановить монархию и старавшегося обособиться от центральной власти в Пекине* (с. 51). Человек, знакомый с историей Китая, знает, что Юань Шикай был известен восстановлением старого порядка феодальной династии.

2. Из состава этих «хунхузных» шайек со временем выделился один из главарей, ставший жестким вершителем судеб этой окраины Китая, **Чжан Цзолин**, сделавший впоследствии головокружительный рывок к власти уже в Пекине (с. 18). Чжан Цзолин сначала был бандитом, а позже представителем милитаристов. Слово *жесткий* используется в переносном значении «грубый, суровый, резкий» [Ушаков, 2017, с. 181], оно характеризует действия милитариста Чжана Цзолина в Маньчжурии. Негативно-оценочные метафоры «хунхузные» шайки, жестокие вершители судеб, головокружительный рывок к власти также показывают беспокойную политическую обстановку в Китае.

3. Впоследствии, после захвата японцами Маньчжурии в 1931 году, **Пу И** был захвачен японцами, вывезен из Тяньцзина и провозглашен правителем, а потом и императором созданной японцами империи Маньчжоу-диго (с. 90); В пору японской оккупации всей Маньчжурии и создания **марионеточного государства Маньчжоу-го...** (с. 90). Пу И был последним императором Китая, действия которого контролировала Япония, создавая псевдоправительство в Маньчжурии. Эпитет *марионеточного*, имеющий негативную коннотацию (перен. значение «лишенный подлинной самостоятельности, действующий по воле других, в ущерб интересам своего народа» [Ожегов, 2004, с. 433]), также подчеркивает рассредоточенность власти в северо-восточной части Китая.

4. На юге, в противовес **малоэффективному** центральному правительству в Пекине, образовалось свое правительство из состава руководителей Гоминдана, «народной партии», организованной еще **Сунь Ятсеном** в годы борьбы с бывшей в начале века династией Цинов, правившей китайской империей (с. 90). Сунь Ятсен предпринял попытку установления демократии, но она оказалась неудачной.

Различные вооруженные политические силы привели Китай к состоянию хаоса, в котором работа правительства оказалась неэффективной. Эту идею передает эпитет в предикативной конструкции, имеющей характер тезиса: *В Китае было тогда беспокойно* (с. 51). Таким образом, рассматриваемый

фактологический композит является каркасом аргументативной структуры мемуарного текста.

В описании обстановки в Китае используются наименования политических движений: *Апогеем антииностранного движения явилась генеральная стачка, прошедшая в Гонконге. Китайские служащие правительственных учреждений, банков и общественных организаций вышли на демонстрации. Не работала почта, не доставлялись телеграммы* (с. 87); *...несмотря на повторявшиеся все время сообщения о нарастании антиимпериалистического движения в Китае. Пока был жив Сунь Ятсен, все сохранялось в рамках законности, но теперь выплескивалось через край* (с. 90). Атрибутивные сочетания *антииностранное движение* и *антиимпериалистические движения* развертывают образ Китая в сторону его внутренней и внешней политики, которая оценивается негативно с помощью метафоры *выплескивалось через край*. Эта метафора способствует созданию образа Китая как некоей емкости, в которой проявления антиимпериалистических настроений выходят за пределы (слово *выплескиваться* используется в переносном значении «бурно проявляться, выражаться (о чувствах, переживаниях и т. п.)» [Ефремова, 1996, с. 163]).

Таким образом, с помощью стратегии историко-фактологического комментирования характеризуется образ Китая начала XX века, который предстает как политически разрозненное и неблагополучное государство, раздираемое междоусобными войнами и характеризующееся отсутствием единства у представителей власти; государство, подобное сосуду, в котором антииностранное и антиимпериалистические настроения, выплескиваясь через край, привели страну к внутреннему конфликту, участники которого предстают в образе хищных зверей, раздирающих территорию страны и зализывающих свои раны. Фактологические композиты играют значимую роль в логико-аргументативной структуре текста: они тематически объединяют приводимые факты в пользу тезиса о беспокойной политической обстановке в Китае и неуспешности его руководства во внутренней и внешней политике.

Многочисленные негативно-оценочные эпитеты и метафоры служат актуализаторами образа Китая.

2. Тактика лингвистического комментирования

Тактика лингвистического комментирования направлена на создание языкового облика народа с характерными для него многообразными наречиями (говорами), на описание языковой ситуации: *Только китайская речь звучала здесь иначе, сплошное трудно различимое цоканье с иногда перепавшими словами, напоминавшими тот китайский, к которому привыкло на севере наше ухо. В Манчжурии говорили на почти неискаженном пекинском наречии, так называемом «гуанхуа», на котором были составлены те китайские азбуки с громадными иероглифами, которые дарил мне когда-то отец и покупал для меня по его просьбе китаец-сяньшэн, каждое утро приходивший к нам (с. 78); В Чжэньцзяне у меня не было возможности общаться с китайцами, даже с теми, которые нам прислуживали, так как они говорили на другом наречии и меня не понимали, поэтому общение происходило на ломаном английском, получившим название «Pidgin English». Приведу для примера некоторые сохранившиеся в памяти слова этого языка, создавшегося на смешении английских, а часто и французских слов, с характерными для последних окончаниями и построениями. Например, «сави-но-сави» (фр.) – «знаешь или нет», «било-чило-мальчан» – «было», «булчило» – искаженное английское «чайлд», «топи-топи» – «поговорить» (англ.) и т. д. На таком языке общались на бытовом уровне с китайским населением не только в Шанхае, но и в других портовых городах Китая (с. 58). Композиты, реализующие названную стратегию, выполнены с использованием информационно-описательного регистра: оценочные конструкции *трудно различимое цоканье, почти неискаженном пекинском наречии* отражают ментальное восприятие речи китайцев.*

Лингвистические комментарии различны по содержанию. Так, автор пишет о происхождении названий городов, сел, рек и т. д., давая лингвокультурологический комментарий. Например: *Вспоминался и район города Сяохэянь, где жилые кварталы одноэтажных китайских построек подходили*

вплотную к берегу реки Хуанхэ. Была она небольшая, мелководная, потому и называли ее китайцы Сяохэнь, т. е. «берег речки». Я заметил, что китайцы, живя на берегу реки, опускают в разговорной речи ее название. Так, на берегах самой крупной реки Янцзыцзян я слышал обычно короткое «чандян», то есть «длинная река» (с. 45). Автор пишет также о происхождении названий других городов: Далян (по-русски Дальний, по-японски Дайрен) и Чифу (коренное китайское название Янтай) и Мукден (по-китайски Фынтян).

Переводческий комментарий помогает автору отразить восприятие его китайским народом: *Одни [китайские мальчишки] млели перед мальчишкой из чужой страны, представителем незнакомого народа, который их старшие братья и отцы называли «большеносыми» – «да бинза», другие, наоборот, склонялись поиздеваться, если были постарше и посильнее, обзывая «янгуйцзы», что в переводе должно было обозначать «заморский чертенок» (с. 47). Слово мальчишка является разговорным и имеет уничижительный оттенок, однако в контексте противопоставления и в сочетании с глаголом млели передает снисходительное отношение к чужестранцу. Если прозвища да бинза (номинирующее русских как большеносых в восприятии китайцев) и дахудза (номинирующее русского как человека, имеющего бороду) просто выражают ироническое отношение китайцев к русским, то янгуйцзы (черт или дьявол из-за рубежа) выражает их страх перед иностранцами, резко негативное, грубое отношение к ним. Используются также контекстуальные антонимы млели – склонялись поиздеваться. Таким образом, автор мемуаров пишет о двойственном к нему отношении китайцев: для одних он просто «мальчишка из чужой страны», «представитель незнакомого народа», для других «заморский чертенок» (прозвище-метафора).*

Для Б. С. Колоколова китайский язык представляется языком сложным: он подмечает, что, кроме гуанхуа (китайский литературный язык), формирующегося на основе пекинского наречия и известного почти всем китайцам, существовали наречия, которые сильно различались на севере и юге Китая.

Таким образом, с помощью тактики историко-фактологического комментирования с использованием многочисленных имен политических деятелей, представляющих разные политические силы в Китае, наименований политических движений, а также метафор, характеризующих политику в стране, и негативно-оценочной лексики создается образ страны с нестабильной политической обстановкой. Тактика лингвистического комментирования позволяет автору описать языковую ситуацию в стране (для этого используются наименования наречий и дается их характеристика в восприятии автора), объяснить происхождение названий топонимических объектов и охарактеризовать его противоречивое восприятие китайским народом, связанное с употреблением оценочных наименований его как иностранца. Для стратегии комментирования в целом характерно выражение мнения и активное использование средств выражения авторского «я».

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Образ Китая в мемуарных записках Б. С. Колоколова представляет собой сложную структуру, которая реализуется с помощью композиционно-речевых стратегий и тактик развертывания мемуарного текста и свойственных им языковых средств и стилистических приемов.

Глобальная коммуникативно-речевая стратегия связана с эксплицитно выраженной коммуникативной интенцией автора текста (сохранить для потомков на бумаге информацию о жизни своей семьи в Китае и судьбе близких людей) и терминологически определяется нами как мемориально-информационная. Глобальная стратегия в тексте мемуарных записок реализуется с помощью четырех коммуникативно-речевых субстратегий, выделенных с учетом функциональной специфики композитов текста, направленных на решение коммуникативных задач: номинативной, нарративной, дескриптивной и стратегии комментирования.

Номинативная стратегия в мемуарных записках Б. С. Колоколова реализуется с помощью тактик наименования образа «Китай» и предметов, с ним связанных. По частотности появления в мемуарных записках лексема *Kитай* (54 раза) и *китайский* (105 раз) входят в ядерную часть номинативного поля образа Китая, в то время как другие синонимические с лексемой *Kитай* единицы (*Поднебесная, Китайская империя, гостеприимная земля*) составляют ближнюю периферию поля ввиду их единичности употребления. Однако и ключевой номинат, и его синонимы играют значимую роль в моделировании ассоциативно-смыслового поля образа-концепта Китая, поскольку они раскрывают как основной, так и дополнительный, ассоциативный, историко-культурный смыслы образа «Китай».

В мемуарных записках Б. С. Колоколова создается образ восточного Китая начала XX века, о чем свидетельствует нарративная стратегия, развертывающаяся в тексте с помощью тактик констатирующего (в основе – цепочка топонимических наименований и лексика с семантикой передвижения) и оценочного нарративов (в основе – оценочные эпитеты с семантикой «родной» и контекстуальная антитеза).

В повествование о «скитаниях» автора вставляются описания наблюдаемых объектов, явлений, реализующие дескриптивную коммуникативно-речевую стратегию, которая разворачивается с помощью приема гипотипозиса, основанного преимущественно на так называемой общей образности: описание дается через восприятие автора, главным образом зрительное, с редким использованием тропов. Анализ используемых автором типов гипотипозиса позволяет заключить, что образ Китая практически лишен яркой пейзажной составляющей, автор больше уделяет внимания описанию городов, провинций, внутригородского пространства, включая транспорт и другие средства передвижения, поскольку именно они позволяют показать влияние иностранных держав на жизнь в Китае, охарактеризовать экономику и политику этой страны, выразить свое отношение к происходящему в ней. В целом внимание Б. С. Колоколова сосредоточено на восточных регионах этой страны начала XX века,

для которых свойственны процветание и интеграция иностранной и китайской культур и экономик, несовершенство дорожных условий. Образ китайцев или китайского народа формируется с помощью наименований их низкооплачиваемых профессий и детальных описаний внешности, в которых широко представлена лексика зрительного восприятия. Китайский народ предстает в образе бедных людей, имеющих низкооплачиваемую физическую работу, низкий статус по сравнению с иностранцами, но являющихся трудолюбивыми, здоровыми как физически, так и духовно.

Для мемуарных записок Б. С. Колоколова характерна также стратегия историко-фактологического и лингвистического комментирования, способствующая документальности повествования. Однако присутствуют и контексты субъективированного (метафорического и метонимического) описания Китая. Выявляется негативное отношение Б. С. Колоколова к внутренней и внешней политике Китая, выраженное с помощью негативно-оценочных эпитетов и метафор. Анализ тропеических структур позволяет сделать вывод, что в мемуарных записках Китай начала XX века – это политически разрозненное и неблагополучное государство, предстающее в образе емкости, в которой действия представителей власти, сторонников антиимпериалистического движения подобны воде, выплескивающейся через край, что позволяет, в свою очередь, создать образ беспокойной общественно-политической обстановки в стране.

Сопричастность автора мемуаров к Китаю и китайскому народу, выраженная в его стремлении как можно подробнее описать эту страну и людей, рассказать о его языке и жизни, способствует тому, что образ Китая приобретает ценностный смысл, становясь сложноорганизованным концептом.

ГЛАВА 3. КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ, ТАКТИКИ И ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА КИТАЯ В МЕМУАРАХ С. А. ДАЛИНА

3.1. Имиджево-мемориальная стратегия и ее субстратегии в мемуарах С. А. Далина

Определим ведущую коммуникативно-речевую стратегию в «Китайских мемуарах 1921–1927» С. А. Далина, являющегося представителем Коммунистической партии Советского Союза.

С. А. Далин три раза работал в Китае – в 1922, 1924, 1926–1927 годах. Если Б. С. Колоколов пробыл в Китае 45 лет, то С. А. Далин – всего 4 года, что не может не отразиться на создаваемом образе: если для Б. С. Колоколова Китай – это по сути «родное гнездо», то для С. А. Далина концепт родного дома в характеристике этой страны, дома в ней не характерен; если в мемуарных записках Б. С. Колоколова уделяется внимание рассказам о детстве в Китае (от рождения до 14 лет), то в мемуарах С. А. Далина образ детского восприятия этой страны отсутствует в силу биографии автора, образ Китая воссоздается им как представителем Коминтерна, то есть революционера, что является отражением культурной памяти, для которой «важна не фактическая, а воссозданная в воспоминании история, и только она» [Ассман Я., 2004, с. 55]. Именно поэтому автор обращается к историческим документам и другим «местам памяти» (термин П. Нора [Проблематика мест памяти, 1999, с. 17]). Этот факт должен учитываться при определении глобальной коммуникативно-речевой стратегии его мемуаров.

Личная биография автора влияет на выбор коммуникативно-прагматической цели (сверхзадачи) мемуаров, с которой соотносится **глобальная коммуникативно-речевая стратегия текста**: *Я пишу лишь о том, что видел, слышал, о чем тогда думал* (с. 12)*. На характер цели указывают используемые

* Здесь и далее речевые иллюстрации приводятся по изданию: Далин С. А. Китайские мемуары. 1921–1927. М. : Наука, 1982. 382 с.

глаголы восприятия *видеть*, *слышать* (указание на фактологичность, документальность) и глагол состояния *думать* (указание на субъективность повествования, презентацию себя, своих мыслей аудитории). Автор неоднократно напоминает, что его текст представляет собой мемуары, а не исторический документ, повествующий об истории революции в Китае: *Прошу читателя также учесть, что это мемуары, а не история революционного движения в Китае*. Тем самым он подчеркивает свое жанровое право на субъективность авторских размышлений и оценок. В связи с этим глобальная стратегия определяется нами как **имиджево-мемориальная**, связанная с намерением автора не только рассказать о том, что он пережил в связи с событиями в Китае, но и представить свои рассуждения, мысли об увиденном и услышанном. Это намерение объясняет достаточно высокую частотность в тексте слов *революция*, *партия*, *армия*, *рабочий* (см. таблицу 2 в приложении), визуально представленную с помощью облака слов (см. приложение).

С учетом типологических характеристик мемуаров и названной коммуникативно-прагматической цели С. А. Далина нами выделяются следующие четыре внутрижанровые коммуникативно-речевые стратегии, способствующие созданию образа Китая, или субстратегии (см. рис 2):

- номинативная стратегия;
- нарративная стратегия, связанная с повествованием о трехкратном пребывании в Китае;
- дескриптивная стратегия, направленная на описание увиденного и услышанного в Китае;
- стратегия рассуждения, связанная с разъяснением и обсуждением событий, произошедших в Китае в начале XX века.

Нарративная стратегия реализуется уже в предисловии к мемуарам С. А. Далина, в котором называется цель пребывания в Китае и обозначается частный топонимический маршрут командировок автора: *Мне повезло <...> трижды работать в Китае: в 1922 г., в 1924 г. и в 1926–1927 гг. Я встречался с основателями Коммунистической партии Китая, Социалистического союза*

молодежи, *участвовал* в работе I съезда этого союза, *присутствовал* на I съезде рабочих союзов, вел переговоры с Сунь Ятсеном, *беседовал* с руководящими деятелями гоминьдана, с членами кантонского правительства и его русскими советниками, вместе с ними *совершил переход* из Кантона (Гуанчжоу) в Наньчан, а затем *переезд* в Учан, был свидетелем многих событий, вошедших в историю революционного движения в Китае (с. 10). Используя форму прошедшего времени глаголов действия (*работать, встречаться, участвовать, присутствовать, беседовать*) и глагольных словосочетаний со значением движения (*совершить перевод, совершить переезд*), реализующих информативно-повествовательный регистр, автор рассказывает читателям о том, что он делал в Китае, то есть используется автобиографический констатирующий нарратив. Кроме того, в нарративной части текста также присутствует оценочная предикативная конструкция *мне повезло*, отражающая отношение автора к событиям. Как видим, нарративная стратегия реализуется двумя тактиками: тактикой констатирующего нарратива и тактикой оценочного нарратива.

Дескриптивная стратегия в мемуарах С. А. Далина реализуется с помощью четырех тактик: описания человека (просопография и характеризм), описания городов и деревень, описания политических массовых движений и описания традиций и обычаев (хорография).

Стратегия рассуждения реализует намерение автора написать о том, что он думает о Китае, его истории и политике. Мемориальность признается исследователями жанрообразующим признаком мемуаров, и этот признак в мемуарах С. А. Далина выражен эксплицитно – с помощью лексем с семантикой «воспроизведение в памяти, воспоминание» (*запомниться, вспомнить, память* и др.), однако нельзя не обратить внимание на реализацию в предложениях с этими словами самопрезентации автора, которая выражается в использовании местоимения «я» в его разных словоформах, определенно-личных предложений: *Среди многих работников корейской секции запомнились Хан Мен Шин, И. Серебряков (Ким Ман Гем) и Тё Хун* (с. 46); *Я вспомнил* здесь об этом потому, что изобилие продовольствия и товаров в Харбине, затем в Пекине, Шанхае и

*Кантоне бросалось в глаза после голодной Москвы и других наших городов (с. 72); Помню, как кровью налилось его лицо и, потрясая кулаками, Сунь Ятсен сказал мне... (с. 133); Если **память** мне не изменяет, это было 26 апреля 1922 г (с. 104); Тогда в моей **памяти** всплыли многочисленные сцены, которые приходилось наблюдать в Тяньцзине, Шанхае, Кантоне (с. 300); **Я** возвращаюсь теперь к **незабываемым** дням нашего перехода из Кантона в Ханькоу (с. 351); Теперь, когда **я** пишу свои **воспоминания** о работе в Китае, **я** часто думаю... (с. 156).*

С. А. Далин рассказывает: *Когда пишешь о прошлом, нельзя, конечно, удержаться от того, чтобы не взглянуть на события с вершины современности, особенно в тех случаях, когда прошлое перекликается с настоящим (с. 11).* Поэтому в реализации стратегии рассуждения используются следующие тактики: тактика историко-фактологического разъяснения и тактика аргументирующего цитирования, – создающие «смесь памяти и истории» [Проблематика мест памяти, 1999, с. 43]. Первая служит объяснению упомянутых событий: *Прошу читателя также учесть, что это мемуары, а не история революционного движения в Китае. И если все же в некоторых случаях приходилось прибегать к историческим справкам, то это делалось только для объяснения тех или иных событий, о которых здесь говорится (с. 12);* вторая – обоснованию точки зрения автора мемуаров.

Рассмотрим более подробно каждую из коммуникативно-речевых стратегий (см. схему на рис. 3).

Рис. 3. Коммуникативно-речевые стратегии и тактики в мемуарах С. А. Далина

3.2. Тактики номинативной стратегии в репрезентации образа Китая

1. Тактика именованного ключевого образа-концепта

Ключевым словом-номинатом образа Китая в мемуарах С. А. Далина является слово «Китай». Об этом свидетельствует его высокая частотность упоминаний в мемуарах: в разных словоформах оно используется 472 раза (см. таблицу 2 в приложении).

В лексико-семантическое поле образа входят характеризующие Китай клишированные конструкции (*созреть для развития, встать на путь развития, очутиться во власти*) и термины (*капиталистическое развитие, полуколония, иностранный империализм*). Они используются в тех предложениях, где номинат образа выступает в роли подлежащего, например: *Китай созрел для капиталистического развития...* (с. 280); *Китай очутился во власти военных клик...* (с. 78); *Китай уже стал на путь капиталистического развития...* (с. 281); *Китай был полуколонией иностранного империализма...* (с. 374). Фитоморфная метафора *Китай созрел* и клишированные обороты позволяют автору репрезентировать в тексте образный признак роста, развития страны, а термины и фразеологизм *очутиться во власти* – дать оценочную характеристику этому развитию.

Конструкции дефинитивного типа также дают возможность автору оценочно репрезентировать образ Китая: *Китай – классическая страна таких революций...* (с. 274); *Китай является одной из самых древних стран...* (с. 288).

Лексико-грамматическое поле вербализации образа в номинативной стратегии включает конструкции, в которых слово *Китай* используется в винительном падеже с предлогом «в». Они встречаются в мемуарах 23 раза, причем в большинстве случаев (19 раз) в этих конструкциях используются существительные (*путь, проезд, поездка, отъезд*), глаголы (*выехал, поехать, ехать, выехать, возвращаюсь, приехал*) и образованные от них причастия и деепричастия (*едуший, вернувшись*), включающие сему «движение»: *выехал в Китай, путь в Китай, едуший в Китай, проезд в Китай, поехать в Китай,*

ехать в Китай, выехать в Китай, отъезд в Китай, выехать в Китай, поездки в Китай, поездка в Китай, прибыли в Китай, командировка в Китай, возвращаюсь в Китай, вернувшись в Китай, отъезда в Китай, в Китай приехал. Китай начала XX века на страницах мемуаров предстает как страна, на территорию которой въезжает и откуда выезжает большое количество людей, в частности иностранцев, преследующих разные цели. Только в одном случае используется глагол насильственного действия, подчеркивающий зависимость Китая и реализующий признак «завоеванная территория»: ...*японский империализм вторгся в Китай.*

Сочетания глагола с семантикой насильственного действия (в том числе в составе фразеологизма) с зависимым топонимом *Китай* в винительном падеже реализуют образный признак «подчиненность Китая», например: *иностранцы угнетают Китай; ...против У Пэйфу, стремившегося прибрать к своим рукам весь Китай* (с. 133). Этот признак актуализирован также глаголами других лексико-семантических классов (*освободить, демократизировать, вывести*): *оно могло <...> освободить Китай от гнета иностранного империализма; Покрыть Китай сетью железных дорог было его заветной мечтой, о которой он очень любил говорить* (с. 370); *...объединить и демократизировать Китай* (с. 96); *Он должен освободить от милитаристов весь Китай* (с. 128), *но не удалось вывести Китай на путь независимого капиталистического развития* (с. 150).

В мемуарах используются два номината образа, являющиеся контекстуальными синонимами (косвенными номинатами) слова *Китай*, но оказывающие важное значение для формирования речевого образа Китая: *Поднебесная империя* (используется один раз) и *Китайская Республика* (одно употребление).

Образный метафорический номинат *Поднебесная империя*, как и в мемуарных записках Б. С. Колоколова, используется в исторической справке и обозначает территорию Китайской империи: *В Пекине я пробыл несколько дней. С большим интересом осматривал столицу «поднебесной» империи китайских*

богдыханов (с. 86). Словосочетание-термин *Китайская Республика* является и номинатом политической структуры Китая в начале XX века: *В начале 1921 г. депутаты объявили себя всекитайским парламентом и избрали единственного законного президента Китайской республики Сунь Ятсена* (с. 96). Китай в 1920-е годы был республикой, которую лишь номинально возглавляло национальное единое правительство. На самом деле Китай в то время не был де-факто единым. Помимо Национального правительства, в разных местах существовали различные политические силы управления, такие как Мукденская группа, Аньхойская клика, прямая клика и т. д., которые должны были подчиняться «центральному правительству», но действовали в своих интересах.

2. Тактика именования объектов с использованием единиц, производных от слова *Китай*

Производные от топонима *Китай* словообразовательные единицы в анализируемых мемуарах характеризуются следующей частотностью:

- *всекитайский* – 22 раза;
- *китайский* – 347 раз;
- *китаец* – 42 раза;
- *китайка* – 8 раз.

Прилагательное *всекитайский* в мемуарах используется в следующих словосочетаниях: *Всекитайский съезд рабочих союзов* (9 раз), *Всекитайский съезд Социалистического союза молодежи* (7 раз), *Всекитайский съезд студенческих союзов* (2 раза), *всекитайский парламент* (1), *всекитайский президент* (1), *Всекитайская конференция Гоминьдана* (1), *фигура всекитайского масштаба* (1). Частое использование прилагательного *всекитайский* объясняется профессиональным вниманием автора к социальному классу и политической ситуации в стране, особенно к рабочему классу и молодежи, которые являются революционными силами.

Прилагательное *китайский(-ая, -ие)* в значении «относящийся к Китаю как к государству или стране» (ниже пункты 1–8) или «принадлежащий китайскому

народу» (пункты 9–12) используется с существительными определенных тематических групп, образующих в тексте ассоциативно-смысловые цепочки:

1) «представители власти»: *китайские милитаристы* (6), *китайская компартия* (4), *китайский император* (2), *китайский солдат* (2), *китайские генералы* (2), *китайские власти* (1), *китайское руководство* (1), *маньчжуро-китайская бюрократия* (1), *китайский посол* (1), *китайская полиция* (2), *китайская таможня* (1), *китайское консульство* (1), *китайский руководитель* (1), *китайское правительство* (1);

2) «насильственные изменения власти»: *китайская революция* (30);

3) «приверженцы идеологии»: *китайские коммунисты* (16), *китайский товарищ* (коммунист) (9), *китайские революционеры* (1), *китайский комсомол* (1);

4) «война»: *китайская война* (2), *англо-китайская война* (2), *китайская военная тактика* (1), *китайское подполье* (1);

5) «социальный класс»: *китайская буржуазия* (23), *китайский пролетариат* (6), *китайские демократы* (1), *китайский середняк* (1), *китайский рабочий класс* (4), *китайские рабочие* (11), *китайское крестьянство* (4), *китайские крестьяне* (4);

6) «пространственно-территориальные объекты»: *китайские города* (21), *китайская деревня* (5), *китайские улочки* (4), *китайские уезды* (3), *китайская территория* (2), *китайская земля* (2), *Ханькоу китайский* (1), *китайский район* (1), *Южно-Китайское море* (1), *Китайский остров* (1), *китайский Кантон* (1);

7) «торговля»: *китайские капиталы* (8), *китайские магазины* (3), *китайские купцы* (2), *китайские банки* (2), *китайское хозяйство* (1), *китайские торговцы* (1), *китайские лавки* (1), *китайские фабрики* (1), *китайская торговля* (1), *китайские фирмы* (1);

8) «произведения искусства и культуры»: *китайская история* (3), *китайские дворцы* (2), *Великая Китайская стена* (2), *китайский театр* (искусство) (2), *китайские костюмы* (2), *китайская музыка* (2), *китайские старины* (2),

китайская **архитектура** (2), китайская культура (1), китайская литература (1), китайский ужин (1), китайское ремесло (1);

9) «железная дорога»: китайская **станция** (2), Китайско-Восточная железная **дорога** (2);

10) «народ»: китайское **население** (6), китайский **народ** (19), китайские **граждане** (1);

11) «люди определенного возраста, профессии/рода деятельности»: китайская **молодежь** (4), китайские **бандиты** (2), китайские **друзья** (2), китайские **актеры** (2), китайская **прислуга** (1), китайская **обслуга** (1), китайская **работница** (1), китайские **слуги** (1), китайский **журналист** (1), китайские **матросы и грузчики** (1), китайский **профессор** (1), китайский **воин** (1);

12) «язык/речь и письменность»: китайский **язык** (15), китайские **иероглифы** (2), китайское **наречие** (1).

Приведенная выше информация систематизирована в таблице.

Таблица

Частотность появления тематических групп словосочетаний с прилагательным *китайский* в мемуарах С. А. Далина

Тематическая группа	Количество словосочетаний	Частотность использования (в %)
Представители власти	14	9,2
Насильственные изменения власти	1	10,5
Приверженцы идеологии	4	9,3
Война	4	0,4
Социальный класс	8	18,7
Пространственно-территориальные объекты	11	14,6
Торговля	10	7,5
Произведения искусства и культуры	12	7,5
Железная дорога	2	0,3
Народ	3	9,2
Люди определенного возраста, профессии/рода деятельности	12	6,4
Язык/речь и письменность	3	6,4

Как видно из таблицы, в мемуарах часто используются словосочетания с прилагательным *китайский(-ая, -ое)*, входящие в тематические группы

«социальный класс» (18,7%), «пространственно-территориальные объекты» (14,6%) и «насильственные изменения власти» (10,5%).

Наиболее часто встречаются словосочетания: *китайская революция* (30 раз), *китайская буржуазия* (23), *китайские города* (21), *китайский народ* (19) и *китайские коммунисты* (16).

Высокая частотность словосочетаний названных выше тематических групп объясняется, с одной стороны, профессиональным интересом автора как представителя Коммунистического интернационала и целью посещения Китая, с другой стороны – объективными фактами, связанными с социальной стратификацией Китая начала XX века. В мемуарах Китай предстает как страна классовой борьбы и революций.

Итак, образ Китая в мемуарах репрезентируется как ключевым словом-номинатом образа *Китай*, так и периферическими номинатами *Поднебесная империя* и *Китайская Республика*. Частотное использование словосочетаний с прилагательным *китайский(-ая, -ое)* таких тематических групп, как «социальный класс», «пространственно-территориальные объекты» и «насильственные изменения власти», способствует созданию образа Китая как развивающейся страны, в которой ведется активная политическая борьба за ее территории и власть.

3.3. Тактики нарративной стратегии создания образа Китая

1. Тактика констатирующего нарратива

С 1921 до 1927 год С. А. Далин с разными дипломатическими целями посещает Китай. В мемуарах он упоминает места (города, уезды, села), наименования которых составляют нарративную цепочку, играющую важную роль в создании географического образа страны. В эту цепочку входят как собственно названия поселений (**хоронимы** – названия провинций, **астионимы** – названия городов, **комонимы** – названия сел и уездов), так и названия водных объектов (**пелагонимы** – названий морей; **гидронимы** – собственных имен рек):

хоронимы: Гуандун, Гуанси, Сычуань, Хунань, Цзянси, Шаньси, Аньхуэй, Фуцзянь, Хубэй;

астионимы: Харбин, Шанхай, Кантон, Пекин, Тяньцзин, Сватоу (Шаньтоу), Сямьнь, Гонконг, Учан, Ухань, Наньчан, Цзиань, Чанчун, Мукден (Шэньян), Нанкин, Гуйлинь, Ханькоу, Кайфын, Макао, Чанша, Ганьчжоу, Пукоу;

комонимы: Самэй, Дачао, Чжанкоу, Маши, Наньсюн, Шаогуань, Даюй, Нанькан, Ваньан;

гидронимы: Хуанпу, Янцзы, Бэйцзян, Ганьцзян, Чжуцзян;

пелагонимы: Южно-Китайское море, Формозский (Тайваньский) пролив.

В зависимости от цели поездки выделяются три маршрута пребывания С. А. Далина в Китае:

1) участие в I Всекитайском съезде Социалистического союза молодежи в Гуанчжоу: Харбин ==> Чанчунь ==> Шанхай ==> Пекин ==> Тяньцзин ==> Пукоу ==> Нанкин ==> Шанхай ==> Сямэнь ==> Шаньтоу ==> Гонконг ==> Гуанчжоу ==> Шанхай ==> Пекин;

2) участие в Пленуме ЦК Социалистического союза молодежи в Шанхае: Владивосток ==> Шанхай;

3) обсуждение организационных и политических вопросов, связанных с Университетом трудящихся Китая имени Сунь Ятсена (был образован в Москве в 1925 году): Шанхай ==> Гуанчжоу ==> Шаогуань ==> Наньсюн ==> Даюй ==> Ганьчжоу ==> Наньчан ==> Цзюцзян ==> Ухань ==> Шанхай.

Схематические покажем эти маршруты на карте (см. рис. 4).

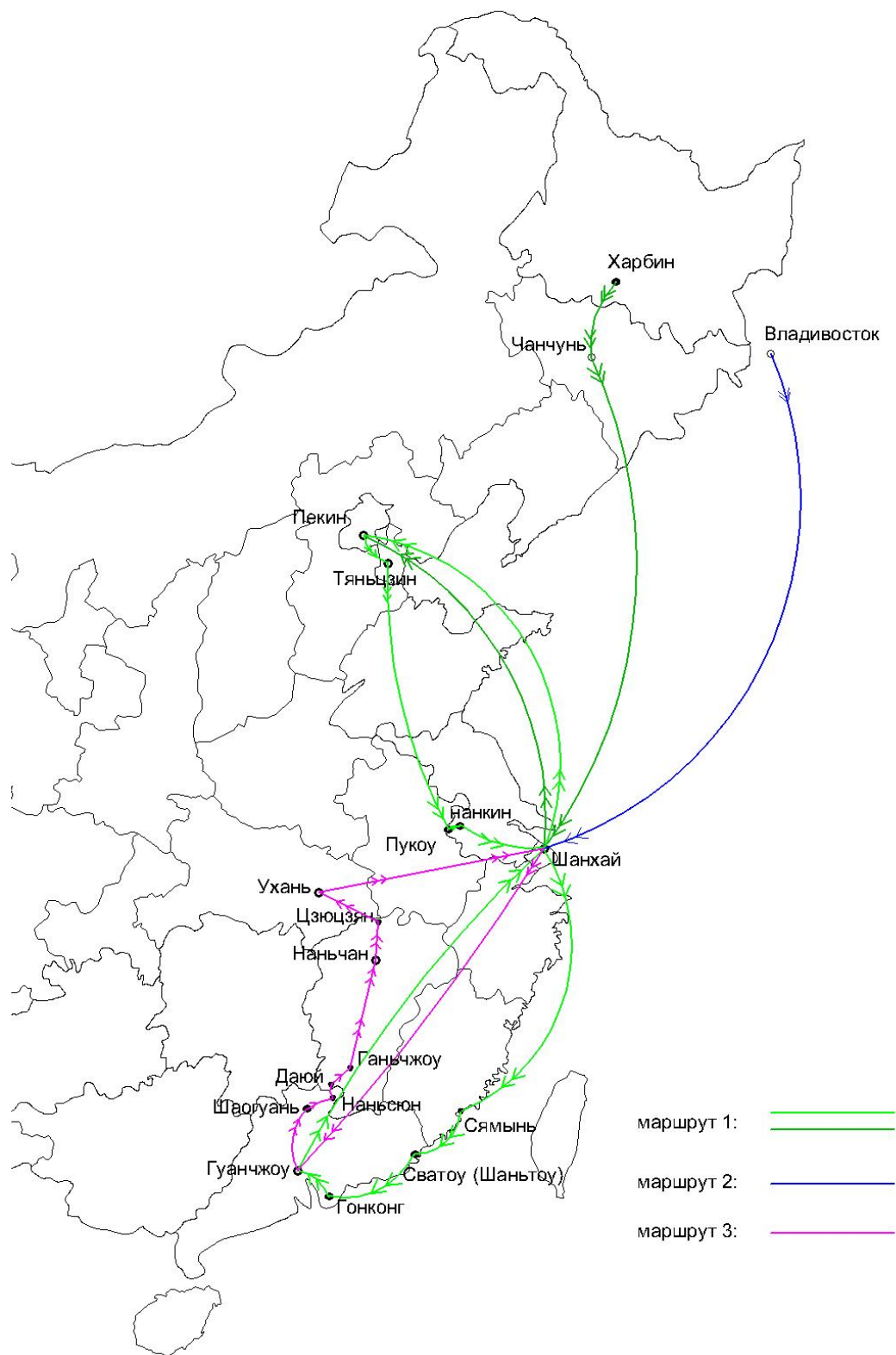

Рис. 4. Географический образ-схема пребывания С. А. Далина в Китае

На карте топонимически обозначены те места, которые С. А. Далин посетил (*Харбин, Шанхай, Кантон, Пекин, Тяньцзин, Сватоу (Шаньтоу), Сямынь, Гонконг, Учан* и т. д.). Однако в мемуарах упоминаются также топонимы, обозначающие маленькие села и деревни (*Самэй, Дачао, Маши* и т. д.), где был автор и которые не маркированы на карте. В мемуарах также упоминаются другие места при описании политической ситуации, например: *Сычуань, Хунань, Цзянси, Шаньси, Аньхуэй, Фуцзянь, Хубэй* и другие.

Пребывание автора мемуаров в Китае совпадает с периодом сотрудничества между компартией и Гоминьданом, сфера влияния которого в то время распространялась на юго-восток Китая, главным образом в провинции *Гуандун*. В связи с этим автор в основном жил и работал в Южном Китае. Он несколько раз встречался с Сунь Ятсеном и вместе с гоминьдановским правительством совершил переход из *Кантона (Гуанчжоу)* в *Наньчан*, а затем переезд в *Учан*. Следовательно, большинство мест, упомянутых в мемуарах, расположено в южных регионах, в частности в юго-восточных. В анализируемом тексте представлены гидронимы – имена рек *Хуанпу, Янцзы, Бэйцзян, Ганьцзян, Чжуцзян*, расположенных в южных районах. В этих же районах находятся *Южно-Китайское море, Формозский (Тайваньский) пролив*, упоминаемые в мемуарах. Таким образом, автор представляет **топонимическую картину преимущественно восточной и юго-восточной части Китая начала XX века.**

Помимо топонимических единиц, в мемуарах также широко используется лексика с семантикой передвижения: глаголы (*подъезжать, приехать, пройти, подходить, идти, переплыть, плыть, тронуться*) и образуемые от них существительные (*отъезд, переход, переезд*), например: *Через три дня поздно вечером я **подъезжал** к Шанхаю (с. 76); Я **приехал** в Пекин в начале апреля (с. 86); Наступил наконец день **отъезда** в Кантон. По разработанному маршруту мы должны были на пароходе **пройти** через Формозский (Тайваньский) пролив и остановиться в небольшом порту Сватоу (Шаньтоу) на берегу Южно-*

*Китайского моря. <...> Из Самэй надо было четыре-пять дней **пешком идти** до железной дороги, ведущей в Кантон (с. 89); На лодке **переплыли** в Сямынь (с. 90); Но вот и последний **переход**. Мы **подходили** к Ганьчжоу – административному центру целого района (с. 289); В речных сампанах мы должны были **плыть** по реке Ганьцзян до самого Наньчана (с. 295); В ночь на 10 декабря состоялся **переезд** правительства из Цзюцзяна в Ухань (с. 320); И пароходик, который под утро, понатужившись, **тронулся** в Учан (с. 320).*

В мемуарах неоднократно упоминаются слова *дорога*, *путь* и *путешествие*, придающие динамический характер повествованию: *За четыре дня **дороги** от Харбина я проехал весну и попал в бесснежный теплый Шанхай (с. 76); Поезд движется по живописной **дороге** по берегу моря, проходя целый ряд туннелей, прежде чем свернуть в сторону Кантона (с. 100); Теперь мы совершали как бы обратный **путь**: из Кантона в Шаогуань на поезде, а затем **пешком**, но не на северо-восток к берегу моря в Сватоу, а прямо на север – к берегам великой Янцзы (с. 246). **Путь** от Шаогуаня до Ханькоу **пешком** и водой, незначительными остановками в Наньчане и Кулине, занял двадцать пять дней (с. 247); Вскоре мы снова двинулись в **путь** (с. 251); Почти целую неделю шла подготовка к нашему пешеходному **путешествию** в Шаогуань (с. 96); Не помню, на второй или на третий день нашего речного **путешествия** мы приближались к маленькому уездному городу Ваньань (с. 297).* Частотное использование слова «пешком» (14 раз) в мемуарах передает идею возможности тщательного наблюдения за жизнью Китая, особенно за его сельскими районами.

Путешествие автора по Китаю характеризуется прерывностью и «полевостью экспедиции», что отличается от «скитаний» Б. С. Колоколова, который перемещался только на поезде и на пароходе между большими городами. С. А. Далин лично участвовал в «китайской северной экспедиции»: он бывал в сельской местности, видел реальную картину жизни Китая как большой сельскохозяйственной страны.

2. Тактика оценочного нарратива

Тактика оценочного нарратива представляет собой вкрапление в повествовательные контексты репродуктивного или информативного регистров оценочных языковых/речевых средств.

Автор мемуаров указывает на временные интервалы перемещения по стране, а не только описывает географические места: *Почти целую неделю шла подготовка к нашему пешеходному путешествию в Шаогуань, однако совершить этот переход и познакомиться с жизнью китайской деревни нам так и не удалось* (с. 96); *За четыре дня дороги от Харбина я проехал весну и попал в бесснежный теплый Шанхай* (с. 76). Приемы субъективизации повествования (интенсификатор *почти*, отражающий субъективное восприятие времени: *почти целую неделю*; метонимия *проехал весну*) помогают создать образ Китая как страны с обширной территорией и большой разницей в климате между севером и югом.

В мемуарах широко используется оценочная лексика. Опираясь на классификацию оценок, предложенную Н. Д. Арутюновой [1988, с. 75–76], помимо общих оценок (положительной и отрицательной), в тексте С. А. Далина могут быть выделены частные оценки, которые представлены следующими типами.

Сенсорно-вкусовые оценки. С. А. Далин присутствовал на нескольких банкетах в Китае и при описании блюд этих банкетов использует сенсорно-вкусовые оценки, выраженные эпитетами *вкусно* и *сладкими*: *Это был обильный китайский ужин, с супом из плавников акулы, вкусно приготовленными курами и утками, китайскими пряностями, ласточкиными гнездами* (с. 247–248); *К этому прибавились еще корзины с различными сладкими печеньями, поднесенные нам крестьянами деревни, расположенной в десяти ли от нашей остановки* (с. 306).

Психологические оценки. Они передаются с помощью прилагательных и наречий, включенных в предикативную конструкцию, в роли эпитета. Например,

используемая в мемуарах сложная превосходная степень прилагательного *интересный* (*самый интересный*) свидетельствует о пристальном внимании автора к рабоче-крестьянскому и революционному движению в Китае: **Самым интересным** было присутствие отряда старинной крестьянской боевой организации (с. 290); **Самым интересным** на банкете были длинные плакаты-лозунги, развешанные в зале. Это были требования, адресованные присутствующим здесь членам правительства. Содержание требований вызвало замешательство среди министров (с. 301); **Но самой интересной** была другая резолюция торговой палаты – запрос правительству по поводу забастовок (с. 330).

Грусть автора о сложившейся ситуации, его сочувствие китайским рабочим, живущим в нищете, передаются с помощью эпитетов *печально* и *горькая*: Мы уже знаем, как **печально** кончилась военная экспедиция Сунь Ятсена на север в 1922 г. (с. 237–238) – о провале революционного движения, организованного Сунь Ятсеном; **Это была горькая правда**: за 16-часовой рабочий день китайская работница получала 10 мексиканских центов (с. 71).

Этические оценки. Передача оценки этого типа с помощью клишированных конструкций (*подлинные товарищи, люди исключительной самоотверженности, большой моральной чистоты, беззаветной преданности делу, моральное разложение*) помогает выразить противоположное отношение автора к Коммунистической партии Китая и Гоминьдану: *Беседуя с нашим попутчиком – низовым провинциальным, к тому же деревенским работником, мы еще раз убедились, каких замечательных людей имела китайская компартия. Это были подлинные товарищи, люди исключительной самоотверженности и аскетизма, большой моральной чистоты и беззаветной преданности делу китайского пролетариата* (с. 297); *...неустойчивость верховного главнокомандующего проявлялась при первой же военной неудаче. Несколько раз, когда противнику удавалось нанести удар Национально-революционной армии и перейти в наступление, Чан Кайши пытался бежать с фронта. Не один раз его*

чуть ли не за руки держали, не допуская бегства, которое внесло бы моральное разложение в командный состав революционной армии (с. 315).

Таким образом, в мемуарах С. А. Далина с помощью тактики констатирующего нарратива с использованием топонимических единиц разных типов и лексики с семантикой передвижения создается образ-схема южных регионов Китая; тактика оценочного нарратива, выражающая различные типы частных оценок (сенсорно-вкусовые, психологические и этические), способствует экспрессивности повествования.

3.4. Тактики дескриптивной стратегии и специфика ее реализации

Для мемуаров С. А. Далина характерны следующие тактики, реализующие стратегию дескрипции: тактика описания политических фигур и представителей народа, тактика описания городов и деревень, тактика описания политических массовых движений и тактика хорографии (описание традиций и обычаев).

1. Тактика описания политических фигур и представителей народа

В начале XX века в Китае милитаристы вели непрерывные войны, в полном разгаре шла демократическая революция. В этот исторический период С. А. Далин в качестве представителя Коммунистического интернационала участвовал в ряде важных событий в Китае, таких как: встречи с основателями Коммунистической партии Китая; переговоры с Сун Ятсеном; передвижение пешком из Кантона в Ухань вместе с Национальным правительством (Гоминьдан), во время которого он общался (вел переговоры) с рядом чиновников Гоминьдана и Компартии Китая, в том числе с Чан Кайши (руководителем Гоминьдана после кончины Сунь Ятсена). Поэтому можно сказать, что С. А. Далин хорошо знаком с политической ситуацией в Китае того времени. Дескриптивная стратегия создания образа Китая реализуется с помощью ряда речевых тактик.

Тактика описания политических фигур и ее приемы

Используемые в мемуарах С. А. Далина **антропонимы**, именующие политические фигуры Китая XX века, подразделяются нами на три группы:

1) **антропонимы, обозначающие милитаристов:** *Чэнь Цзюньмин, Сюй Шичан, Ли Юаньхуна, Юань Шикай, Фын Юйсян, Ван Цзинвэй, Сун Чуаньфан, У Пэйфу;*

2) **антропонимы, обозначающие гоминьдановских фигур:** *Сунь Ятсен, Чан Кайши, Гай Попин, Ли Фулинь, Ли Цзишэнь, Ляо Чжункай, У Тинфан;*

3) **антропонимы, обозначающие коммунистов:** *Цюй Цюбо, Мао Цзэдун, Чэнь Дусю, Хун Биньхунь, Чжан Тайлэй.*

Использование политико-персоналогических антропонимов позволяет автору показать политическую разрозненность Китая. Нередки сочетания антропонимов первой группы и существительных, обозначающих чин высшего командного состава армии: *...в Кайфын, который находился в руках генерала Фын Юйсяна...* (с. 118); *Китайский город с прилегающими к нему районами находился в руках реакционного генерала Сунь Чуаньфана* (с. 199). Каждый милитарист властвовал в определенном регионе, имея свои вооруженные войска. В рамках одного предложения употребляются топонимы и антропонимы, направленные в совокупности на создание образа политически разрозненного государства, например: *...в провинции Гуандун, на территории которой рядом с Кантоном находились также 50 тыс. войск Чэнь Цзюньмина* (с. 134). Создавая политический образ страны, автор пишет о военных событиях на севере и их ключевых фигурах: *На севере Китая в это время уже начались военные действия между У Пэйфу и Чжан Цзолинем* (с. 122).

В мемуарах называются не только имена собственные политических деятелей, но и их прозвища (клички), дающие им оценочную характеристику. Отношение С. А. Далина к Гоминьдану и его представителям (чиновникам, военным представителям, руководителям) выражается с помощью оценочных средств, подчеркивающих их негативные качества, в том числе псевдореволюционность. Отрицательные оценочные стилистические средства позволяют создать негативный образ политиков *Гай Попина* (начальник кантонской полиции) и *Чэнь Гунбо* (начальник уезда), например: *Гай Попин,*

начальник кантонской полиции, **реакционер**, **взяточник**, **отвратительная личность**... (с. 144); Начальник уезда получил кличку «**Рисовая корзина**» – так в Китае называется человек, который думает исключительно о своем брюхе и кармане (с. 299); В уханьском правительстве подвизался также **проходимец** и политический **авантюрист** Чэнь Гунбо (с. 333); Начальник уезда был новый, назначенный командованием Национально-революционной армии. Нам дали такую его характеристику: к гоминьдановской работе относится **безразлично**... (с. 293); На юге, в Гуандуне, у Сунь Ятсена была такая же наемная армия. Впечатление от нее было **самое безотрадное**. <...> Это **карьеристы**, **взяточники**, рассматривавшие свою военную профессию исключительно как источник дохода (с. 132). Эпитет **отвратительная**, существительные-негативаторы **взяточник**, **проходимец**, **авантюрист**, **карьеристы**, **взяточники** и фразеологизм **рисовая корзина** характеризуют чиновников Гоминьдана как людей, ищущих выгоду в революции и безразлично относящихся к своей работе.

В мемуарах неоднократно подчеркивается, что армию Гоминьдана составляют бывшие бандиты и милитаристы: *Вчерашние реакционные милитаристы, перешедшие под гоминьдановские знамена, продолжали и теперь бороться с рабочим и крестьянским движением. Новые «революционные» генералы жгли революционные деревни, расстреливали вожжаков крестьянского движения и готовили удар по рабочему классу* (с. 244); **Бывший бандит Ли Фулинь, командир 5-го корпуса Национально-революционной армии «охранял порядок» в деревне и старался разогнать крестьянские союзы** (с. 208). Оценка их действиям снова передается с помощью антифразиса (*революционные и охранял порядок*) и глаголов с семантикой уничтожения: *жгли, расстреливали*. Знамя Гоминьдана не только не защитило крестьян и рабочих, но и стало защитным «зонтиком» для реакционных милитаристов, преследующих крестьян и рабочих. Автор выражает крайне негативное отношение к тем, кто руководит правящей партией в Китае.

В мемуарах часто используется антропоним *Чан Кайши* – верховный лидер Гоминьдана после смерти Сунь Ятсена. Негативный образ Чан Кайши создается путем указания на его поступки, характеризующие политика как предателя и лицемера, то есть с помощью приема детализации. Например: *Несколько раз, когда противнику удавалось нанести удар Национально-революционной армии и перейти в наступление, Чан Кайши пытался бежать с фронта* (с. 313); *Чан Кайши издал длинный манифест под названием «Искреннее обращение к народу всей страны» <...> Манифест не содержал ничего конкретного. Ни слова не говорилось о снижении арендной платы за землю, об установлении хотя бы 9-часового рабочего дня* (с. 242).

В контекстах, создающих негативный образ Чан Кайши, используется позиционно-лексический повтор предлогов, выполняющий усилительно-выделительную функцию: *Чан Кайши был на фронте и оказался не в состоянии тогда выступить против движения народных масс, против коммунистической партии, против левых элементов в гоминьдане* (с. 311) – подчеркивается неспособность политика противостоять другим политическим силам; *Правительство отпускало, например, значительные суммы на медицинское обслуживание войск. Деньги эти шли в карман Чан Кайши, а раненые солдаты оставались без медикаментов, без госпиталей, без врачей* (с. 315) – повтор предлога позволяет обратить внимание на коррупционную деятельность политика, воровство, на негативные последствия его действий для народа. Для Чан Кайши политика и революция, по словам С. А. Далина, представляют собой «средство личного обогащения». В мемуарах показана псевдореволюционная и антинародная сущность деятельности этого чиновника.

Детальное описание поведения и взглядов политика служит аргументом в пользу оценочного вывода, характеризующего этого человека как неуверенного, неустойчивого, лживого: *Поведение Чан Кайши после поражения революции 1911 г., когда он отошел от политической борьбы, <...> характеризует Чан*

Кайши как человека в высшей степени неустойчивого и отнюдь не как последовательного сторонника Сунь Ятсена (с. 313).

Политическая деятельность чиновника характеризуется также с помощью существительного *казнокрад* с негативно-оценочной семой «вор»: *Как и все китайские милитаристы, Чан Кайши был прежде всего казнокрадом* (с. 315). Большую роль в создании негативного образа начальника Гоминьдана играет и антифразис: *Чан Кайши был очень внимателен, заботлив, беспокоился о паланкинах для членов правительства и гостей, суетился, был «большим джентльменом» и сел в паланкин последним* (с. 320). В контексте антифразиса *большим джентльменом* лексемы *внимателен, заботлив, беспокоился, суетился* также приобретают ироническую окраску.

Негативное отношение автора к действиям представителей правящей партии выражается с помощью приема контраста (контекстуальные фразы-контрас-тивы): *Не было даже 3 тыс. юаней и требовал от министра финансов 7 тыс. юаней*) и гиперболы в иронической функции (*Министр обшарил все углы*): *В декабре правительство сидело в полном смысле слова без копейки. Не было даже 3 тыс. юаней <...> а Чан Кайши в это время требовал от министра финансов 7 тыс. юаней для обмундирования его личной охраны. Министр обшарил все углы, но деньги для Чан Кайши все же достал* (с. 315).

Таким образом, в мемуарах С. А. Далина с помощью целого ряда стилистических приемов создается негативно-оценочный образ Гоминьдана, отражающий ироническое отношение автора к представителям правящей власти Китая – деятельности верховного лидера Чан Кайши и других представителей.

Оценочное отношение автора к Коммунистической партии Китая выражается с помощью эпитетов *лучшие, беззаветно храбрые, активная*, передающих идею преданности ее членов коммунизму: *Здесь погибли лучшие, беззаветно храбрые коммунисты Китая. Об их храбрости рассказывали в народе легенды, которые наводили потом мистический ужас на реакционные армии* (с. 243); *Во всем уезде тогда имелось только девять коммунистов. <...> Это*

была очень **активная** группа, которая вела здесь большую работу, особенно в области печатной пропаганды (с. 293).

Положительный образ китайской компартии репрезентируется с помощью ее сопоставления с Гоминьданом, создающего в тексте стилистический контраст, в котором большую роль играют конструкции с отрицанием, эпитеты и лексические повторы: *Это был **другой** мир. Здесь **не было** этих **надоевших** **слащавых** улыбок и поклонов, **не было** торговли у каждой двери: кому первому пройти, **не было** лицемерных речей о верности «трем принципам» Сунь Ятсена. Нет, это был **другой, подлинно революционный** Китай (с. 294); *Молодой **вдумчивый** человек, он **резко отличался от той гоминьдановской среды, к которой мы уже достаточно привыкли** (с. 297).**

Положительная оценка прослеживается и при описании представителей Компартий России и Китая. Так, в описании внешности Мао Цзэдуна, который в то время был председателем Центрального комитета Компартии Китая, используется «значимая деталь» – указание на шелковый светло-серого цвета халат: *Здороваемся, знакомлюсь с представителем ЦК партии Мао Цзэдуном. Сразу бросается в глаза его высокий рост, полнота, розовые щеки, а главное, **шелковый светло-серого цвета халат**. Все остальные были в обычных синих хлопчатобумажных халатах (с. 177). В то время шелковый халат символизировал достаток, богатство, он был недоступен представителям рабочего класса, поэтому его упоминание значимо для создания образа политика, которому дается критическая оценка: ...ты услышишь здесь от секретаря ЦК Мао <...>) такие вещи, что у тебя **волосы дыбом встанут**. Как, например, гоминьдан есть и была пролетарской партией <...> классовую линию нужно бросить, среди бедного крестьянства нечего делать, нужно связаться с помещиками и чиновниками (шэньни) и т. д (с. 181–182). С помощью фразеологизма *волосы дыбом встанут* показано отрицательное отношение автора мемуаров к политику. Таким образом, в мемуарах Мао Цзэдун характеризуется как «чужой» для компартии человек.*

Таким образом, оценочное отношение автора к Гоминьдану и Компартии Китая является как эксплицитно, так и имплицитно (с помощью иронии) выраженным. Создается псевдореволюционный и отталкивающий образ Гоминьдана, его представителей (прежде всего Чан Кайши); члены Компартии Китая, наоборот, охарактеризованы как настоящие революционеры. Это противопоставление создает в произведении стилистический контраст.

Тактика описания китайского народа

В мемуарах С. А. Далина используется тактика описания обычных людей разного возрастного и социального статуса – это нищие, рикши, кули, рабочие, крестьяне, оборвыши (о детях) и т. д.

Приемы описания китайского народа в целом

Для создания образа китайского народа широко используется характеризм – прием описания внешнего вида, который часто конвергирует с приемом детального описания невербального поведения: *Снова железнодорожные станции с толпами **просящих подаяние совершенно голых детей**, снова дикие забавы иностранцев, вроде швыряния в толпу медяков, вызывавших **драки и рев оборванных, измученных голодом нищих** людей* (с. 87–88). Метафора *дикие забавы* выражает гнев автора мемуаров, его недовольство поведением иностранцев, дразнящих китайцев, сочувствие к бедным людям. Распространенность нищеты среди китайского народа актуализирована с помощью лексического повтора (*снова*). В следующем высказывании наречие *всюду* и наречие *часто* с интенсификатором *слишком* усиливают тот образ нищеты, который создается с помощью лексических средств: ***Всюду** было много нищих: старух и детей, бегавших за каждым прохожим и вымаливавших подаяние* (с. 252); *К тому же **слишком часто** в этой стране десятки миллионов крестьян гибли от голода вследствие наводнений или засух* (с. 73).

Низкий социальный статус китайцев по сравнению с живущими в Китае иностранцами подчеркивается в истории о рикше: *Он [рикша] вез «представителя европейской цивилизации» около сорока минут. Слезая,*

иностранец заплатил ему пять центов. *Рикша* отказался принять такую *мизерную плату*, за что был избит палкой. Вдобавок *рикша* был задержан полицией. Уходя из суда, он был рад, что его по крайней мере не посадили месяца на три в тюрьму за «*грубое обращение с иностранцем*» (с. 69–70). Обращает на себя внимание использование кавычек, маркирующее прием цитации, создающий стилистический контраст. Китай предстает как страна, в которой живет угнетенный народ.

Приемы описания людей отдельных профессий

В мемуарах с помощью эпитетов дается оценочная характеристика труда кули (*лошадиный труд*, *тяжелый физический труд*), издаваемых ими звуков (*унылым трудовым напевом*, *монотонный припев*) и создается образ младенцев на спинах работающих женщин (*крошечные головки*): *Унылым трудовым напевом «э-хэ-хэ», в такт совместным усилиям, сопровождается этот лошадиный труд. Была здесь и крупная торговая буржуазия, купцы, много ремесленников, еще больше рабочих, главным образом кули, занятых тяжелым физическим трудом* (с. 73); *На юге, в Кантоне, в платформу впрягались и женщины, за спинами которых часто были привязаны грудные дети* (с. 70); *Помню, перевозили большой, тяжелый несгораемый шкаф. Платформу тащили около тридцати женщин. На спинах большинства из них болтались крошечные головки младенцев. Тот же монотонный припев «э-хэ-хэ» резал слух прохожих* (с. 70–71). Эпитет *горькая правда* выражает сочувствие автора народу: *Это была горькая правда: за 16-часовой рабочий день китайская работница получала 10 мексиканских центов* (с. 71).

Социальное неравенство китайского народа показано с использованием антитезы: *Впервые я увидел рикшу в Харбине. <...> Чуть ли не со слезами на глазах смотрел я на исхудалого китайца <...> В колясочке сидел толстый, грузный китаец с вещами на коленях* (с. 69). В следующем высказывании контекстуальным синонимом к слову *рикша* выступает существительное *бедняги*, выражающее сочувствие автора: *Рабочий день рикши тянулся с раннего утра до поздней ночи, с*

короткими перерывами для еды тут же на улице у владельца передвижной кухни.
<...> *Жизнь этих бедняг коротка, ибо сердце при быстром беге вскоре сдает* (с. 70).

В оценочном описании рикш используются также сравнения и зооморфные метафоры: *Жизнь этих бедняг коротка, ибо сердце при быстром беге вскоре сдает. Тогда хозяин выбрасывает его, как выжатый лимон* (с. 70); *Рикша следовал рядом с тобой, упрашивая сесть в коляску, принадлежавшую не самому рикше, а хозяину, который отбирал значительную часть заработка «лошади» как арендную плату за коляску* (с. 70). Сравнение *выбрасывает его, как выжатый лимон* (лимон в значении «предельно уставший, изможденный человек» [Фёдоров, 2008, с. 345]) и метафора *лошади* (в значении «О ком-л., обладающем какими-л. качествами, свойственными такому животному (силой, работоспособностью и т. п.)» [Большой толковый словарь, 2000, с. 506]) создают образ рикши, позволяющий вызвать эмоциональный отклик у читателя. Русскими лошадь воспринимается «как очень сильное и здоровое животное», поэтому о человеке, много и без отдыха работающем, говорят *работает как лошадь* [Прохоров, 2007, с. 335]. С помощью метафоры *лошадь* и создается образ кулей и рикш, занимающихся тяжелым физическим трудом.

Приемы описания китайских рабочих

Описания внешности и одежды подчеркивают бедность рабочих, в частности с помощью эпитетов *босые, ветхой, залатанной, оборванный, жалкое*, которые часто встречаются в мемуарах: *Дети рабочих, маленькие оборвыши, босые, едва прикрытые ветхой, залатанной одеждой...* (с. 215); *Мы разговорились с рабочими, у которых был оборванный и изнуренный вид* (с. 309); *Но были и наемные рабочие <...> работавшие от зари до зари и получавшие за свой труд пищу и жалкое рубище (ветхая, рваная одежда)* (с. 254). Оценку жизни рабочих передают эпитеты с семантикой «незначительность», характеризующие уровень зарплаты и питание людей: *Следует учесть, что за ничтожную заработную плату рабочим приходилось работать от 11 до 15*

часов в день <...> ученики работали от зари до поздней ночи даром, получая от хозяев лишь *скудное питание* (с. 212).

Приемы описания китайских крестьян

В мемуарах охарактеризованы также бедная жизнь крестьян (их быт, жилище) и лица. Для этого используются прилагательные и существительные с семой «отсутствие чего-либо» (*серые, голые, бедные, разоренных, нищих, безземельными, безысходное*) и числительное (*миллионы*): *Миллионы разоренных и нищих* крестьян бродили по всей стране в поисках горстки риса (с. 132); Выяснили, что 85 % крестьян этого района, будучи абсолютно *безземельными*, арендовали землю у крупных собственников (с. 255); Деревеньки были *серые, голые, бедные* (с. 251); Лица жителей выражали *безысходное горе, нищету и безнадежность* (с. 252). Образ нищеты актуализирует повтор глагола *разорялось* в описании жизни крестьян: *Китайское крестьянство разорялось от непрерывных гражданских войн, разорялось от налогов, от неурожая, от ростовщиков, разорялось от гнета иностранного империализма* (с. 131–132).

Таким образом, в мемуарах китайский народ описан как совокупность людей, занимающих низкий социальный статус, выполняющих трудную и низкооплачиваемую физическую работу, страдающих от горя, нищеты и несправедливости. В мемуарах, как правило, используется так называемая синтетическая стратегия описания [Ульянова, 2008], выражающая цельную характеристику внешности бедных китайцев; в семантическом аспекте она представлена метафорическим и метонимическим ее типом, но каждый тип встречается только один раз; другими словами, тропеический способ описания китайского народа не характерен для мемуаров С. А. Далина.

2. Тактика описания городов и деревень

В тактике астионимического гипотипозиса важную роль играют оценочные эпитеты *оживленный, шумный, бойкий* (объединенные семой «многолюдный»); *старый, старинный* (общая сема – «длительность существования»), *большой*. Например: *Харбин, оживленный торговый город...* (с. 73); *...перед нами*

открылась **красивая** панорама Гонконга (с. 98); Тяньцзинь – город **шумный, бойкий, торговый** (с. 87); Шаогуань, Наньсюн, Учан, Наньчан – **старинные** города. Шаогуань – **старый** город: об этом говорят его каменные стены, башни и бойницы (с. 247); Городок по имени Наньсюн был **старинный**. Об этом говорили его стены, башни и дворцы (с. 255); Учан – **большой старинный** китайский город (с. 323); Наньчан – **большой старинный** город (с. 307). Наиболее детальную характеристику получили *Шанхай, Пекин* и *Гуанчжоу*.

В описании *Шанхая* используется прием контраста между ожиданиями увидеть традиционный, типичный старинный город и реальностью. Этот прием помогает автору мемуаров передать чувство потрясения от увиденного: *Шанхай. Воображение рисовало мне город фантастических пагод и больших фанз с вздернутыми кверху концами крыш. Об иностранной же концессии я думал как о небольшом квартале, выстроенном по-европейски. Но я был в одно и то же время и разочарован, и поражен, когда предо мной открылась панорама залитого электричеством города с многоэтажными домами и мелькающими электрическими рекламами на крышах* (с. 76); *Асфальтовая мостовая, множество автомобилей, <...> огромные электросветовые иероглифы торговых реклам – все это сразу поразило меня* (с. 76). Современный характер облика города описан с помощью метафоры (*залитый электричеством город*), эпитетов (*многоэтажными, мелькающими, асфальтовая, огромные электросветовые*). Автора поразила и в то же время разочаровала мощная электрификация города (обратим внимание на слова с корнем *электр-*), который предстает в образе сосуда, залитого светом.

Шанхай характеризуется как «иностранный город на китайской земле», причем эпитет *иностранный* повторяется неоднократно, например: *В парках иностранного Шанхая по вечерам играл оркестр...* (с. 78); *Все они прямо или косвенно обслуживали иностранный Шанхай* (с. 78); *По всем этим причинам в этом иностранном городе преобладало китайское население, жившее на узких*

улочках в стороне от широких городских магистралей с европейскими домами (с. 77).

Использование прилагательных в превосходной степени также свидетельствует о положительной оценке увиденного, способствует передаче чувства восхищения: *Шанхай, один из **крупнейших** мировых открытых портов того времени...* (с. 77); *В это время здесь функционировала **самая крупная** в Азии биржа...* (с. 193).

В отличие от Шанхая, Пекин предстает как старинный китайский город, почти не подверженный влиянию современной цивилизации, сохраняющий свою самобытность и имеющий глубокое культурное наследие, что выражено с помощью различных эпитетов: *Ведь Пекин – город **старинных** дворцов, **изумительно красивых** храмов и пагод, священных парков, бассейнов, горбатых мостиков* (с. 86); *С обсаженных деревьями и залитых асфальтом аллей этой стены открывается великолепный вид на **древнюю** столицу* (с. 86). Тишина и старинный облик Пекина, отличающие его от шумного Шанхая, в восприятии автора ассоциативно связаны с образом музея: *...а главное, отсутствие признаков шумной городской жизни, тишина, чинность и медлительность гуляющих, пластичные движения грациозных обительниц Пекина – все это на фоне китайской причудливой старины заставляло вас вообразить, что вы находитесь не в шумной столице, а в каком-то **грандиознейшем музее*** (с. 86); *...в котором не было дымящихся фабричных труб, сутолоки вокруг торгошай, где почти не было современного пролетариата и где только паровозы за пекинской стеной своими гудками нарушали **мертвую тишину** богдыханской столицы* (с. 87). Элемент современности в город-музей привносит университет, символ нового Пекина в начале XX века: *Но вот и **новый Пекин**, его тогдашнее революционное сердце – Пекинский университет. <...> Его студенты шли тогда в первых рядах антиимпериалистической борьбы* (с. 87).

Образ города Кантона (Ганьчжоу) репрезентируется на фоне других городов, прежде всего Шанхая и Пекина. По сравнению с Шанхаем Кантон меньше

подвержен иностранному влиянию: *Город сохранил несравненно большую самобытность, чем Шанхай с его большими иностранными концессиями, английскими и французскими воинскими частями и полицией, названиями улиц на иностранных языках* (с. 100); *И в Кантоне была английская концессия – Шамянь (небольшой остров на реке Чжуцзян), но по сравнению с иностранной частью Шанхая она была ничтожна мала, всю ее можно было обойти за десять – пятнадцать минут. Поэтому Кантон производил впечатление чисто китайского торгового города* (с. 100); *Обращало на себя внимание почти полное отсутствие вывесок на английском языке* (с. 100).

Сравнение между Кантоном и Пекином проводится по параметру «народ» с использованием семантически контрастных эпитетов (*чинный – полуголый, вечно суеющийся толстый; стройной – изнуренной*): *Вместо пекинского чинного сановника здесь бросался в глаза полуголый, вечно суеющийся толстый купец или хозяин мастерской, а вместо стройной обительницы Пекина – изнуренная женщина-кули, целый день перетаскивавшая на коромысле или на грузовой платформе с колесами тяжести из складов на набережную и обратно* (с. 101). Эпитеты *чинный* и *стройный* передают элегантность и богатство жителей Пекина; *полуголый, вечно суеющийся, толстый, изнуренная* – открытость торговцев и бедность кули Кантона.

Кантон предстает как город шумный днем и мертвый вечером: *На улицах всегда было шумно, отовсюду слышалась китайская музыка...* (с. 101); *Уже стало темно. Я решил пересечь весь Кантон и пойти из Дуншаня в Шамянь, где жил в те дни. Город казался мертвым* (с. 146) – дается описание ночи Кантона во время войны, поэтому прилагательное передает безжизненность города.

Стоит отметить, что при описании городов Китая в мемуарах часто встречается прилагательное *торговый* (67 употреблений), например: *Харбин, оживленный торговый город* (с. 73); *Это [Сватоу] был главным образом портовый торговый город* (с. 90); *Уже в XVIII в. он [Кантон] имел большой торговый флот* (с. 227); *Ганьчжоу – довольно большой торговый город* (с. 290);

*Шаогуань превратился в крупный **торговый** город (с. 247); Наньсюн – бойкий **торговый** городок с развитым ремеслом (с. 256); Ухань – огромный **торговый** центр, из которого товары расходятся буквально по всему Китаю (с. 323). В мемуарах также часто используется существительное *торговля* (45 употреблений), что указывает на стремление автора передать мысль о том, что Китай в начале XX века представляет собой торговую страну, которая отличается от России в тяжелом 1921 году.*

Однако в Китае товары недоступны простому народу: *Их были **миллионы и миллионы**, и изобилие было не для них. К тому же слишком часто в этой стране **десятки миллионов** крестьян гибли от голода вследствие наводнений или засух (с. 73).* Редупликация *миллионы и миллионы* и словосочетание *десятки миллионов* с семой множественности передают неравенство между различными слоями общества в этой стране.

В мемуарах используются также подробные описания объектов внутри города (астионимический гипотипозис), таких как здания, парки, магазины и т. д. Но большее внимание уделяется улицам, образ которых создается с помощью эпитета *узкий* или конструкций отрицания: *Как и во всех искони китайских городах, **улицы** были очень **узкими**, шириною в два-три метра (с. 100); Мы остановились здесь в каменных башнях общественного сада и, отдохнув, пошли бродить по **узким улицам** городка [Наньсюн] (с. 256); На **единственной широкой улице** городка [Сватоу] большая демонстрация (с. 94); Ни моста, ни **широкой улицы не было**, и подъехать к вокзалу можно было только на лодке или на катере (с. 245).*

С помощью логического сравнения *как и во всех искони китайских городах* подчеркивается, что наличие узких улиц характерно для китайских традиционных городов. Лексема *улучки* в сочетании с прилагательным *узенькие* выполняет роль интенсификации признака: кроме слов *улица*, *улучка* также часто встречается в мемуарах и используется вместе с эпитетом *узенький* для уточнения «узкость»: *Унтер через **узенькие китайские улочки** благополучно довел меня до мостика,*

ведущего на остров (с. 146–147); Грабили в узеньких улочках старого города (с. 147); Мы бродили по узеньким, кривым улочкам Учана (с. 325). Широкие улицы построены уже после того, как Китай подпал под влияние Запада: Это была первая широкая магистраль. Сейчас в городе было уже несколько таких улиц, освещенных электричеством, увеличилось число многоэтажных домов. Кантон из старинного китайского города с узенькими улочками превращался в город современный (с. 203).

Таким образом, в тексте мемуаров создается образ Китая как торговой страны; страны контрастов, в которой есть старинные города (Пекин, Шаогуань, Наньсюн, Учан, Наньчан) и современные процветающие мегаполисы (Шанхай, предстающий в образе сосуда, залитого светом); страны, многомиллионный народ в которой живет бедно, умирая от голода, несмотря на изобилие товаров.

3. Тактика описания политических массовых движений

Образ Китая включает и образ массовых революционных или политических мероприятий, таких как забастовочное движение, манифестации, митинг, политическая встреча, рабочее движение, демонстрации, забастовки, студенческая демонстрация, антиимпериалистическое движение, стачечное движение. Например: *Улицы Кантона всегда были запружены: то демонстрацией забастовщиков, то манифестацией в честь побед Национально-революционной армии, то демонстрацией торговцев, то уличными митингами (с. 209); В городе в связи с нашим приездом состоялся большой митинг... А ведь это было не в Шанхае и не в Ханькоу; это было в Ваньане, далеком городке, связанном с внешним миром только протекающей здесь небольшой рекой; это было в Ваньане, который не обозначен на карте, потому что в нем было всего лишь 3 тыс. жителей (с. 298). Активное отношение народа к политической жизни доказывается и на логическом уровне: отмечается, что революция глубоко укоренилась в Китае.*

В описании часто метафорически используется глагол *вспыхнуть*, подчеркивающий внезапность политических событий: *То здесь, то там*

вспыхивали отдельные забастовки (с. 108); В этой обстановке *вспыхнула* забастовка рабочих на соляных запрудах и скотобойнях Юга (с. 144); Вскоре после расстрела рабочих Пекин-Ханькоуской ж. д. и кровавого подавления студенческой демонстрации в Пекине антиимпериалистическое движение *вспыхнуло* с новой силой в связи с так называемым «линьчэнским инцидентом» (с. 174). Однако в описании революционных движений встречаются и более яркие сравнения и метафоры, ассоциативно связывающие движения с неуправляемыми стихиями: *Демонстрация была похожа на красную лавину* (с. 109); *Все это двигалось лавиной, расцвеченной синими гоминьдановскими флагами, красными государственными знаменами и белыми транспарантами и лозунгами* (с. 209); *Расстрел демонстрации в Шанхае вызвал подлинную антиимпериалистическую бурю во всей стране* (с. 187).

В мемуарных описаниях революционных и политических движений С. А. Далина используются качественные прилагательные *массовый, большой, огромный* с семантикой масштабности явления: *Наконец забастовочное движение приняло массовый характер* (с. 108); *Днем на следующий день состоялась огромная манифестация на площади Кантонского университета имени Сунь Ятсена* (с. 215); *В городе в связи с нашим приездом состоялся большой митинг* (с. 298). Это способствует, в свою очередь, созданию образа китайского народа как активного участника в борьбе. Названные прилагательные используются также в сравнительной и превосходной степенях: *12 ноября 1926 г. манифестация носила более широкий характер, чем 7 ноября* (с. 216); *Вечером состоялся трехсоттысячный митинг, самый большой из всех, которые мы видели на своем пути* (с. 324); *Здесь состоялась самая массовая, самая восторженная встреча, в которой приняли участие даже союзы нищих и слепых* (с. 290); *...она была вся заполнена огромнейшей манифестацией...* (с. 323).

Другая группа прилагательных (*ожесточенный, бурный, могучий, грозный*) характеризует образ политических событий в аспекте их интенсивности, эмоциональности: *Началась борьба, принявшая ожесточенный характер*

(с. 108); *Это вызвало негодование во всей стране и послужило непосредственной причиной нового **бурного** подъема антиимпериалистического движения* (с. 187); *Начались демонстрации, становившиеся все более **могучими и грозными*** (с. 325). С двух сторон дается характеристика рабочего движения в Кантоне – со стороны его масштаба и интенсивности: *Рабочее движение в Кантоне **бурно разрасталось*** (с. 225).

Автор выражает положительно-оценочное отношение к тем, кто осуществляет революционную борьбу: *Шанхайские рабочие **самоотверженно** боролись за улучшение своего положения* (с. 196); *Импровизированная трибуна и митинг. <...> Гром оваций. Летят вверх шапки. Громкие восторженные крики во время речи. Мы стояли как **зачарованные**. **Таких взрывов революционного энтузиазма мы еще не видели*** (с. 315).

Субъекты революции описываются с помощью лексем с семой «множественности», способствующие гиперболичности образа: *миллионы* – в роли существительного; числительные *тысячи, сотни*, существительные *толпа, колонны*. Например: *Здесь поднялись **миллионы**, которые верили, что Национально-революционная армия и национальное правительство дадут им все, о чем они мечтали...* (с. 257); *Металл звенел в гуле **толпы**, полыхали тысячи знамен* (с. 324); *Шли колонны рабочих. **Сотни и сотни** знамен* (с. 109); ***Сотни и сотни тысяч** рабочих, студентов, мелких торговцев, интеллигентов со знаменами, пением революционных песен двигались к пристани, приветствуя национальное правительство и русских советников* (с. 323). Множественные формы количественных числительных (*сотни, тысячи и миллионы*) используются не для обозначения определенного количества, а для подчеркивания неопределенного множества, неопределенно большого количества. В контексте мемуаров эти формы актуализируют признак масштабности революционных событий и выполняют эмоционально-оценочную функцию (выражение удивления революционным энтузиазмом китайского народа).

Увлеченность китайского народа революционными идеями неоднократно подчеркивается автором с помощью различных средств – как тропеических (например, гиперболой-эпитетом: *Издавна уже слышалась музыка и видны были толпы народа, которые вышли из Даоя встречать нас. Это была действительно всенародная встреча* (с. 258)), так и – намного реже – нетропеических (например: *...всюду чувствовалась потенциальная мощь масс, вышедших на улицы и площади с портретами Сунь Ятсена и В. И. Ленина* (с. 258)). Причем в мемуарах используются устойчивые (не индивидуально-авторские) метафорические гиперболы: *Коммунист кончил доклад, сопровождаемый бурей аплодисментов и возгласами «хао, хао!»* (с. 294); *Выступает Бородин. Гром оваций* (с. 315); *Бурлило людское море на митингах, где гоминьдан не скупился на безответственные обещания. Все кипело, горело, всюду чувствовалась потенциальная мощь масс...* (с. 258). В последнем примере метафорические модели «Митингующий народ – это море», «Движение масс – это кипящая вода и огонь» дополняют огненный образ Китая и передают накал революционной борьбы. Создается образ революции как бушующего, кипящего людского моря с громом и бурями.

Настроения народа также передаются с помощью метафорических моделей с семантикой огня: *Все кипело, горело...* (с. 258); *Огнем горели глаза, трепетали сердца людей* (с. 324). Накал чувств передает фразеологизм *рвать на части*: *Бородин был одной из самых популярных фигур в Китае. Здесь, в Ганьчжоу, его буквально рвали на части, просили, чтобы он выступал на каждом митинге* (с. 290) – с помощью гиперболы *рвали на части* образно описывается приветствие представителей Советского Союза в Китае.

Таким образом, для мемуаров С. А. Далина характерен метафорический тип описания революционных событий и массовых движений, причем оценочное описание осуществляется с разных сторон: численности, масштабности, интенсивности. В создании образа общественно-политической жизни Китая начала XX века большую роль играют обобщенные метафорические модели:

«Революционное событие/движение – это стихийное бедствие (лавина, буря, огонь)», «Китайский народ – это бушующее, кипящее море с революционными громом и бурями».

4. Тактика хорографии (описание традиций и обычаев)

В мемуарах С. А. Далина получили описание также традиции (питание, жизненные привычки, семейные традиции, верования и т. д.) и обычаи Китайского народа. Используемая им тактика называется хорографией.

Автор мемуаров много раз посещал китайские банкеты, поэтому в мемуарном тексте он дает подробную характеристику церемонии гостеприимства (чаепитие) китайцев и их банкетных блюд: *Это члены комитета. Знакомимся. Вручают мне свои визитные карточки. Начинается обычное в Китае чаепитие, церемония гостеприимства, такая же, как угощение чашечкой кофе в Европе* (с. 91); *После митинга состоялся банкет. Это был обильный китайский ужин, с супом из плавников акулы, вкусно приготовленными курами и утками, китайскими пряностями, ласточкиными гнездами* (с. 247–248). С помощью языковых единиц, обозначающих китайскую церемонию гостеприимства (чаепитие) и традиционные блюда (глюттонимы: *суп из плавников акулы, китайские пряности, ласточкины гнезда*), формируется образ Китая как восточной страны с национальной культурой гостеприимства и питания.

Уникальность китайских обычаев также отражается в действиях китайцев, которые громко разговаривают во время просмотра театра. Эта разница обычая между Китаем и Россией подчеркивается наречием-эпитетом *непривычно*: *Непривычно для нашего театра вела себя публика. Во время представления громко разговаривали, смеялись, входили в зал и выходили, пили чай* (с. 95).

Семейная традиция и конфуцианская «сыновья почтительность к родителям» в Китае репрезентирована в мемуарах с помощью описания дома, в котором все члены родовой общины живут вместе, а также поведения матери и сына в ситуации прощания: *Сразу же возникали вопросы: почему дом под одной крышей? Почему крестьянская семья не живет в отдельном доме,*

в своей избе? **Совершенно очевидно**, что под одной крышей жило более широкое объединение, чем семья в привычном для нас смысле слова. **И действительно**, в длинном доме жили все родичи, целая родовая община. <...> Продать землю, унаследованную от отца, и не передать ее по наследству сыновьям даже в двадцатых годах считалось большим грехом (с. 270); старуха с забинтованными ногами приехала на рикше проводить своего сына. Он отправлялся с нами в качестве переводчика. Сын кланялся почтительно и грациозно, мать что-то шептала, но не было никаких поцелуев и объятий. В Китае это не принято (с. 245).

Приведенные выше фрагменты, описывающие китайскую семейную традицию, показывают другую структурную характеристику мемуаров С. А. Далина: сочетание композитов-размышлений и композитов-описаний, что выражается вопросительным словом *почему*, вводными оборотами *совершенно очевидно*, и *действительно* и рассуждением *не приятно*.

Китай начала XX века – страна с множеством верований, в ней сосуществует как даосизм, буддизм, так и преклонение над небом, землей и предками. Автор мемуаров уделяет внимание описанию различных зданий, находящихся в сельской местности и религиозной деятельности: *В селах этих имелись маленькие кумирни, и перед изображением богов тлели тоненькие свечки. Часто кумирня была мала и грязна, но местами встречались небольшие, выложенные из кирпича и заботливо убранные, чистые не то кумирни, не то храмы предков* (с. 253); *...толпа вокруг столика, за которым сидит гадальщик. В том же Даяе по улицам ходили монахи с литаврами и изгоняли из каждого дома, из каждой лавки злых духов. Монах заходил в жилище и поджигал бумажный мешочек с самодельным порохом. Порох вспыхивал ярким пламенем, облако дыма застилало жилище. Так «выжигались» и изгонялись злые духи, что сопровождалось неугомонным и сокрушительным боем в литавры* (с. 258–259). С помощью религионимов (кумирня, гадальщик, храмы предков) и других единиц

(*изображение богов, монах, злые духи*) передается религиозность китайских деревень.

Как видим, тактика хорографии реализуется с помощью автологии (автологической речи), то есть нетропеическим способом, но с широким использованием специализированных онимов (религионимов, глуттонимов).

Таким образом, для мемуаров С. А. Далина характерны описания политических деятелей (милитаристов, коммунистов, представителей партии Гоминьдана), политических массовых движений, городов и деревень, представителей народа, его традиций и обычаев, и каждое из этих описаний представляет собой компонент целостного образа страны, для создания которого используются разнообразные языковые и речевые средства.

3.5. Тактики рассуждения и их роль в создании образа Китая

Для мемуаров С. А. Далина характерны следующие тактики, реализующие стратегию рассуждения: тактика аргументирующего цитирования, тактика историко-фактологического разъяснения и тактика выражения оценки в аргументации.

1. Тактика аргументирующего цитирования

С. А. Далин обращает внимание читателей на то, что его текст не является историческим документом, но в процессе рассуждения он цитирует ценные исторические материалы: правительственные документы, записи разговоров, данные протоколов следствия, письма, сообщения газеты, лозунги. Так, для обоснования своего негативного отношения к факту плохих условий жизни китайских рабочих, их вынужденной борьбы за улучшение своего социального статуса автор использует цитату из воспоминаний известной личности (аргумент к авторитету): *Положение китайских рабочих как на китайских, так и на иностранных фабриках и заводах было ужасным* [тезис]. *Шервуд Эдди, международный секретарь Христианского союза молодых людей, которого никак нельзя было заподозрить в предвзятости и пристрастии* [далее

аргумент], так описывал положение рабочих на шанхайских текстильных фабриках: «Ранним утром мы посетили современную хлопчатобумажную фабрику, находящуюся под управлением иностранцев. Мальчики и девочки от 7 до 12 лет работают здесь в дневных и ночных сменах, получая за это по 8 центов в день. Рядом с ними работают их матери, которые получают заработную плату чуть больше, чем дети. Тут же время от времени нам попадались на глаза маленькие дети. Они или спали на кучах брака, или играли около тех самых машин, на которых их матери работали всю ночь напролет» (с. 196). В приведенном фрагменте текста эксплицитно выражены тезис автора (*Положение китайских рабочих как на китайских, так и на иностранных фабриках и заводах было ужасным*) и аргумент в виде цитаты авторитетного источника.

В описании политических событий, рабочих стачек и забастовок широко используются цитаты из газет, воссоздающие образ событий того времени, например: *Газета «Гильд-Пресс» – орган кантонской торговой палаты – 1 октября 1926 г. сообщила о том, как развернулись последующие события: «По получении петиции (петиции хозяев швейных мастерских) директор бюро общественной безопасности приказал полицейским участкам усиленно защищать швейные предприятия и в случае конфликта между хозяевами и рабочими немедленно посылать отряд полиции для подавления беспорядков. Если кто-либо не будет подчиняться приказаниям полиции, он должен быть препровожден для расследования в бюро общественной безопасности»* (с. 222). Выдержка из газеты является аргументом в пользу тезиса: *В целях ликвидации стачечного движения правительство, прикрываясь своей якобы надклассовостью и беспристрастностью, учредило государственный арбитраж для разбора конфликтов между рабочими и предпринимателями. На деле же государственные арбитры становились на сторону хозяев, которые брали рабочих измором* (с. 221–222). С помощью цитаты из газеты «Гильд-Пресс» доказывается тезис о предвзятости государственных арбитров.

В качестве аргументов сформулированного выше тезиса в мемуарах приведены также фрагменты письма Совета рабочих делегатов провинциальному правительству: *Лишь в исключительных случаях рабочим приходилось арестовывать нарушителей забастовок, бойкотировать фабрики и магазины, держать арестованные товары на складе союза, возвращая их после разрешения конфликта. Они делают это не для своего удовольствия. Ответственные представители власти не разбирают конфликтов с желаемой быстротой. Например, когда бывший руководитель отдела труда и земледелия правительства ушел со своего поста, он оставил после себя 1700 неразрешенных конфликтов рабочих с предпринимателями (с. 224–225).*

В мемуарах цитируется также объявление гоминьдановской администрации о продаже с торгов права на сбор налогов, выполняющее роль аргумента: *Объявление Южноцзянсийского финансового комитета. 11 ноября получена телеграмма от директора провинциального финансового комитета, в которой он сообщает о решении продать купцам с торгов управление всеми объединенными налоговыми учреждениями. Торги на продажу провинциального налогового управления, а равно и налоговых управлений, расположенных в других городах, будут производиться в здании Провинциального собрания. Продажа остальных (т. е. уездных) управлений должна быть произведена на месте. Инструкции высылаются, а телеграмма посылается для того, чтобы местные финансовые комитеты немедленно установили сроки торгов. При покупке налоговых учреждений деньги должны быть уплачены наличными. В соответствии с этим распоряжением мероприятие это проводится здесь, в Нанькане. Срок и условия торгов будут сообщены позже. Мы надеемся, что все купцы, знакомые с положением различных объединенных налоговых управлений и желающие по контракту купить их, придут в ямынь для ознакомления с соответствующими инструкциями (с. 259–260).* Прием цитирования служит обоснованием тезиса о буржуазном характере гоминьдановского правительства:

Этот документ <...> лучше всего говорил о классовой природе нового правительства в Цзянси (с. 260).

Для доказательства недовольства народа притеснениями властей и влиянием Коммунистической партии Китая на население в мемуарах приводится большое количество высказываний из лозунгов и плакатов, которые автор видел на улице, на банкете и во время демонстрации. Приведем следующие примеры: *Самым интересным на банкете были длинные плакаты-лозунги, развешанные в зале. <...> Вот эти лозунги. Дух Ленина живет среди нас! Дух Ляо Чжункая живет среди нас! Отмените все незаконные и грабительские налоги! Требуем уничтожения лицзиня! Крестьяне и рабочие имеют право сопротивляться налоговому гнету! Установите максимальную норму арендной платы за землю! проводите политику в интересах рабочих и крестьян! Улучшите положение рабочих и крестьян! Народ имеет право на свободу слова, собраний и печати! Организуйте хорошее провинциальное правительство! Примите меры к снижению цен на товары и урегулируйте денежное обращение! Увеличьте жалованье учителям низших школ!* (с. 302). Вслед за этими цитатами приводится утверждение: *В этих лозунгах чувствовалось недовольство притеснениями властей, ибо никто никогда не требует того, что он уже имеет. В то же время на основании этих лозунгов можно было заключить о значительном влиянии коммунистов на местное население* (с. 302).

Обращение С. А. Далина к архивным источникам можно объяснить такой закономерностью: «Чем меньше память переживаема внутренне, тем более она нуждается во внешней поддержке и в осязаемых точках опоры, в которых и только благодаря которым она существует» [Проблематика мест памяти, 1999, с. 28].

Таким образом, в мемуарах С. А. Далина стратегия рассуждения реализуется с помощью тактики аргументирующего цитирования: приводятся цитаты из правительственных документов, записей разговоров, данных протоколов следствия, писем, сообщений газет, лозунгов и плакатов. Рассуждение

автора подтверждено реальными свидетельствами, отражающими его стремление к объективности.

2. Тактика историко-фактологического разьяснения

В мемуарах упоминаются реальные исторические события в Китае в начале XX века – как те, свидетелем которых был С. А. Далин, так и те, о которых он получил информацию, наводя исторические справки. Например, автор пишет: *И если все же в некоторых случаях приходилось прибегать к историческим справкам, то это делалось только для объяснения тех или иных событий, о которых здесь говорится* (с. 12). Разьяснения исторических событий помогают более полно воссоздать образ Китая того времени.

С. А. Далин как представитель Коминтерна уделяет внимание политическим и революционным движениям в Китае, особенно революционному движению Гоминьдана и Гуанчжоуского национального правительства во главе с Сунь Ятсеном (впоследствии Чан Кайши). Для тактики историко-фактологического разьяснения характерны указания на даты событий, когда Сунь Ятсен совершил ряд революционных действий. Приведем некоторые примеры: *В 1905 г. Общество возрождения объединилось с двумя другими тайными революционными организациями. Была создана новая революционная партия – Союзная лига, которая трижды поднимала восстание: в 1906, 1907 и 1908 гг.* (с. 120); *Учанское восстание 1911 г. послужило началом китайской революции. Сунь Ятсен в декабре того же года возвратился в Китай и был избран временным президентом республики* (с. 120); *В 1912 г. Союзная лига реорганизуется в гоминьдан (Национальная партия), который под руководством Сунь Ятсена поднимает восстание против Юань Шикая в 1913 и 1914 гг.* (с. 121); *Сунь Ятсен созвал в Кантоне депутатов распущенного реакционерами в 1917 г. парламента. В начале 1921 г. депутаты объявили себя всекитайским парламентом и избрали «единственного законного президента Китайской республики» Сунь Ятсена* (с. 96); *В феврале 1923 г. Сунь Ятсену при помощи войск понофильской аньфуистской группировки удалось разбить армию Чэнь*

Цзюньмина, изгнать ее из провинции Гуандун. 21 февраля Сунь Ятсен возвратился Кантон и образовал здесь новое гоминьдановское правительство (с. 163); В середине 1923 г., после того как укрепилось положение правительства Сунь Ятсена на Юге, он посылает в Москву делегацию во главе с Чан Кайши для ведения переговоров о различных формах помощи кантонскому правительству (с. 165).

Фактологическая точность, о которой свидетельствует указание на даты (годы и месяцы), позволяет проследить революционную биографию Сунь Ятсена, играя незаменимую роль в формировании его образа как «настоящего революционера», а также формирует образ Китая как страны, которая переживает волну революций и претерпевает колоссальные исторические изменения. Помимо фактологической точности, повествование об исторических событиях отличается нетропеичностью и безоценочностью, что отражает жанровый характер мемуаров – фактографичность.

С. А. Далин уделяет внимание также пролетарскому революционному движению в Китае. В тактике разъяснения используются политические термины: наименования групп и совокупностей лиц (*всекитайские съезды рабочих союзов, Социалистический союз молодежи, коммунистических организаций различных провинций*); наименования, отражающие функционирование органов власти (*Центральное бюро Коммунистической партии Китая, Всекитайский секретариат рабочих союзов*). Например: *На всекитайские съезды рабочих союзов и Социалистического союза молодежи в Кантон приехало много коммунистов. Прибыли и два члена Центрального бюро Коммунистической партии Китая: Чэнь Дусю и Чжан Готао. Последний возглавлял созданный партией в 1921 г. Всекитайский секретариат рабочих союзов, который провел всю подготовительную работу по созыву Всекитайского съезда рабочих союзов. Среди делегатов обоих съездов были руководители коммунистических организаций различных провинций. <...>*

На совещании присутствовало человек 20–25. Следует сказать, что в то время членов партии в стране было всего только около 125 человек. Таким образом, здесь была почти пятая часть всей партии (с. 110–111). На тактику историко-фактологического разьяснения указывает сочетание «*следует сказать, что и таким образом*», объясняющее небольшой численный состав совещания.

В историко-фактологических разьяснениях используются конструкции субъективизации («*следует сказать, что*», «*легко установить, что*», «*казалось, что*», «*стало очевидным, что*», «*было очевидно, что*», «*совершенно очевидно, что*» и т. д.): *Взглянув на карту Китая, легко установить, что ни одна из союзных с Сунь Ятсеном провинций не примыкала непосредственно к Гуандуну (с. 134); Ведь он был первым, кто в дни революции 1911 г. по поручению Сунь Ятсена обратился к державам с нотой, в которой заверял, что революция ни в какой мере не затронет интересов иностранцев. Казалось, что вместе с У Тинфаном они провозжали теперь в могилу и это заверение (с. 149); Стало очевидным, что нельзя рассматривать революцию только как военную борьбу, откладывая глубокие социальные реформы до полной военной победы; Было очевидно, что полиции стало известно о моем пребывании в Шанхае от какого-то студента-гоминьдановца, желавшего поехать учиться в Университет имени Сунь Ятсена (с. 201). Совершенно очевидно, что буржуазно-демократическая революция в Китае в XX столетии должна была так или иначе решить рабочий вопрос, дать что-то конкретно рабочему классу, улучшить его положение (с. 213).*

Таким образом, тактика историко-фактологического разьяснения используется в контекстах о классовой борьбе и революционном движении в Китае и характеризуется фактологической точностью и нетропеичностью (указание дат событий, использование политических терминов). Мемуары С. А. Далина отличаются ретроспективностью мемуарного повествования, основанной на документах различного типа, а не только воспоминаниях.

3. Тактика выражения оценки в аргументации

Средства выражения оценки используются автором как в формулировках тезисов, так и в аргументах.

Автор аксиологически по-разному выражает свое отношение к Гоминьдану и Компартии Китая, а также к их представителям. Образ Гоминьдана (правлящей политической партии) в мемуарах является в целом отрицательным, о чем свидетельствуют характеризующие его эпитеты, используемые в формулировке тезиса: *Говорили мы и о гоминьдане. Организационно **партия** была очень **слаба и расплывчата**, трудно было назвать ее партией в современном смысле этого слова* (с. 132).

Иной – отрицательный – образ Гоминьдана создается в описании освобожденных от милитаристов провинций. Аксиологически позитивная оценка передается с помощью языковой метафоры *революционная весна* и подчеркивается синтаксическим параллелизмом, усиливающим позиционно-лексический повтор: *Иначе было в Цзянси, а затем в Хубэе и вообще во всех только что освобожденных провинциях. Они переживали **революционную весну**. [далее аргументы] Здесь поднялись миллионы, которые верили, что Национально-революционная армия и национальное правительство дадут им все, о чем они мечтали: арендатор верил, что избавится от гнета землевладельца и чиновников; рабочий – что получит менее продолжительный рабочий день и достаточную для скромной жизни заработную плату; нищие – что они будут сыты; мелкая буржуазия – что она будет спокойно торговать и богатеть* (с. 257). Показаны ожидания народа в китайских провинциях Цзянси и Хубэй от гоминьдановской революции.

Однако контекстуальный анализ показывает, что в мемуарах сравниваются разные взгляды жителей Гуандуна, Цзянси и Хубэй на революцию. Для народа Гуандуна, людей, первоначально переживших революцию, гоминьдановская революция не принесла никаких изменений, что подчеркивается лексическим повтором аргументации: *Проходя по деревням и городкам Гуандуна, мы **не чувствовали там революционного подъема***. [далее аргументы, подтверждающие

отсутствие революционного подъема] <...> С точки зрения крестьян положение вещей не изменилось. **Тот же** земельный собственник, сдававший на кабальных условиях землю в аренду крестьянам, **тот же** иэньши, **те же** налоги, **то же** взяточничество. Отсюда – разочарование крестьянства и безразличие к национальному правительству (с. 257). Прием контекстуальной антитезы (революционная весна и не чувствовали революционного подъема), показывающей отношение жителей в разных провинциях к гоминьдановской революции, позволяет провести автору мысль о псевдореволюционности Гоминьдана.

В описании Гоминьдана и его представителей существует исключение – Сунь Ятсен. В 1922 году С. А. Далин впервые встретился с Сунь Ятсеном. Он пишет в мемуарах о своем первом впечатлении при виде этого человека, используя эпитеты и метафорическое сравнение: *В его лице и жестах выражение невозмутимого спокойствия, медлительность движений создавала впечатление некоторой флегматичности <...> Глаза у Сунь Ятсена были карие, очень живые, с огоньком, напоминавшие глаза В. И. Ленина. Я поразился этому сходству глаз* (с. 123). Создается образ спокойного и в то же время активного человека. Для коммуниста сравнивать глаза Сунь Ятсена с глазами В. И. Ленина – значит выдвигать тезис: Сунь Ятсен был настоящим революционером. В мемуарах подробно описывается неудачная буржуазно-демократическая революция, возглавляемая Сунь Ятсеном, однако, несмотря на этот факт, С. А. Далин характеризует положительно политического лидера, используя актуализаторы-эпитеты, в роли которых выступают не только существительные, прилагательные, метафорические глаголы, но и причастные обороты: *Мне часто приходилось спорить с ним о путях китайской революции, но это был спор с революционером, пережившим много поражений в своей борьбе, но никогда не подавшим духом, с человеком, который в полном смысле слова болел и страдал, глядя на свою родину, которую грабили китайские милитаристы и иностранные империалисты* (с. 145); *Он делал ошибки <...> Но Сунь Ятсен всегда оставался революционером не только по существу своей деятельности, но и по всему*

своему духу, по своим субъективным качествам (с. 145–146); Сунь Ятсен был человеком другого склада, чем его коллеги. Как **истый революционер**, он не скрывал своего отношения к людям, к событиям (с. 206); Теперь, в часы, когда мы говорили о Сунь Ятсене, этот **мужественный** человек не поддавался панике. Он оказывал **упорное** сопротивление мятежникам (с. 146).

По сравнению с отрицательным отношением к партии Гоминьдана, признание революционности Компартии Китая выражается с помощью эпитетов позитивно-оценочной окраски: *вдумчивый, замечательных людей, подлинные товарищи, беззаветной, исключительной самоотверженности и аскетизма, большой моральной чистоты и беззаветной преданности: Молодой вдумчивый человек, он резко отличался от той гоминьдановской среды, к которой мы уже достаточно привыкли (с. 297); ...мы еще раз убедились, каких замечательных людей имела китайская компартия. [далее оценочные аргументы] Это были подлинные товарищи, люди исключительной самоотверженности и аскетизма, большой моральной чистоты и беззаветной преданности делу китайского пролетариата (с. 297).*

Прослеживается аксиологическая оценка партий по параметру «свой – чужой», связанная с политическими взглядами автора мемуаров, который является коммунистом. Об этом свидетельствует использование эпитетов с семантикой «свой, близкий по духу», характеризующих представителей Коммунистической партии Китая: *Китайский коммунист резко выделялся среди окружающих даже по своему внешнему виду, не говоря о манерах и обычаях, которые мало чем отличались от наших. Это был **родной** нам человек не только по убеждениям, но и по духу (с. 297).*

Средства выражения авторской оценки в аргументации используются как в формулировке тезисов, так и в аргументах

Подводя итоги, отметим, что в мемуарах С. А. Далина тактика аргументирующего цитирования и тактика историко-фактологического разъяснения отражают стремление автора к объективности; в то же время тактика

выражения оценки в аргументации помогает ему выразить оценочное отношение к разным политическим партиям (положительное – к коммунистической, отрицательное – к Гоминьдану).

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

Глобальной коммуникативно-речевой стратегией мемуаров С. А. Далина является имиджево-мемориальная стратегия, соответствующая коммуникативно-прагматической цели текста: написать о том, что автор видел, слышал в Китае начала XX века и что он думает об этом. Эта стратегия реализуется четырьмя внутрижанровыми коммуникативно-речевыми стратегиями, воссоздающими образ Китая того времени: номинативной, нарративной, дескриптивной и стратегией рассуждения.

Анализ тактик номинативной стратегии (тактики номинирования ключевого образа-концепта и объектов, названных языковыми/речевыми единицами, производными от слова Китай) показал: ключевым номинатом исследуемого образа является слово *Китай*, которое употребляется 472 раза, в отличие от единичных употреблений словосочетаний *Поднебесная империя* и *Китайская Республика*. Анализ ассоциативно-смысловых цепочек со словами, производными от слова *Китай*, показал высокую частотность словосочетаний таких тематических групп, как «социальный класс», «пространственно-территориальные объекты» и «на-сильственные изменения власти», что связано со стремлением автора создать образ социальной стратификации Китая начала XX века. Китай предстает как страна политической борьбы и революций.

Нарративная стратегия реализуется с помощью тактики констатирующего нарратива и тактики оценочного нарратива. В констатирующем нарративе широко используются топонимы (хоронимы, астионимы, комонимы, пелагонимы и гидронимы), лексика с семантикой передвижения. Анализ топонимов позволяет составить географический образ-схему Китая, отражающую трехкратное пребывание автора мемуаров в Китае, и сделать вывод о воплощении в тексте

топонимической картины восточной и юго-восточной части Китая начала XX века. Упоминание других мест (*Сычуань, Хунань, Цзянси, Шаньси, Аньхуэй, Фуцзянь, Хубэй* и др.) характерно для описательных вкраплений о политической ситуации в стране в целом. Динамика перемещения по стране создается с помощью лексики с семантикой передвижения, причем частотно использование слова *пешком*, актуализирующее идею «полевости экспедиции».

Основное внимание автора мемуаров сосредоточено на китайских людях, городах и деревнях, политических массовых движениях, традициях и обычаях народа. Дескриптивная коммуникативно-речевая стратегия реализуется в мемуарах при помощи целого ряда тактик, выделенных нами на основе типов описательных композитов. Тактика описания политических фигур характеризуется использованием антропонимов, обозначающих политиков трех типов: милитаристов; гоминьдановских фигур и коммунистов, – что в совокупности позволяет создать образ политически разрозненного государства. Стилистический анализ позволяет говорить о том, что в тексте репрезентируется негативно-оценочный образ Гоминьдана, отражающий ироническое отношение автора к представителям правящей власти Китая, и в то же время позитивно-оценочный образ Коммунистической партии Китая. В мемуарах С. А. Далина широко используется тактика преимущественно нетропеического и сочувственного описания обычных людей разного возрастного и социального статуса: это нищие, рикши, кули, рабочие, крестьяне, оборвыши (о детях) и т. д.

Тактика астионимического гипотипозиса, реализующаяся с помощью многочисленных эпитетов и метафор, позволяет автору, с одной стороны, создать образ процветающих китайских городов, о чем свидетельствует частотное использование слов, входящих в ассоциативно-смысловое поле «торговля», с другой стороны – выразить противоречивые чувства восхищения увиденным в городах и сочувствия простому крестьянскому народу, для которого многие блага цивилизации оказываются недоступными.

Тактика описания политических массовых движений позволяет автору детализировать политический образ страны путем наименований массовых революционных или политических мероприятий, таких как забастовочное движение, манифестации, митинг, политическая встреча, рабочее движение, демонстрации, забастовки, студенческая демонстрация, антиимпериалистическое движение, стачечное движение. В их описании используются метафоры стихийных бедствий (огня, бури, лавины), прилагательные с семантикой «масштабности» и «интенсивности» мероприятий, гиперболы, основанные на редупликации множественных форм количественных числительных и другие приемы, создающие динамический образ политических событий в Китае и образ митингующего народа, революционные движения которого подобны кипящей воде/морю. В целом для мемуаров С. А. Далина характерен метафорический тип описания революционных событий и массовых движений с разных сторон: численности, масштабности, интенсивности.

Тактика хорографии, основанная на использовании наименований блюд (глуттонимов), религиозных объектов и предметов (религионимов), создает преимущественно нетропеический и в то же время оценочный образ Китая как восточной страны с национальной культурой гостеприимства и питания.

Ретроспективность мемуарного повествования в стратегии рассуждения создается контекстами не только воспоминания, но и цитирования исторических материалов, таких как правительственные документы, записи разговоров, данные протоколов следствия, письма, сообщения газеты, лозунги и плакаты. Обращение к этим документам выполняет роль доводов в тактике аргументирующего цитирования, позволяющей автору воссоздать образ событий того времени, обосновать свое негативное отношение к тем или иным явлениям (действиям гоминьдановского правительства, условиям жизни рабочих). Тактика историко-фактологического разъяснения характеризуется точностью и нетропеичностью: указанием на даты событий (годы и месяцы), позволяющим создать образ деятельности того или иного политического субъекта, и количество

присутствующих на мероприятии человек; использованием политических терминов (наименований организаций и органов власти) и лексических связок в рассуждении. Тактика выражения оценки в аргументации, также реализующая стратегию рассуждения, представляет собой коммуникативно-речевое действие, основанное на вкраплении в тезис или аргумент языковых/речевых средств выражения эмоционально-оценочного отношения к тому или иному явлению, событию. В ее языковом оформлении используются поляризованные оценочные эпитеты и контекстуальная антитеза, позволяющие создать негативный образ партии Гоминьдана противопоставить его позитивному образу Компартии Китая.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понятие «образ страны» прочно вошло в языкознание, став одним из основных в системе терминов понятий нового научного направления – лингвистической имагологии.

В Китае исследования вербального образа страны осуществляются по двум направлениям: исследование образа другой страны и исследование образа своей страны в разных лингвокультурах. Работы в области первого направления имеют практико-ориентированный характер – осуществляются с целью познания себя, дальнейшего поиска путей и способов улучшения имиджа своей страны, особенно за рубежом.

Российские работы в области лингвоимагологии характеризуются дискуссией о ее научном статусе и предмете исследования. В данной диссертации за основу взята концепция лингвоимагологии как научного направления, изучающего специфику вербального воплощения образа «своего» и/или «чужого/другого» (страны, народа, культуры) в текстах и дискурсах различного типа. Изучение образа страны в мемуарном дискурсе способствует развитию лингвоимагологических исследований в России.

Особое внимание мемуарному дискурсу в современном языкознании обусловлено признанием культурной и исторической значимости мемуарных текстов. Жанровой статус мемуаров (документальный, документально-художественный, документально-публицистический или собственно публицистический жанр), их основные жанрообразующие признаки и классификации связаны со стилевой спецификой конкретного текста, соотношением в нем документальности, публицистичности и художественности. Мемуары изучаются в разных лингвистических аспектах: прагматическом, культурологическом, персонологическом, гендерологическом и экспертно-переводческом. Представленный в нашем исследовании дискурсивно-имагологический аспект разрабатывается впервые.

В процессе исследования мемуарных текстов двух авторов в заявленном аспекте получены следующие результаты.

Коммуникативно-прагматический анализ материала исследования показывает, что образ Китая, репрезентированный в мемуарном дискурсе, определяется глобальной коммуникативно-речевой стратегией авторов текстов, соотнесенной с коммуникативно-прагматической целью (сверхзадачей) их написания: в мемуарных записках Б. С. Колоколова это мемориально-информационная стратегия, соотнесенная с эксплицитно выраженной в тексте целью запечатлеть на бумаге информацию о жизни своей семьи в Китае, о судьбах дорогих и близких автору людей; в мемуарах С. А. Далина это имиджево-мемориальная стратегия, соотнесенная с эксплицитно выраженной целью написать не только о том, что автор видел и слышал в Китае, но и о том, что он думает. И та и другая стратегии характеризуются общностью трех основных внутрижанровых коммуникативно-речевых стратегий, или субстратегий (номинативной, нарративной и дескриптивной), но отличаются композиционно (наряду со сверхзадачей это предопределило особенности четвертой тактики у каждого из них) и определенной спецификой их языкового/речевого выражения.

Композиционный анализ произведений, основанный на содержательно-функциональном выделении композиционных блоков (композитивов), позволяет сделать вывод о реализации в текстах мемуарного дискурса композиции разного типа: нарративно-описательной в мемуарных записках Б. С. Колоколова и описательно- или повествовательно-аргументационной в мемуарах С. А. Далина. Ретроспективность мемуарного повествования в записках Б. С. Колоколова основана на воспоминаниях, в мемуарах С. А. Далина – дополнительно на обращении к документальным источникам.

Номинативная стратегия как выбор способа наименования элемента внеязыковой действительности, связанного с создаваемым образом Китая, реализуется с помощью двух тактик: тактики номинирования ключевого образа-концепта и тактики наименования объектов с использованием единиц,

производных от слова *Китай*. Ключевым номинатом образа является слово *Китай*, которое по частотности в обоих мемуарах значительно превышает другие номинаты, используемые в исторических справках: *Поднебесная*, *Китайская империя* у Б. С. Колоколова и *Поднебесная империя* и *Китайская Республика* у С. А. Далина. Однако в мемуарных записках Б. С. Колоколова в периферийное поле номинатов образа-концепта «Китай» также входит позитивно-оценочное атрибутивное словосочетание *гостеприимная земля* (метонимия), отражающее ценностное отношение автора к этой стране.

Анализ тематических групп со словами, производными от слова *Китай*, показывает, что Б. С. Колоколов в большей степени уделяет внимание пространственно-территориальным объектам Китая (городам, улицам, паркам и т. д.) и китайскому народу в целом; С. А. Далин же – социальной и политической стратификации страны.

Нарративная стратегия связана с повествованием о путешествиях и событиях, произошедших в Китае. Ее анализ позволяет говорить о реализации в мемуарном дискурсе образа-схемы «Китай». Этот образ-схема и в мемуарных записках Б. С. Колоколова, и в мемуарах С. А. Далина создается с помощью цепочки топонимических наименований и лексики с семантикой передвижения. Воссоздание этой цепочки позволяет утверждать, что в мемуарных записках Б. С. Колоколова сформирован образ восточного Китая начала XX века, а в мемуарах С. А. Далина – образ восточных и юго-восточных регионов Китая. Тем самым два эти образа-схемы дополняют друг друга и позволяют создать в дискурсивном мире мемуаров целостный географический образ Китая начала XX века. Путешествие С. А. Далина характеризуется прерывностью и описывается как «полевая экспедиция» (в том числе пешком), что отличается от «скитаний» Б. С. Колоколова, который перемещался только на поезде и пароходе между большими городами Китая. Об этом свидетельствует топонимический ряд: в мемуарных записках Б. С. Колоколова использованы хоронимы и астионимы, а в мемуарах С. А. Далина – как хоронимы, астионимы, так и комонимы. Кроме того,

нарративная стратегия в мемуарных записках Б. С. Колоколова характеризуется оценочностью, выраженной с помощью метафоры (*родное гнездо*) и оценочных эпитетов (*наш, мило, близко и душевно*), раскрывающих эмоциональную сопричастность Б. С. Колоколова китайскому народу и любовь к этой стране.

Дескриптивная стратегия развертывания текста представлена целым рядом описательных контекстов. С опорой на риторические труды, в которых выделяются разные «графии», систематизированные как описания тех или иных объектов и чувств, выделены тактики, соответствующие следующим типам описаний: просопография, характеризм, астионимический и порейонимический гипотипозис – в мемуарных записках Б. С. Колоколова; просопография, характеризм, астионимический и комонимический гипотипозис, прагматография, хорография – в мемуарах С. А. Далина.

Китай начала XX века в мемуарном дискурсе предстает как политически разрозненное и социально беспокойное государство. Более детальный политический образ Китая воссоздается в мемуарах С. А. Далина. Это связано с тем, что внимание авторов мемуаров сосредоточено на разных аспектах: Б. С. Колоколова – на обычной повседневной жизни Китая, С. А. Далина – на революционной ситуации в разных местах страны.

При описании людей внимание Б. С. Колоколова больше сосредоточено на иностранных людях и близких ему китайцах (китайские слуги, дети китайских слуг и соседей, китайский однокурсник старшего брата). Образ китайского народа создается с помощью наименований людей по принадлежности к той или иной профессии, лексики, передающей зрительное восприятие и эпитетов. С. А. Далин описывает как политические фигуры Китая, так и простых людей. Оба автора с помощью эмоционально-оценочных средств выражают сочувствие китайскому народу, живущему бедно и имеющему низкий социальный статус. Вместе с тем если Б. С. Колоколов подчеркивает трудолюбие китайцев, то С. А. Далин выражает восхищение революционным энтузиазмом китайского народа.

В описании городов Б. С. Колоколов большое внимание уделяет улицам, паркам, магазинам с вывесками на иностранных языках, домам, в которых живут иностранцы, то есть тем объектам, которые окружали его в Китае. Метафорические образы используются при описании больших городов: Гонконга, Шанхая. С. А. Далин дает общую характеристику больших городов с использованием контекстуального контраста. Создается образ Китая, имеющего традиционные старинные (Пекин, Шаогуань, Наньсюн, Учан, Наньчан) и современные (Шанхай) города. Что касается объектов внутри городов, то внимание С. А. Далина больше уделено улицам, хотя в мемуарах охарактеризованы парки, здания, магазины и другие объекты.

В отличие от Б. С. Колоколова, описывающего в большей степени повседневную жизнь, С. А. Далин многократно дает развернутую характеристику политическим движениям и классовой борьбе в Китае, в том числе с использованием средств образности речи: метафорических моделей «Революционное событие/движение – это стихийное бедствие (лавина, буря, огонь)», «Китайский народ – это бушующее, кипящее море с революционными громом и бурями». В отличие от С. А. Далина, Б. С. Колоколов аксиологически связывает проживание в Китае с «родном гнездом» и содает образ Китая как «своей» страны.

Мемуары отличаются внутрижанровыми стратегиями: стратегия комментирования характерна для записок Б. С. Колоколова, а стратегия рассуждения для текста С. А. Далина. Стратегия комментирования в мемуарных записках Б. С. Колоколова реализуется тактикой историко-фактологического комментирования, тропеически создающей образ беспокойной политической обстановки в Китае и неуспешности руководства китайского правительства во внутренней и внешней политике. Тактика лингвистического комментирования создает образ китайского языка и выражает противоречивое отношение китайцев к автору.

В мемуарах С. А. Далина стратегия рассуждения реализуется тремя тактиками: аргументирующего цитирования, историко-фактологического разъяснения, выражения оценки в аргументации. В отличие от Б. С. Колоколова, тактики в мемуарах С. А. Далина оформлены главным образом автологической речью (используются числительные, обозначающие год и месяц, политические термины, цитаты из официальных источников). С помощью цитирования исторических материалов (правительственных документов, записей разговоров, данных протоколов следствия, писем, сообщений газет, лозунгов и плакатов) создается образ гоминьдановского правительства и китайских рабочих с их плохими условиями жизни. Аксиологически эксплицитно выражается противоположное оценочное отношение к партии Гоминьдана и китайской компартии.

Различия в развертывании образа Китая в мемуарных текстах обусловлены биографией их авторов: Б. С. Колоколов родился в Китае и там прожил половину своей жизни, поэтому он «не чувствовал себя чужим» в Китае. В создании образа «Китай» в мемуарных записках большую роль играет ценностная оппозиция «свой – чужой». Эпитеты, несущие противоположные значения (*не чужой, родной, теплый, мило, близко, душевно – чужой, незнакомый*) и антропонимы-прозвища (*дахудза, да бинза, янгуйцзы*) свидетельствуют о том, что, хотя Б. С. Колоколова китайцы считали чужим, но относились к нему снисходительно, он воспринимал их страну как родную, и именно с этой ценностной позиции он как можно подробнее описывает все аспекты жизни этой страны. С. А. Далин был коммунистом, представителем Коммунистического интернационала в Китае. В связи с этим его в первую очередь интересуют революционные движения Китая начала XX века. Однако, несмотря на личностно-индивидуальные смыслы, Б. С. Колоколов и С. А. Далин в определенной степени описали политическую, экономическую, культурную и социальную ситуацию в Китае начала XX века, что играет важную роль для представления целого образа «Китай» в русской лингвокультуре.

В целом Китай в русскоязычных мемуарах начала XX века предстает как политически разрозненное и социально беспокойное государство; как страна с огромной территорией, развитыми городами и бедными сельскими районами, которая тонет в революции; как бедный народ, занимающийся физической работой, имеющий низкий статус, но трудолюбивый и активно участвующий в борьбе за свою свободу и улучшение своих условий жизни. Китай предстает как целостный образ-концепт и образ-схема, отражающая передвижения авторов мемуаров.

Таким образом, анализ языкового/речевого воплощения тактик внутржанровых коммуникативно-речевых стратегий в произведениях названных авторов позволяет системно охарактеризовать ценностно и культурно значимый дискурсивный мемуарный образ Китая начала XX века, который, являясь формой культурной памяти, складывается из двух разных и в то же время обладающих сходством образов.

Перспективы исследования видятся в возможности анализа образа Китая начала XX века на материале мемуаров других авторов: Е. А. Якобсона, А. И. Черепанова, Ю. В. Чудодеева, И. И. Серебrenникова, Б. Г. Сапожникова, – а также в изучении динамики этого образа в русскоязычном разножанровом дискурсе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдалтаджедини, Н. Иранизмы в мемуарах, дневниках, письмах А. С. Грибоедова и А. П. Ермолова : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Абдалтаджедини Нахид. – СПб., 2015. – 185 с. – Режим доступа: <https://disser.spbu.ru/disser2/disser/Abdaltajedini.dissert.pdf> (дата обращения: 01.11.2017).
2. Азнаурова, Э. С. Очерки по стилистике слова / Э. С. Азнаурова. – Ташкент: Фан, 1973. – 405 с.
3. Артамонова, Е. С. Номинативные и дискурсивные стратегии как способы создания имиджа субъекта интервью / Е. С. Артамонова // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. – 2016. – № 4, т. 2. – С. 1–10.
4. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 338 с.
5. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки славянской культуры, 1999. – 895 с.
6. Ассман, А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / Алейда Ассман ; пер. с нем. Бориса Хлебникова. – М. : Новое лит. обозрение, 2014. – 328 с.
7. Ассман, Ян. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Ян Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
8. Банман, П. П. Образ Германии и образ России как «свое» и «чужое» (на материале мемуаров Двингера «Die Armee hinter Stacheldraht») / П. П. Банман, А. А. Леглер // Филологические науки. Серия: Вопросы теории и практики. – 2016а. – № 11, ч. 3. – С. 69–71.
9. Банман, П. П. Образ России на материале мемуаров Э. Э. Двингера «Die Armee hinter Stacheldraht» / П. П. Банман // Вестн. Перм. нац. исслед. политехнич. ун-та. Серия: Проблемы языкознания и педагогики. – 2016б. – № 4. – С. 19–29.

10. Банман, П. П. Сибирский компонент в образе России (на материале мемуаров Э. Э. Двингера) / П. П. Банман // Филологические науки. – 2017. – № 8 (74), ч. 2. – С. 17–19.

11. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе / М. М. Бахтин // Собр. соч. Т. 3. Теория романа. – М. : Языки славянских культур, 2012. – С. 340–503.

12. Белова, В. М. Дискурсивные слова в мемуарах монтажного типа: семантика, функции, прагматика : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Белова Валентина Михайловна. – Вологда, 2011. – 187 с.

13. Благодатов, А. В. Записки о китайской революции 1925–1927 гг. / А. В. Благодатов. – 3-е изд. – М. : Наука, 1979. – 301 с.

14. Бойко, М. А. Функциональный анализ средств создания образа страны (на материале немецких политических креолизованных текстов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Бойко Марина Александровна. – Воронеж, 2006. – 24 с.

15. Бойцов, М. А. Что такое потестарная имагология? / М. А. Бойцов // Власть и образ: очерки потестарной имагологии / отв. ред. М. А. Бойцов, Ф. Б. Успенский. – СПб. : Алетейя, 2010. – С. 5–37.

16. Болотова, Е. А. Категория отрицания и средства ее выражения в мемуарном тексте: коммуникативно-функциональный, прагматический и лингвоперсонологический аспекты (на материале произведений А. Кончаловского) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Болотова Елена Анатольевна. – Ростов н/Д., 2019. – 169 с.

17. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1535 с.

18. Булычева, В. П. Средства образности в английских текстах экономической тематики : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Булычева Вера Павловна. – Астрахань, 2010. – 176 с.

19. Ванина, В. В. Экзотизмы немецкого происхождения в русском языке XX в.: на материале словарей, художественных текстов и мемуаров : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ванина Валерия Валерьевна. – Новосибирск, 2001. – 228 с.

20. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 253 с.
21. Вишнякова-Акимова, В. В. Два года в восставшем Китае, 1925–1927. Воспоминания / В. В. Вишнякова-Акимова. – 2-е изд. – М. : Наука, 1980. – 287 с.
22. Вязигина, Н. В. Гендерные особенности мемуарного текста : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Вязигина Надежда Викторовна. – Кемерово, 2017. – 132 с.
23. Гак, В. Г. Беседы о французском слове. Из сравнительной лексикологии французского и русского языков / В. Г. Гак. – М. : Междунар отношения, 1966. – 335 с.
24. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / М. Б. Гаспаров. – М. : Новое лит. обозрение, 1996. – 352 с.
25. Гвоздева, А. В. Лингвокультурный образ *детектив* : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.12 / Гвоздева Анна Вячеславовна. – Челябинск, 2009. – 23 с.
26. Глушкова, Н. М. Особенности реализации лингвокультурного типажа «Друг» / Н. М. Глушкова // Вестн. Челябин. гос. ун-та. – 2014. – № 7. – С. 144–148.
27. Голубева, И. В. Опыт создания коллективного речевого портрета (на материале экспрессивного синтаксиса мемуарной прозы) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Голубева Ирина Валериевна. – Краснодар, 2002. – 543 с.
28. Гончарова, Н. Ю. Образ английского сада в британском романе XX века как объект филологического анализа : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Гончарова Наталья Юрьевна. – Самара, 2014. – 23 с.
29. Горте, М. А. Фигуры речи: терминологический словарь / М. А. Горте. – М. : ЭНАС, 2007. – 208 с.
30. Гравер, А. А. Образ, имидж и бренд страны: понятия и направления исследования / А. А. Гравер // Вестн. Том. гос. ун-та. Серия : Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 3 (19). – С. 29–45.
31. Гринберг, Т. Э. Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели / Т. Э. Гринберг // Медиаскоп. – 2008. – № 2. – Режим доступа: <http://mediascope.ru> (дата обращения: 01.08.2018).

32. Данильченко, А. В. Функционирование топонимов в русском газетном тексте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Данильченко Алексей Васильевич. – Одесса. 1991. – 200 с.

33. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ / Т. А. ван Дейк ; пер. с англ. яз. под ред. В. И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1989. – 310 с.

34. Демьянков, В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века / В. З. Демьянков // Язык и наука конца XX века. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 239–320.

35. Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 1996. – 637 с.

36. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – 5-е изд., испр. и доп. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 487 с.

37. Журавлева, Е. А. Актуализация категории автора в текстах политических мемуаров (на материале мемуаров президентов США) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Журавлева Елена Анатольевна. – СПб., 2012. – 166 с.

38. Зверева, П. П. Современные направления лингвистических исследований имиджа страны и ее жителей / П. П. Зверева, О. И. Максименко // Вестн. Моск. гос. област. ун-та. Серия: Лингвистика. – 2013. – № 6. – С. 25–29.

39. Зеленин, А. В. Немцы в русской культуре (лингвистическая имагология) / А. В. Зеленин // Русский язык в школе. – 2013. – № 4. – С. 63–72.

40. Золотова, Г. А. Композиция и грамматика / Г. А. Золотова // Язык как творчество : сб. науч. тр. к 70-летию В. П. Григорьева. – М., 1996. – С. 284–296.

41. Зубакина, Т. Н. Метафорическое моделирование историко-политического события (на материале мемуаров У. Черчилля «The Second World War») : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Зубакина Татьяна Николаевна. – Екатеринбург, 2014. – 207 с.

42. Иванова, Л. П. Африка глазами Н. Гумилева (лингвоимагологический аспект) / Л. П. Иванова // Ученые записки Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. – 2013. – Т. 26 (65), № 1. – С. 471–477.

43. Иванова, Л. П. Жанровые основания лингвоимагологического анализа / Л. П. Иванова // Жанры речи. – 2016. – № 1. – С. 148–155.

44. Иванова, Л. П. Лингвоимагология как краеугольный камень теории коммуникации и практические основы межкультурного общения / Л. П. Иванова // Коммуникативные исследования. – 2014а. – № 1. – С. 9–16.

45. Иванова, Л. П. О целесообразности спецкурса по лингвоимагологии в системе подготовки филолога и журналиста / Л. П. Иванова // Ученые записки Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. – 2014б. – Т. 27 (66), № 1. – Ч. 1. – С. 182–187.

46. Ивыгина, А. А. Категория пространства и способы ее образной экспликации в текстовом поле Н. А. Дуровой (на материале мемуаров «Записки кавалерист-девицы») : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ивыгина Алена Александровна. – Елабуга, 2012. – 143 с.

47. Игнатов, М. В. Оценивание действительности военнослужащими и писателями в аспекте точности/неточности (на материале английского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.12 / Игнатов Марина Владимировна. – Ростов н/Д., 2005. – 160 с.

48. Илюхина, Н. А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации: монография / Н. А. Илюхина. – М. : Флинта; Наука, 2010. – 320 с.

49. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М. : УРСС, 2003. – 284 с.

50. Казанцева, В. А. Образ Японии в русской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Казанцева Вероника Алексеевна. – Липецк, 2021. – 160 с.

51. Калинина, Л. В. Лингвистика образа как актуальное направление современного языкознания / Л. В. Калинина // Общество. Наука. Инновации (НПК-2019) : сб. ст. XIX Всерос. науч.-практ. конф. : в 4 т. – Киров : Вят. гос. ун-т, 2019. – С. 342–349.

52. Калинина, Л. В. Образ человека рубежа XX–XXI веков в зеркале языковых и социальных процессов : монография / Л. В. Калинина. – Киров : Радуга-ПРЕСС, 2013. – 190 с.

53. Калмыкова, Е. И. Образность как лингвостилистическая категория в современной немецкой научной прозе (метафора и сравнение) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Колмакова Елена Ивановна. – М., 1969. – 23 с.

54. Камалова, С. Д. Образ «чужих» в мультикультурной литературе с позиции лингвистической имагологии (на материале англоязычной художественной литературы о палестино-израильском конфликте) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Камалова Софья Дамировна. – М., 2020. – 189 с. – Режим доступа: <https://mgimo.ru/upload/2020/02/kamalova-diss.pdf> (дата обращения: 27.03.2021).

55. Карабулатова, И. С. Образ Китая в лингвоинформационной модели современного медиадискурса (на материале русских и китайских СМИ) / И. С. Карабулатова, М. Д. Лагуткина // Вестн. Север. (Арктич.) федер. ун-та им. М. Ю. Ломоносова. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – Т. 21, № 4. – С. 40–53.

56. Карасик, В. И. Лингвокультурный типаж: к определению понятия / В. И. Карасик, О. А. Дмитриева // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. – Волгоград : Парадигма, 2005. – С. 5–25.

57. Катинская, М. В. Категория имиджа: подходы к рассмотрению / М. В. Катинская // Теоретическая и прикладная лингвистика – 2015. – № 3. – С. 61–70.

58. Кашкина, О. В. Функциональный анализ самооценочных высказываний как средства вербализации Я-концепта (на материале интервью немецкой прессы) : дис. ... канд. филол. наук : 10.0.04 / Кашкина Ольга Владимировна. – Воронеж, 2005. – 212 с.

59. Квятковский, А. П. Поэтический словарь / А. П. Квятковский. – М. : Сов. энцикл., 1966. – 376 с.

60. Клюев, Е. В. Речевая коммуникация / Е. В. Клюев. – М. : Приор, 1998. – 224 с.
61. Кожевникова, Т. А. К вопросу о лингвистической имагологии / Т. А. Кожевникова // Иностранные языки в высшей школе. – 2016. – Вып. 3 (38). – С. 56–62.
62. Кожина, М. Н. К вопросу о средствах образности в научной речи / М. Н. Кожина // Ученые записки Перм. ун-та. – 1996. – Вып. 2. – С. 210–215.
63. Кожина, М. Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики / М. Н. Кожина. – Пермь : [б. и.], 1966. – 213 с.
64. Кознова, Н. Н. Дневники, письма, мемуары: к вопросу о взаимодействии жанров / Н. Н. Кознова // Вестн. Моск. гос. област. ун-та. Серия: Русская филология. – 2009. – № 1. – С. 137–143.
65. Кознова, Н. Н. Мемуары русских писателей-эмигрантов первой волны: концепции истории и типология форм повествования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / Кознова Наталья Николаевна. – М., 2011. – 46 с.
66. Коньков, В. И. Функциональные типы речи: учеб. пособие для студентов учреждений высш. проф. образования / В. И. Коньков, О. В. Неупокоева. – М. : Академия, 2011. – 224 с.
67. Коптякова, Е. Е. Образ Германии в российской и американской медиакартинах мира: стереотипы и метафоры : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Коптякова Елена Евгеньевна. – Сургут, 2009. – 251 с.
68. Костина, К. В. Аксиологический аспект языковой репрезентации образа России в современном немецком медиадискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Костина Ксения Викторовна. – Иркутск, 2011. – 171 с.
69. Костюкова, Т. А. Документальная проза: специфика жанров / Т. А. Костюкова, Сону Сайни // Научные исследования: от теории к практике. – 2015. – № 3 (4). – С. 242–244.
70. Кузнецова, Е. Б. Б. С. Колоколов. Записки сына последнего российского императорского генерального консула в Мукдене / Е. Б. Кузнецова, М. Ю.

Сорокина // Диаспора. Новые материалы. – 2007. – № 9. – С. 7–94. – Режим доступа: <https://www.academia.edu/7923482/> (дата обращения: 01.09.2017).

71. Кучинская, Е. А. Коммуникативные стратегии военно-публицистического текста / Е. А. Кучинская // Вестн. Тамбов. гос. ун-та. – 2008. – Вып. 9 (65). – С. 133–138.

72. Кушнерук, С. Л. Дискурсивный и текстовый миры: возможности уровневой стратификации дискурса / С. Л. Кушнерук // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2. – С. 93–102.

73. Леонтьев, Д. А. От образа к имиджу. Психосемантический брендинг / Д. А. Леонтьев // Реклама и жизнь. – 2000. – № 1 (13). – С. 19–22.

74. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. А. Н. Николюкин. – М. : Интелвак, 2001. – 1600 с.

75. Лукин, А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках / А. В. Лукин. – М. : Восток – Запад; АСТ, 2007. – 598 с.

76. Мажарина, Ю. Н. Мемуары как вид публицистического творчества / Ю. Н. Мажарина // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. – 2011. – № 2. – С. 199–206.

77. Макрова, М. Н. Языковая образность как признак социальной культуры индивида : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Макрова Марина Николаевна. – М., 2003. – 138 с.

78. Машнина, Е. В. Мемуаристика как предмет научного исследования / Е. В. Машнина // Вопросы культурологии. – 2008. – № 10. – С. 17–19.

79. Мезенин, С. М. Образность как лингвистическая категория / С. М. Мезенин // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 48–57.

80. Михайлов, В. В. Средства реализации образности в институциональном политическом дискурсе: на материале немецкого и русского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Михайлов Вадим Валентинович. – Тамбов, 2006. – 220 с.

81. Михайловская, Е. В. Литературная кинематографичность российской и британской прозы XX века: сопоставительный аспект (на примере прозы

В. М. Шукшина и Г. Грина) / Е. В. Михайловская, И. А. Тортунова // Научный диалог. – 2015. – № 11 (47). – С. 97–118.

82. Моисеева, Т. В. Метафорическое моделирование образа России в американских СМИ и образа США в российских СМИ : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Моисеева Татьяна Валерьевна. – Екатеринбург, 2007. – 235 с.

83. Моисеенко, Л. А. Речевое поведение авторов военных мемуаров и диагностирование их индивидуальных свойств (на материале немецкого языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Моисеенко Лариса Александровна. – Ростов-н/Д., 2000. – 165 с.

84. Морозова, О. В. Речевые способы формирования образа России в российских и американских СМИ : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Морозова Оксана Васильевна. – Саратов, 2018. – 235 с.

85. Стилистика английского языка : [Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз.] / А. Н. Мороховский, О. П. Воробьева, Н. И. Лихошерст, З. В. Тимошенко. – Киев : Выща школа, 1984. – 247 с.

86. На переломе: образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX – начало XXI в.) / отв. ред. В. Б. Земсков. – М. : Новый хронограф, 2011. – 696 с.

87. Наумова, Н. Г. Языковые средства создания образа П. И. Чичикова (на материале поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души») : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Наумова Наталья Геннадьевна. – Киров, 2009. – 183 с.

88. Наумова, Т. С. Коммуникативное поведение Л. Н. Толстого (на материале эпистолярного наследия и мемуаров) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Наумова Наталья Семеновна. – Курск, 2009. – 22 с.

89. Никитина, Л. Б. Языковой образ-концепт: о природе сложного термина / Л. Б. Никитина // Вестн. Челябин. гос. ун-та. – 2011. – № 24 (239). – С. 97–99.

90. Новикова, Э. Ю. Лингвопрагматические средства создания современного политического образа России в прессе Германии : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Новикова Элина Юрьевна. – Волгоград, 2003. – 184 с.

91. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб. : Санкт-Петербург. ун-т, 1999. – С. 17–50. – Режим доступа: <https://mipt.ru/education/chair/philosophy/upload/6ec/nora1arph7asf0ow.pdf> (дата обращения: 02.03.2023).

92. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: около 53 000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. Л. И. Скворцова. – 24 -е изд., испр. – М. : ОНИКС 21 век, Мир и образование, 2004. – 1198 с.

93. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.

94. Орлова, Е. Л. Метафорические образы России, Америки и Германии в политическом дискурсе немецких СМИ : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Орлова Елена Леонидовна. – Иркутск, 2012. – 193 с.

95. Орлова, Н. А. Речевой жанр «мемуары» и его реализация в текстах носителей разных типов речевой культуры : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Орлова Наталья Александровна. – Омск, 2004. – 24 с.

96. Ощепков, А. Р. Имагология / А. Р. Ощепков // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 1. – С. 251–253.

97. Павлов, Д. Н. О некоторых проблемах определения термина «коммуникативная стратегия» / Д. Н. Павлов // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов : Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – 2006. – № 2. – С. 62–64.

98. Пажо, Д. От культурного образа к коллективному воображению / Д. Пажо / Д. Пажо // Брюнель П., Шеврель Й. Введение в сравнительную литературу. – Париж : Изд-во Прессы французского университета, 1989. – 135 с. (Brunel P., Chevrel Y. Précis Littérature compare. – Paris : Presses Universitaires de France (PUF), 1989. – 135 p.)

99. Папилова, Е. В. Имагология как гуманитарная дисциплина / Е. В. Папилова // Rhema. – 2011. – № 4. – С. 31–41. – Режим доступа:

<http://cyberleninka.ru/article/n/imagologiya-kak-gumanitarnaya-distciplina> (дата обращения: 29.11.2017).

100. Петренко, Е. А. Коммуникативные стратегии и тактики древнерусского книжника и языковые средства их реализации в «Повести о Варлааме и Иоасафе» : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Петренко Елена Александровна. – Волгоград, 2011. – 26 с.

101. Пешковский, А. М. Вопросы методики родного языка лингвистики и стилистики / А. М. Пешковский. – М. – Л. : Гос. изд-во, 1930. – 176 с.

102. Пирмагомедова, Р. К. Эмоционально-экспрессивная лексика в политической публицистике (на материале мемуарной книги Н. С. Леонова «Лихолетье») : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Пирмагомедова Регина Кельбляиевна. – Махачкала, 2005. – 187 с.

103. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1978. – 198 с.

104. Поляков, О. Ю. Имагология: теоретико-методологические основы / О. Ю. Поляков, О. А. Полякова. – Киров : Радуга-ПРЕСС, 2013б. – 162 с.

105. Поляков, О. Ю. Образы и «имиджей» Хуго Дизеринка (к проблеме ахенской школы компаративистики) / О. Ю. Поляков // Вестн. Вят. гос. ун-та. – 2013а. – № 3. – С. 121–125.

106. Попкова, М. В. Фразеология мемуарных текстов Георгия Иванова (структурно-семантический и функциональный аспекты) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Попкова Марина Владимировна. – Омск, 2008. – 330 с.

107. Попова С. В. Лингвокультурный типаж «школьная учительница»: субъектное позиционирование : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.12 / Попова Светлана Владимировна. – Волгоград, 2012. – 211 с.

108. Почепцов, Г. Г. Имиджелогия / Г. Г. Почепцов. – 6-е изд., стер. – М. : СмартБук, 2009. – 575 с.

109. Примаков, В. М. Записки волонтера. Гражданская война в Китае / В. М. Примаков – М. : Наука, 1967. – 215 с. – Режим доступа:

http://militera.lib.ru/memo/russian/primakov_vm01/index.html (дата обращения: 09.03.2023).

110. Прохоров, Ю. Е. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / Ю. Е. Прохоров. – М. : Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина ; АСТ-Пресс. 2007. – 725 с.

111. Разумкова, А. В. Этнокультурная специфика образа «себя» и образа «другого» в языковом сознании русских, татар, коми (зырян) : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.12 / Разумкова Анна Викторовна. – М., 2018. – 24 с.

112. Рамазанова, Д. Н. Функционирование когнитивных композитов в тексте (мемуары И. М. Майского «Воспоминания советского дипломата») : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Рамазанова Динара Нурметовна. – Махачкала, 2008. – 154 с.

113. Рахимбергенова, М. Х. Лингвокогнитивные стратегии отражения образа «чужого» в российской прессе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Рахимбергенова Майра Хаджимуратовна. – Екатеринбург, 2008. – 22 с.

114. Редькина, Н. С. Фразеологические обороты и их стилистические функции в мемуарах второй половины XVIII века: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Редькина Наталья Сергеевна. – М., 2008. – 244 с.

115. Редько, Г. В. Коммуникативная стратегия как стратегия понимания и интерпретации смысла / Г. В. Редько, А. А. Еремеева // Вестн. Адыгейс. гос. ун-та. – 2017. – № 4 (207). – С. 108–113.

116. Репина, Л. П. «Национальный характер» и «образ Другого» / Л. П. Репина // Диалог со временем. – 2012. – № 39. – С. 9–19.

117. Решетняк, А. В. Способы языкового выражения образов России и русских: на материале пьес Тома Стоппарда : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Решетняк Анна Владимировна. – М., 2011. – 178 с.

118. Розенфельд, М. Я. Образ как компонент значения слова / М. Я. Розенфельд // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. – 2007. – № 1. – С. 87–91.

119. Романова, А. А. Типология текста: мемуарный дискурс Мирчи Элиаде : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Романова Анастасия Анатольевна. – М., 2011. – 20 с.

120. Ронжина, Я. Н. Языковой образ как единица анализа и интерпретации смысла художественного текста / Я. Н. Ронжина // Вестн. Челябин. гос. ун-та. – 2009. – № 39 (177). – С. 131–136.

121. Рощина, А. А. «Китайский врачеватель» как лингвокультурный типаж / А. А. Рощина // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. – 2011. – № 2 (56). – С. 35–38.

122. Саид, С. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / С. В. Саид ; пер. А. В. Говорунова. – СПб. : Русский Мирь, 2006. – 637 с.

123. Сбитнев, А. П. Номинативные стратегии в гендерном измерении: на материале немецких нарративных текстов : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Сбитнев Александр Павлович. – Воронеж, 2008. – 220 с.

124. Свиркович, О. В. Образ университета в поликультурном языковом сознании : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Свиркович Олеся Владимировна. – Челябинск, 2021. – 23 с.

125. Селиверстова, Л. Н. Речевое поведение политических деятелей Германии XX века (на материале их публичных выступлений и мемуаров) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Селиверстова Людмила Николаевна. – Пятигорск, 2004. – 178 с.

126. Семененко, И. С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности / И. С. Семененко // Полис. Политические исследования. – 2008. – № 5. – С. 7–18. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11635105> (дата обращения: 12.08.2018).

127. Серебрякова, С. В. Лингвоэкспертный анализ перевода мемуарно-биографического текста / С. В. Серебрякова, П. П. Банман // Гуманитарные и юридические исследования. – 2020. – № 3. – С. 185–192.

128. Сидорская, И. В. «Образ» или «имидж» страны: что репрезентируют СМИ / И. В. Сидорская // Актуальные проблемы исследования коммуникационных

аспектов PR-деятельности и журналистики : сб. материалов науч. семинара / сост. : Л. А. Капитанова, В. В. Фролов. – Псков : Псков. гос. ун-т, 2015. – С. 64–72.

129. Симонова, Т. Г. Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра : учеб. пособие / Т. Г. Симонова. – Гродно : Гроден. гос. ун-т, 2002. – 119 с.

130. Синица, И. А. Языковая личность автора в научно-гуманитарном тексте (коммуникативный, культурологический, образно-стилистический аспекты) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Синица Елизавета Владимировна. – Краснодар, 2007. – 516 с.

131. Сковородников, А. П. Коммуникативные стратегии и тактики / А. П. Сковородников // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справ. / под ред. А. П. Сковородникова. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. – С. 229–230.

132. Сковородников, А. П. Образность / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта ; Наука, 2011. – С. 255–257.

133. Сковородников, А. П. Образность / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справ. / под ред. А. П. Сковородникова. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2012. – С. 359–360.

134. Солганик, Г. Я. Стилистика текста : учеб. пособие / Г. Я. Солганик. – М. : Флинта ; Наука, 1997. – 256 с.

135. Сорокина, О. Н. Метафоризация как основной прием формирования образа Китая в СМИ США / О. Н. Сорокина // Вестн. Пятигор. гос. лингвистич. ун-та. – 2010. – № 1. – С. 195–199.

136. Сорокина, О. Н. Языковая реализация образа Китая как информационной модели в средствах массовой информации США : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Сорокина Ольга Николаевна. – М., 2007. – 201 с.

137. Старцева, Т. В. Когнитивное моделирование лингвокультурного типажа EMIGRANT: на материале произведений ирландской литературы XX–XXI веков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Старцева Татьяна Валерьевна. – Кемерово, 2012. – 186 с.

138. Стернин, И. А. Слово и образ : монография / И. А. Стернин, М. Я. Розенфельд; под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : Истоки, 2008. – 243 с.

139. Сурина, А. В. Метафорическое моделирование российской действительности в мемуарах политических лидеров постсоветской эпохи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Сурина Анна Владимировна. – Екатеринбург, 2007. – 22 с.

140. Таджибова, А. Н. Образ Кавказа в российском и германском дискурсе: по материалам исследования метафорического моделирования в СМИ, социолингвистического и психолингвистического экспериментов : автореф. ... дис. канд. филол. наук : 10.02.20 / Таджибова Аксана Наруллаховна. – Екатеринбург, 2011. – 24 с.

141. Тарасова, О. И. Реализация жанровых признаков текстов документально-художественного повествования грамматическими средствами языка (на примере категорий темпоральности и локальности) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Тарасова Олеся Игоревна. – М., 2003. – 154 с.

142. Титаренко, А. С. Образ Китая в российском сознании во второй половине XIX–XX в. / А. С. Титаренко // Изв. Урал. федер. ун-та. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2012. – Т. 104. – Вып. 3. – С. 291–297.

143. Томберг, О. В. Изучение литературы в контексте филологической имагологии / О. В. Томберг // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2015. – № 2. – С. 255–259.

144. Тупчий, А. В. Образ Англии в русском языковом сознании конца XVI – первой половины XIX в.: лингвоимагологический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Тупчий Александра Володимировна. – Киев, 2018. – 282 с.

145. Ульянова, Т. В. Словесный портрет как речевая технология: функции и модели : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ульянова Татьяна Владимировна. – Ростов н/Д., 2008. – 157 с.

146. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. – М. : ООО «Хит-книга», 2017. – 960 с.

147. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. – М. : Астрель ; АСТ, 2008. – 878 с.

148. Хазагеров, Г. Г. Риторический словарь / Г. Г. Хазагеров. – М. : Флинта; Наука, 2009. – 432 с.

149. Хайров, Ш. Графика как объект лингвистической имагологии. О некоторых типах эстетических и идеологических оценок дореформенной кириллицы в России до и после 1918 г. / Шамиль Хайров // *Studi Slavistici* XIV. – 2017. – С. 293–307. – Режим доступа: <http://eprints.gla.ac.uk/151991/1/151991.pdf> (дата обращения: 18.12.2017).

150. Халикова, Н. В. Категория образности художественного прозаического текста : автореферат дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Халикова Наталья Владимировна. – М., 2004. – 43 с.

151. Хорев, В. А. Восприятие России и русской литературы польскими писателями (Очерки) / В. А. Хорев. – М. : Индрик, 2012. – 240 с.

152. Хурматуллин, А. К. Понятие дискурса в современной лингвистике / А. К. Хурматуллин // *Ученые записки Казан. гос. ун-та.* – 2009. – № 6. – С. 31–37.

153. Хуэйцинь, Чжан. Образ Китая в комментариях к новостям о Китае (на материалах портала Рамблер) / Чжан Хуэйцинь // *Медиалингвистика.* – 2014. – № 2 (5). – С. 82–94.

154. Цуй, Ливэй. Безэквивалентная лексика в образе Китая в русской эмигрантской лингвокультуре / Ливэй Цуй // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов.*

Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2016. – № 2. – С. 80–88.

155. Чернова, С. В. Образ человека: толкование термина, источники для изучения, множественность интерпретаций, лингвистический анализ / С. В. Чернова // Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема : материалы Междунар. конф. 5–7 октября 2011 г. – Киров : Вят. гос. ун-т, 2011. – С. 9–24.

156. Чупракова, О. В. Языковая репрезентация образа России в романах Айрис Мердок : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Чупракова Ольга Викторовна. – Н. Новгород, 2018. – 20 с.

157. Шапинская, Е. Н. Образ Другого в текстах культуры : монография / Е. Н. Шапинская. – М. : КРАСАНД, 2012. – 216 с.

158. Шоков, Н. Н. Образная речь: специфика и семантический механизм / Н. Н. Шоков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 4 (70) : в 2 ч. Ч. 1. – С. 188–191.

159. Щеглова, И. В. Лингвокультурный типаж «чиновник»: на материале русского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Щеглова Ирина Владимировна. – Волгоград, 2010. – 170 с.

160. Щитова, Д. А. Лингвистическое моделирование имиджа в политическом дискурсе (на материале концепта *вооруженная борьба*) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Щитова Дарья Александровна. – Томск, 2014. – 24 с.

161. Юрина, Е. А. Комплексное исследование образной лексики русского языка / Е. А. Юрина // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2004. – № 38. Бюллетень оперативной научной информации. – С. 3–215. – Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/287389535.pdf> (дата обращения: 05.05.2022).

162. Языковые средства конструирования имиджа субъекта в политической коммуникации : коллективная монография / Л. И. Гришаева, Е. Н. Катанова, О. В. Кашкина, М. А. Бойко. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2009. – 319 с.

163. Якобсон, Е. А. Пересекая границы. Революционная Россия – Китай – Америка / Е. А. Якобсон ; пер. с англ. Е. Ю. Дорман. – М. : Русский путь, 2004. – 244 с.

164. Яковенко, Е. Ю. Языковой образ человека в английских и немецких переводах библии: опыт концептуального моделирования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Яковенко Екатерина Борисовна. – М., 2007. – 48 с.

165. Янко, Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи / Т. Е. Янко. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 382 с.

166. Яхина, Д. И. Образные средства в современной русской разговорной речи: на материале метафор и сравнений : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Яхина Диляра Инсановна. – Саратов, 2007. – 140 с.

167. Moura, J.-M. *Limagologie littérature: essai de mise au point historique et critique* / J.-M. Moura // *Revue de littérature compare.* – 1992. – № 3. – P. 271–287. (Мура, Ж.-М. Об истории исследований литературной имагологии и ее методологии / Ж.-М Мура // *Обзор сравнительной литературы.* – 1992. – № 3. – С. 271–287.)

168. 王新青 (Ван Синьцин). 塔吉克斯坦网络媒体中国形象研究 (Изучение имиджа Китая в сетевых средствах массовой информации Таджикистана) / 王新青, 马丽亚卡美拉 (Ван Синьцин, Камила Малия) // *新西伯利亚国立大学学报.* – 2015. – № 4. – 71–80 页.

169. 王晓珏 (Ван Сяюй). 有关“形象”和“幻象”的问题 (К проблеме «образов» и «миражей») / 孟华编辑 (под ред. Мэн Хуа). *比较文学形象学 (Имагология сравнительного литературоведения).* – 北京 : 北京大学出版社, 2001. – 74–88 页.

170. 卫景宜 (Вэй Цзиньйи). 西方语境的中国故事 (Китайские рассказы в западном контексте) / 卫景宜 (Вэй Цзиньйи). – 北京: 中国美术学院出版社, 2002. – 194 页.

171. 管文虎 (Гуань Вэньху). 国家形象论 (Теория национального образа) / 管文虎 (Гуань Вэньху). – 成都: 电子科技大学出版社, 2000. – 609 页.

172. 邓繁荣 (Дэн Фаньжун). 国内外形象学研究的现状分析 (Современные исследования имагологии в Китае и за рубежом) / 邓繁荣, 钟帆 (Дэн Фаньжун, Чжун Фань) // 西南民族大学学报 (人文社会科学版). – 2012. – № 9. – 195–197 页.

173. 尹德翔 (Инь Дэсян). 关于形象学实践的几个问题 (Несколько вопросов о практике имагологии) / 尹德翔 (Инь Дэсян) // 文艺评论. – 2005. – № 6. – 9–13 页.

174. 林海 (Линь Хай). 语言学视阈中区域性对外传播中的国家形象建构 (Создание образа страны в региональной внешней коммуникации: лингвистический аспект) / 林海 (Линь Хай) // 新闻知识. – 2015. – № 5. – 11–13 页.

175. 刘洪涛 (Лю Хунтао). 对比较文学形象学的几点思考 (Размышления о имагологии сравнительного литературоведения) / 刘洪涛 (Лю Хунтао) // 北京师范大学学报. – 1999. – № 3. – 69–73 页.

176. 刘尚超 (Лю Шанчао). 如何通过媒体语言传播来提升国家形象 (Как улучшить образ страны с помощью использования медиаязыка) / 刘尚超 (Лю Шанчао) // 西北民族大学学报 (哲学社会科学版). – 2015. – № 6. – 27–32 页.

177. 梁晓波 (Лян Сяобо). 国家形象的概念隐喻塑造研究 (Исследование формирования образа страны с помощью метафор) / 梁晓波 (Лян Сяобо) // 湖北大学学报 (哲学社会科学版). – 2013. – № 2. – 113–117 页.

178. 孟华 (Мэн Хуа). 试论“套话”的时间性 (Анализ ограниченности жизни стереотипов) / 孟华 (Мэн Хуа) // 乐黛云, 陈辉编辑 (под ред. Юе Дайюнь, Чжан Хуань). – 北京: 北京大学出版社, 1999. – 197–208 页.

179. 孟华 (Мэн Хуа). 比较文学意义上的形象学 (Имагология в рамках сравнительного литературоведения) / 孟华 Мэн Хуа // 中国比较文学. – 1998. – № 4. – 79–90 页.
180. 孟华 Мэн Хуа). 比较文学形象学 (Имагология сравнительного литературоведения) / 孟华主编 (ред. Мэн Хуа). – 北京: 北京大学出版社, 2001. – 322 页.
181. 欧阳昱 (Оуян Юй). 表现他者: 澳大利亚小说中的中国人 (1888–1988) (Описание других: китайцы в австралийских романах: 1888–1988) / 欧阳昱 (Оуян Юй). – 北京: 新华出版社, 2000. – 263 页.
182. 宋伟杰 Сун Вэйцзе). 中国·文学·美国: 美国小说戏剧中的中国形象 (Китай, литература, Америка: образ Китая в американских драмах) / 宋伟杰 (Сун Вэйцзе). – 广东: 花城出版社, 2003. – 513 页.
183. 宋虎堂 (Сун Хутан). 论比较文学形象中的“变异” (О трансформации исследований образа в сравнительном литературоведении) / 宋虎堂 (Сун Хутан) // 社会科学论坛. – 2016. – № 11. – 69–77 页.
184. 苏华 (Су Хуа). 试论巴金小说中的法国形象 (Изучение образа Франции в романах Ба Цзиня) / 苏华 (Су Хуа) // 文艺理论与批评. – 1993. – № 12. – 123–129 页.
185. 苏永前 (Су Юнциан). 中国现代文学中的日本形象 (Образ Японии в современной китайской литературе) / 苏永前 (Су Юнциан) // 江西教育学院学报. – 2015. – № 6. – 76–81 页.
186. 汤光鸿 (Тан Гуанхун). 论国家形象 (Об образе страны) / 汤光鸿 (Тан Гуанхун) // 国际问题研究. – 2004. – № 4. – 18–23 页.
187. 伍依兰 (У Илань). 形象学在中国的传播, 发展与前景 (Возникновение, развитие и перспективы имагологии в Китае) / 伍依兰 (У Илань) // 社会科学论坛. – 2009. – № 6. – 155–158 页.

188. 张怡宇 (Чжан Йию). 论 20 世纪法国小说中的中国人形象 (Об образе китайцев во французских романах XX века: магистерская диссертация филол. наук) / 张怡宇 (Чжан Йию). – 华东师范大学, 2006. – 67 页.

189. 张晓芸 (Чжан Сяюнь). 翻译研究的形象学视角 (Имагологический аспект переводных исследований) / 张晓芸 (Чжан Сяюнь). – 上海: 上海译文出版社, 2010. – 160 页.

190. 张法 (Чжан Фа). 国家形象概论 (Общая характеристика образа страны) / 张法 (Чжан Фа) // 文艺争鸣. – 2008. – № 7. – 23–29 页.

191. 张建华 (Чжан Цзяньхуа). 激荡百年的俄罗斯 – 20 世纪俄国史读本 (Россия в век волнений – учебник по истории России XX века) / 张建华 (Чжан Цзяньхуа). – 北京: 人民出版社, 2010. – 364 页.

192. 张月 (Чжан Юэ). 观看与想象 – 关于形象学和异国形象 (Наблюдение и воображение – о имагологии и образе «чужой страны») / 张月 (Чжан Юэ) // 郑州大学学报 (哲学社会科学版). – 2002. – № 3. – 110–119 页.

193. 赵颖 (Чжао Ин). 争议与繁荣: 关于当今中国形象学的研究 (Противоречие и процветание: исследование современной китайской имагологии) / 赵颖 (Чжао Ин) // 文艺争鸣. – 2014. – № 8. – 110–114 页.

194. 赵晓琪 (Чжао Сяоци). 当代香港文学中的英国形象 (Образ Великобритании в современной гонконгской литературе) / 赵晓琪, 谭枫凡 (Чжао Сяоци, Тань Фэнфан) // 江苏社会科学. – 2017. – № 5. – 203–207 页.

195. 周宁 (Чжоу Нин). 天朝遥远 – 西方的中国形象研究 (Далекое Тяньчао – исследования образа Китая на Западе) / 周宁 (Чжоу Нин). – 北京: 北京大学出版社, 2006. – 413 页.

196. 周宁 (Чжоу Нин). 西方的中国形象研究 – 关于形象学学科领域与研究范式的对话 (Исследование образа Китая на Западе – диалог о имагологии и ее исследовательской парадигме) / 周宁, 宋炳辉 (Чжоу Нин, Сун Бинхуй) // 中国比较文学. – 2005. – № 2. – 148–161 页.

197. 周宁 (Чжоу Нин). 跨文化形象学: 以中国为方法 - - “世界的中国形象研究丛书”总序 (Межкультурная имагология в Китае – предисловие к книге «Исследования образа Китая во всём мире») / 周宁 (Чжоу Нин) // 社会科学论坛. – 2010. – № 2. – 5–12 页.

198. 周宁 (Чжоу Нин). 究竟是“跨文化形象学”还是“比较文学形象学” («Межкультурная имагология» или «имагология сравнительного литературоведения») / 周宁 (Чжоу Нин) // 学术月刊. – 2013. – № 5. – 5–12 页.

199. 周宁 (Чжоу Нин). 跨文化形象学: 当下中国文化自觉的三组问题 (Межкультурная имагология: три группы проблем в современном китайском культурном сознании) / 周宁 (Чжоу Нин) // 厦门大学学报(哲学社会科学版). – 2008. – № 6. – 5–11 页.

200. 周宁 (Чжоу Нин). 中国形象: 西方的学说与传说 (Образ Китая: западные доктрины и легенды) / 周宁 (Чжоу Нин). – 北京: 学苑出版社, 2004. – 537 页.

201. 蒋柳 (Цзян Лю). 断裂的“他者”, 美国当代社会历史教科书中的中国形象 (Образ Китая в американских современных учебниках по истории / 蒋柳 (Цзян Лю) // 电子科技大学学报(社科版). – 2015. – № 1. – 95–100 页.

202. 姜智芹 (Цзян Чжицин). 当代文学对外传播中的中国形象建构 - 以莫言作品为个案 (Создание образа Китая во внешней коммуникации современной литературы – на примере произведений Мо Яня) / 姜智芹 (Цзян Чжицин) // 人文杂志. – 2015. – № 1. – 63–68 页.

203. 崔一 (Цуй И). 韩国现代文学中的中国形象研究 (Исследование образа Китая в современной корейской литературе: докторская диссертация филол. наук.) / 崔一 (Цуй И). – 延边大学, 2002. – 117 页.

204. 陈国战 (Чэнь Гочжань). 新时期中国作家访美游记中的美国形象 (Образ США в путевых заметках китайских писателей в новый период / 陈国战 (Чэнь Гочжань) // 文艺研究, – 2018. – № 1. – 53–61 页.

205. 沈影 (Шэнь Ин). 俄罗斯区域媒体中的中国形象 – 以“州报”，“实业界”，“乌拉尔政府网”报道为例 (Образ Китая в российских региональных СМИ – на примере газеты «Областная газета» и журнала «Деловой квартал») / 沈影, 吴刚 (Шэнь Ин, У Ган) // 俄罗斯东欧中亚研究. – 2013. – № 1. – 17–22 页.

206. 乐黛云 (Юе Дайюнь). 文化传递与文学形象 (Передача культуры общения и литературный образ) / 乐黛云, 张辉 (Юе Дайюнь, Чжан Хуань). – 北京: 北京大学出版社, 1999. – 375 页.

207. 杨乃乔 (Ян Найцяо). 比较文学概论 (Общая характеристика сравнительного литературоведения) / 杨乃乔 (Ян Найцяо). – 北京: 北京大学出版社, 2006. – 429 页.

208. 杨绪明 (Ян Сюмин). 全球语境下中国语言形象构建刍议 (О создании образа китайского языка в глобальном контексте) / 杨绪明, 廖扬敏, 贾力耘 (Ян Сюмин, Ляо Янминь, Цзя Лицзюнь) // 广西师范学院学报 (哲学社会科学版). – 2014. – № 5. – 81–85 页.

209. 姚京明 (Яо Цзинмин). 中国镜像的明与暗 – 葡萄牙十六至十九世纪文学中的中国形象 (Яркость и мутность китайских зеркал – образ Китая в португальской литературе с XVI по XIX век: докторская диссертация филол. наук) / 姚京明 (Яо Цзинмин). – 复旦大学, 2005. – 151 页.

**ГРАФИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ТЕКСТОВ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЯЗЫКА RYTHON**

Таблица 1

Частотность первых 50 знаменательных слов в мемуарах Б. С. Колоколова

	Частотность появления слова	Знаменательное слово	Словоформы
1	140	мама	мама 74, маме 20, мамой 18, маму 9, мамы 19
2	105	китайский	китайская 5, китайские 10, китайский 12, китайским 8, китайскими 5, китайских 19, китайского 13, китайское 1, китайской 20, китайском 5, китайскому 3, китайскую 4
3	92	время	времена 3, временами 1, временем 3, времени 20, время 65
4	91	русский	русская 10, русские 15, русский 10, русским 2, русскими 2, русских 17, русского 5, русское 6, русской 15, русском 5, русскому 2, русскую 2
5	90	дом	дом 20, дома 30, домам 1, домами 1, домах 5, доме 25, домом 7, дому 1
6	88	город	город 20, города 31, городах 3, городе 26, городов 1, городом 3, городу 4
7	76	посол	посла 2, после 71, послов 2, посол 1
8	71	отец	отец 31, отца 30, отце 1, отцом 4, отцу 4, отцы 1
9	71	Мукден	Мукдене 45, Мукден 26
10	59	Россия	Россией 5, России 47, Россию 2, Россия 5
11	54	Китай	Китае 18, Китаем 3, Китай 11, Китаю 6, Китая 16
12	53	китаец	китаец 13, китайца 2, китайцам 2, китайцами 5, китайцев 10, китайцы 21
13	50	улица	улиц 9, улица 1, улицам 5, улицами 2, улицах 6, улице 13, улицу 6, улицы 8
14	49	место	мест 5, места 11, местами 2, местах 4, месте 11, место 10, местом 3, месту 3
15	48	дорога	дорог 4, дорога 13, дороги 17, дороге 7, дорогу 7

16	48	английский	английская 2, английские 4, английский 8, английским 3, английских 3, английского 7, английское 4, английской 4, английском 11, английскому 1, английскую 1
17	46	первый	первая 1, первого 4, первое 3, первой 8, первом 2, первому 1, первую 4, первые 7, первый 6, первым 4, первых 6
18	45	японский	японская 2, японские 3, японский 1, японским 2, японскими 1, японских 3, японского 6, японское 1, японской 19, японском 5, японскому 1, японскую 1
19	43	большой	большого 3, большое 9, большой 28, большом 2, большому 1
20	41	великий	более 27, больше 9, велика 1, велики 1, великих 1, великое 1, великой 1
21	41	семья	семье 15, семьи 14, семью 1, семья 7, семьями 2, семьях 2
22	40	война	войн 1, война 1, войне 5, войной 2, войну 5, войны 26
23	40	консульство	консульств 3, консульства 16, консульствах 1, консульстве 4, консульство 14, консульством 1, консульству 1
24	36	жизнь	жизней 1, жизни 19, жизнь 14, жизнью 2
25	36	комната	комнат 5, комната 5, комнатам 1, комнатах 2, комнате 5, комнатой 1, комнату 4, комнаты 13
26	36	Харбин	Харбин 6, Харбина 11, Харбине 17, Харбином 1, Харбину 1
27	35	новый	новая 1, нового 3, новое 6, новой 8, новом 5, новому 1, новую 2, новые 2, новый 2, новым 2, новыми 1, новых 2
28	34	друг	друг 16, друга 5, другу 7, друзей 5, друзья 1
	34	маленький	маленькая 2, маленькие 1, маленький 13, маленькими 1, маленьких 1, маленького 3, маленькое 1, маленькой 5, маленьком 4, маленькую 3
30	34	пароход	пароход 13, парохода 6, пароходами 1, пароходе 9, пароходом 2, пароходы 3
31	31	хороший	лучше 2, хорошего 1, хорошее 5, хороши 1, хорошие 4, хороший 2, хорошим 1, хорошо 13, хорошою 2
32	30	язык	язык 9, языка 9, языке 8, языком 4
33	29	папа	папа 13, папе 2, папой 3, папу 1, папы 10
34	29	рука	рук 3, руками 4, руках 8, руке 1, руки 7, рукой 2, руку 4

35	28	долгий	долга 1, долги 2, долгий 1, долгим 1, долгих 1, долго 15, долгого 1, долгое 4, долгую 1, дольше 1
36	28	иностранный	иностранная 1, иностранной 2, иностранном 1, иностранную 1, иностранные 4, иностранный 5, иностранным 3, иностранными 3, иностранных 8
37	28	река	река 2, реке 9, реки 12, рекой 2, реку 3
38	27	поезд	поезд 11, поезда 12, поезде 3, поездом 1
39	27	работа	работа 1, работах 1, работе 6, работу 12, работы 7
40	27	частый	частая 1, часто 23, частыми 1, чаще 2
41	26	ряд	ряд 5, ряда 3, рядах 1, рядом 14, ряды 3
42	26	слово	слов 6, слова 9, словам 1, словами 1, словах 1, слове 1, слово 6, словом 1
43	26	человек	Людей 6, люди 4, человек 6, человека 2, человеке 2, человеком 6
44	24	высокий	высок 1, высокая 1, высокие 1, высокий 2, высоким 1, высокими 4, высоких 2, высоко 2, высокого 3, высокое 1, высокой 3, высоким 1, высокому 1, высокую 1
45	23	путь	пути 9, путь 11, путях 3
46	23	ребёнок	детей 11, дети 8, детьми 3, детям 1
47	23	французский	французская 1, французский 5, французским 1, французскими 1, французских 2, французского 4, французское 2, французской 2, французском 4, французскую 1,
48	22	возможный	возможно 15, возможного 1, возможное 1, возможной 2, возможным 2, возможных 1
49	22	движение	движение 6, движением 7, движении 1, движения 7, движениях 1
50	22	старый	старого 1, старом 2, старому 3, старше 6, старые 4, старый 3, старых 3

Частотность первых 50 знаменательных слов в мемуарах С. А. Далина

	Частотность появления слова	Слово	Словоформы
1	724	рабочий	рабочая 7, рабочего 68, рабочее 14, рабочей 42, рабочем 7, рабочему 14, рабочие 163, рабочий 56, рабочим 49, рабочими 44, рабочих 253, рабочую 7
2	586	союз	союз 156, союза 182, союзам 4, союзами 9, союзах 4, союзе 9, союзов 101, союзом 9, союзу 14, союзы 98
3	472	Китай	Китае 184, Китаем 13, Китай 96, Китаю 18, Китая 161
4	347	китайский	китайская 30, китайские 26, китайский 36, китайским 14, китайскими 16, китайских 59 китайского 49, китайское 10, китайской 82, китайском 11, китайскому 7, китайскую 7
5	315	партия	партией 35, партии 172, партий 25, партию 29, партия 45, партиям 4, партиями 3, партиях 2
6	304	молодежи	молодежи 304
7	303	революционный	революционная 16, революционно 6, революционного 48, революционное 12 революционной 83, революционном 10, революционному 4, революционную 14, революционные 24, революционный 15, революционным 9, революционными 10, революционных 52
8	274	организация	организацией 15, организации 107, организаций 81, организацию 17, организация 30, организациям 4, организациями 19, организациях 1
9	268	время	времена 7, временам 1, временами 1, временем 2, времени 34, время 223
10	237	революция	революцией 9, революции 163, революций 10, революцию 16, революция 37, революциям 2
11	234	кантон	кантон 80, кантона 44, кантоне 104, кантоном 3, кантону 3
12	233	коммунистический	коммунистическая 13, коммунистические 9, коммунистический 16,

			коммунистическим 8, коммунистическими 5, коммунистических 26, коммунистического 52, коммунистической 86, коммунистическом 4, коммунистическому 5, коммунистическую 9
13	225	съезд	съезд 66, съезда 86, съездах 3, съезде 58, съездов 4, съездом 2, съезду 2, съезды 4
14	215	посол	после 213, послы 1, посол 1
15	212	движение	движение 71, движением 16, движении 20, движений 2, движению 3, движения 98, движениями 1, движениях 1
16	210	армия	армией 28, армии 106, армий 6, армию 33, армия 33, армиям 2, армиями 2
17	210	национальный	национальная 1, национально 132, национального 18, национальное 19, национальной 16, национальном 3, национальному 5, национальную 8, национальные 3, национальный 2, национальным 3
18	205	город	город 69, города 39, городам 3, городах 25, городе 45, городов 14, городом 3, городу 7
19	205	правительство	правительств 4, правительства 84, правительствам 1, правительстве 14, правительство 72, правительством 8, правительству 22
20	201	борьба	борьба 34, борьбе 45, борьбой 13, борьбу 49, борьбы 60
21	195	страна	стран 44, страна 7, странам 2, странами 8, странах 46, стране 43, страной 5, страну 7, страны 33
22	190	иностраннный	иностранная 5, иностранного 50, иностранное 2, иностранной 17, иностранном 6, иностранному 8, иностранную 1, иностранные 19, иностраннный 12, иностранным 22, иностранными 7, иностранных 41
23	182	работа	работ 6, работа 26, работами 1, работе 42, работой 8, работу 44, работы 55
24	171	человек	людей 50, люди 20, людьми 5, людям 3, людях 1, человек 71, человека 14, человеком 5, человеку 2
25	167	Гоминьдан	Гоминьдана 113, Гоминьдан 54
26	165	новый	нов 6, нова 1, новая 9, нового 18, новое 12, новой 25, новом 3, новому 4, новую 12, новые 20, новый 32, новым 12, новыми 2, новых 9

27	156	военный	военная 12, военно 10, военного 12, военное 7, военной 31, военном 9, военному 3, военную 10, военны 1, военные 18, военный 8, военным 9, военными 2, военных 24
28	155	член	член 8, члена 5, членам 7, членами 19, членов 67, членом 19, члены 30
29	153	крестьянин	крестьян 79, крестьянам 13, крестьянами 6, крестьяне 32, крестьянин 12, крестьянина 6, крестьянином 2, крестьянину 3
30	152	великий	более 95, больше 42, велик 1, велика 1, великие 2, великий 3, великого 1, великой 3, великом 1, великому 1, великую 2
31	152	первый	первая 6, первого 9, первое 11, первой 25, первом 11, первому 2, первую 7, первые 15, первый 33, первым 9, первыми 3, первых 21
32	145	Шанхай	Шанхае 76, Шанхаем 2, Шанхай 48, Шанхаю 3, Шанхая 16
33	142	конгресс	конгресс 25, конгресса 51, конгрессам 1, конгрессами 1, конгрессах 2, конгрессе 54, конгрессов 2, конгрессом 3, конгрессу 2, конгрессы 1
34	141	говорить	говори 4, говорил 83, говорила 4, говорили 33, говорило 1, говорим 2, говорит 4, говорить 8, говорят 2
35	137	буржуазия	буржуазией 13, буржуазии 61, буржуазию 15, буржуазия 48
36	128	власть	властей 8, власти 66, власть 39, властью 2, властям 6, властями 7
37	126	советский	советская 10, советские 8, советский 3, советским 6, советскими 2, советских 15, советского 8, советское 5, советской 57, советском 1, советскому 3, советскую 8
38	120	крестьянский	крестьянская 6, крестьянские 30, крестьянским 7, крестьянскими 1, крестьянских 25, крестьянского 16, крестьянское 9, крестьянской 19, крестьянском 4, крестьянскому 1, крестьянскую 2
39	120	Россия	Россией 6, России 92, Россию 10, Россия 12
40	117	земля	земле 9, земли 54, землю 40, земля 13, землях 1
41	117	отношение	отношение 14, отношением 2, отношении 26, отношений 21, отношению 10, отношения 34, отношениям 1, отношениями 4, отношениях 5
42	116	сила	сил 37, сила 1, силам 3, силами 7, силах 1, силой 19, силу 13, силы 35

43	114	больший	большая 13, большее 4, большей 2, большем 1, большие 16, больший 2, большим 24, большими 3, больших 15, большую 34
44	114	коммунист	коммунист 10, коммуниста 2, коммунистам 3, коммунистами 14, коммунистов 54, коммунистом 3, коммунисты 28
45	113	день	дней 36, дни 30, дню 2, дня 43, дням 1, днях 1
46	113	образ	образ 5, образе 1, образом 106, образу 1
47	112	главный	главная 6, главно 1, главного 1, главное 12, главной 6, главную 3, главные 1, главный 5, главным 71, главными 1, главных 5
48	112	социалистический	социалистическая 5, социалистические 8, социалистический 18, социалистическим 5, социалистических 9, социалистического 43, социалистической 19, социалистическому 1, социалистическую 4
49	110	крупный	крупная 10, крупного 3, крупное 1, крупной 14, крупном 2, крупному 2, крупную 3, крупны 1, крупные 24, крупный 7, крупным 6, крупными 8, крупных 29
50	110	Ленин	Ленин 65, Ленина 45

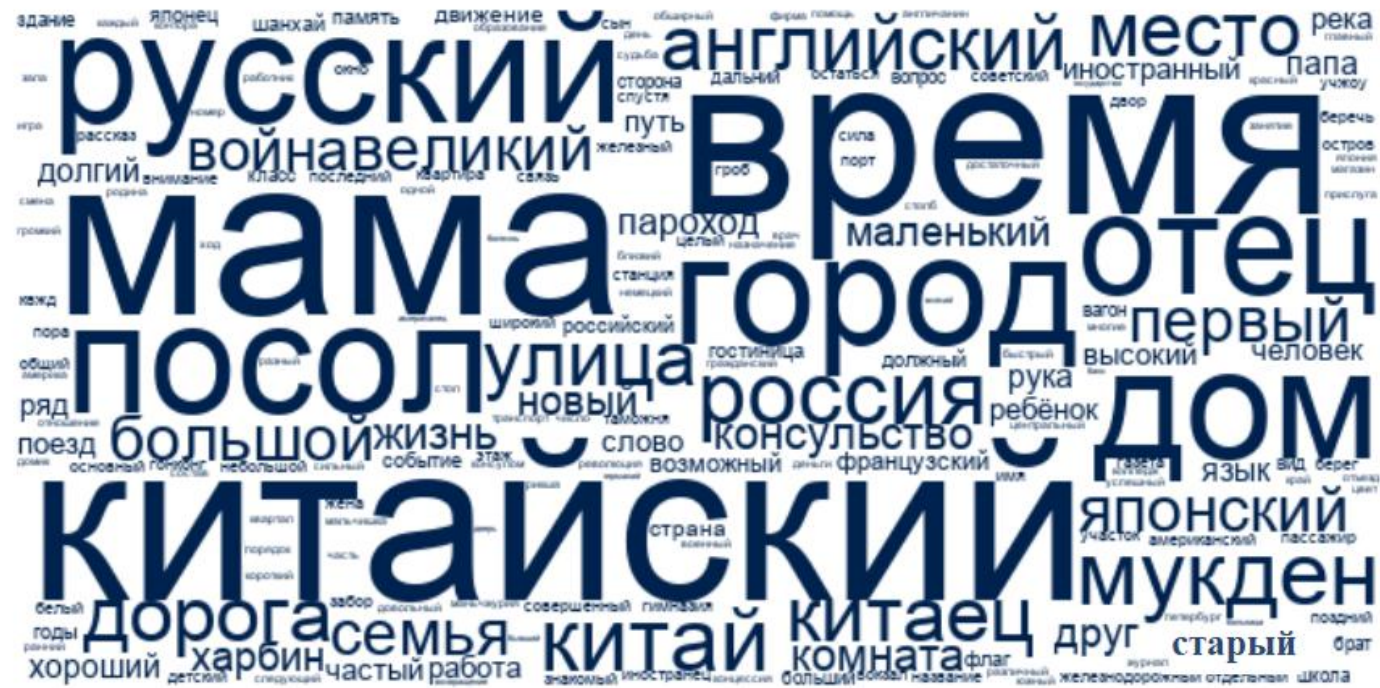

Рис. 1. Облако знаменательных слов в мемуарных записках Б. С. Колоколова

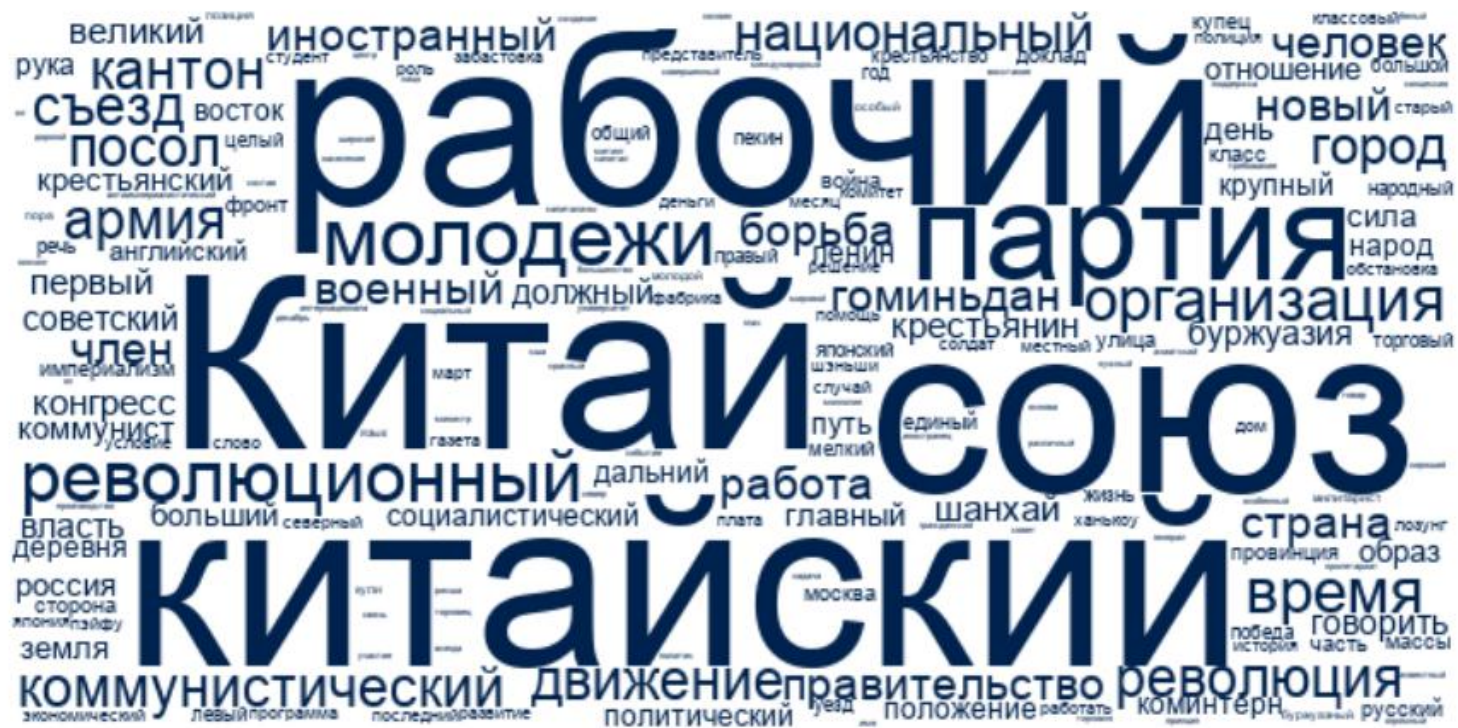

Рис. 2. Облако знаменательных слов в мемуарах С. А. Далина